

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2024

№ 2(64) || Март

#2 (64) || March

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2024-64-2-1-186

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

*докт. филол. наук старший научный сотрудник **А.В. Злочевская***

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета

им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

докт. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2024. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2024 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
*Doctor of Philology Senior Researcher **A.V. Zlochevskaya***
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(North Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

- Моисеева В.Г. (Москва, Россия) Человек своего времени.
К 100-летию Юрия Васильевича Бондарева* 7
- Нестер Н.В. (Полоцк, Беларусь) Художественное своеобразие
романа У. Голдмана «Принцесса невеста»* 16
- Акбаба Т. (Бурдур, Турция) Русский язык и литература в Турции*..... 22
- Давлатзода Р. (Худжанд, Республика Таджикистан) Морфологические
особенности и словообразовательный потенциал
суффикса -вор в таджикском литературном языке XII века*..... 34
- Ашрапов Б.П. (Худжанд, Республика Таджикистан) Морфологические
особенности и уровень употребления сравнительной степени прилагательного
в таджикском литературном языке XII века (на примере
«Тарджумаи Та’рихи Ямини» Джурфодикони)* 42
- Лоевская М.М. (Москва, Россия) Житийная литература конца
XX – начала XXI века: отличительные особенности и своеобразие* 49

Фундаментальные исследования

- Ружицкий И.В. (Москва, Россия) «Человек» в языковой картине
мира Достоевского* 58
- Красильникова Л.В., Сапунова А.В. (Москва, Россия) Словообразовательные
гнезда и подгнезда с позиции когнитивно-коммуникативного подхода*..... 77

Материалы и сообщения

- Байнова О.А. (Москва, Россия) Народные приметы о погоде:
специфика формы и синтактико-стилистические особенности* 96
- Ковилоски Славчо (Скопје, Република С. Македонија) Лав Н. Толстој
во македонската книжевна од XIX век* 104
- Куренная Н.М. (Москва, Россия) Круг чтения советских людей в 1930-е гг.
(По страницам журнала «Книжные новости»)* 110
- Гусева А.В. (Москва, Россия) Образы женщин в журнале
«Московский Меркурий» П.И. Макарова*..... 117
- Лоевская М.М. (Москва, Россия) Трансформация русской
апокрифической литературы в XIX веке* 125
- Обморнова В.В., Прошина В.Э. (Москва, Россия) Переработка
Людвигом Тиком сказок Шарля Перро
«Красная шапочка» и «Синяя Борода»* 130

Библиографии

- Воропаев В.А. (Москва, Россия) Библиография произведений Н.В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке (1836–2022): дополнения*..... 139
- Громова М.М. (Москва, Россия) Радуле Стийенский (1901–1966).
Библиография публикаций на русском языке. Часть 2*..... 169

Научная жизнь

- Дементьева О.Ю. (Москва, Россия) Круглый стол «Магистр-2024:
шаг в профессию»: традиция продолжается* 181

In Memoriam

- Сергей Николаевич Мещеряков
(8 мая 1954 – 23 февраля 2024)*..... 184

Contents

Articles

<i>Moiseeva V.G. (Moscow, Russia) A Man of His Time. To the 100th Anniversary of Yuri Bondarev</i>	7
<i>Nestser N.V. (Polotsk, Belarus) Artistic Uniqueness of the Novel “The Princess Bride” by W. Goldman</i>	16
<i>Akbaba T. (Burdur, Turkey) Russian Language and Literature in Turkey</i>	22
<i>Davlatzoda R. (Khujand, Republic of Tajikistan) Morphological Peculiarities and Word-Building Potential of the Suffix -vor in Tajik Literary Language Referring to the 12th century</i>	34
<i>Ashrapov B.P. (Khujand, Republic of Tajikistan) Morphological Peculiarities and Level of Usage of Comparative Degree of Adjective in the Tajik Literary Language Referring to the 12th century</i>	42
<i>Loyevskaya M.M. (Moscow, Russia) The Peculiarities of Hagiographic Literature of the late 20th – early 21st centuries</i>	49

Fundamental Research

<i>Ruzhitsky I.V. (Moscow, Russia) The Concept of “tchelovek” in Dostoevsky’s Linguistic Worldview</i>	58
<i>Krasilnikova L.V., Sapunova A.V. (Moscow, Russia) Cognitive-Communicative Approach to the Word-Formation Nests and Subnests</i>	77

Communications and Materials

<i>Baynova O.A. (Moscow, Russia) Folk Omens about the Weather: Specificity of Form and Syntactic-stylistic Peculiarities</i>	96
<i>Koviloski Slavcho (Skopje, N. Macedonia) L.N. Tolstoy’s Works in the Macedonian Critical Essays of the 19th century</i>	104
<i>Kurennaya N.M. (Moscow, Russia) The Circle of Reading of Soviet People in the 1930s. (According to the pages of the magazine “Knizhnye Novosti”)</i>	110
<i>Guseva A.V. (Moscow, Russia) Female Images in “Moskovsky Mercuriy” by P.I. Makarov</i>	117
<i>Loyevskaya M.M. (Moscow, Russia) Transformation of Russian Apocryphal Literature in the 19th century</i>	125
<i>Obmornova V.V., Proshina V.E. (Moscow, Russia) Ludwig Tick’s Overhaul of Charles Perrot’s Fairy Tales “Little Red Riding Hood” and “Bluebeard”</i>	130

Bibliography

<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia) The Bibliography of N.V. Gogol’s Works and Literature about Him in Russian (1836–2022): Supplements</i>	139
<i>Gromova M.M. (Moscow, Russia) Radule Stijenski (1901–1966). Bibliography of Russian-language Publications. Part 2</i>	169

Academic Life

<i>Dementieva O.Yu. (Moscow, Russia) Round Table “Masters Students 2024: Step into the Profession”: The Tradition Continues</i>	181
---	-----

In Memoriam

<i>Sergey Nikolaevich Meshcheryakov (May 8, 1954 – February 23, 2024)</i>	184
---	-----

Статъи

Articles

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

**Человек своего времени.
К 100-летию Юрия Васильевича Бондарева**

Аннотация: В статье анализируется творчество Ю.В. Бондарева, художественное своеобразие его прозы, основные черты которой определились в произведениях военной тематики. Внимание также уделено «лейтенантской прозе» – особому явлению в русской литературе, заявившему о себе в конце 1950-х гг.

Ключевые слова: Ю. Бондарев, «военная» проза, «лейтенантская проза», Великая Отечественная война

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

**A Man of His Time.
To the 100th Anniversary of Yuri Bondarev**

Abstract: The article deals with the artistic originality of Yu.V. Bondarev's work, themed at a man in war. Attention is paid to the so called "lieutenant's prose", a special phenomenon in Russian literature in late 1950s.

Key words: Yuri Bondarev, "military" prose, "lieutenant's prose", Great Patriotic War

В 1957 г. увидела свет повесть Юрия Бондарева «Батальоны просят огня». Именно с этой даты ведет отсчет «лейтенантская» проза. Уже в следующем году читатели познакомятся с прозой Григория Бакланова (повесть «Пядь земли»), через год – с повестью Быкова («Журавлиный крик»). Критика заговорила о «второй волне» военной прозы, и – позднее – к этому течению отнесут прозу К. Воробьева, В. Кондратьева, В. Астафьева.

Много было споров о правомерности самого термина «лейтенантская проза» (впрочем, как и обозначения по тематическому признаку – «военная» проза), однако термин закрепился именно в силу своей очевидности: понятно, что в нем сфокусировано то основное, что объединяет названных писателей, и это, конечно, не их воинское звание, а принадлежность к одному поколению – поколению рожденных в 1920-х гг. О них и о себе строчки Давида Самойлова, родившегося в том же 1920-м:

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Кто-то из них прошел войну в лейтенантском звании, кто-то получил его после войны (Бондарев получил звание младшего лейтенанта запаса в декабре 1945 г., закончил войну старшим сержантом), кто-то вернулся с войны рядовым (как Астафьев), – важно не это. Именно военные годы сформировали их мировоззрение, личный военный опыт определил доминанты художественного стиля произведений, и не только военной тематики. Поэтому странными и несколько наивными выглядят попытки уличить Юрия Бондарева в том, что он не совсем правомочно был причислен к когорте этих писателей, и искать автобиографические черты в персонажах Бондарева сержантского звания: «...чьи же тогда черты воплощены в образе командира орудия сержанта Меженина из того же произведения?»¹ Это полностью отрицательный, грубый, наглый и жестокий персонаж. Это именно он пытается изнасиловать немецкую девушку Эмму, которую спасает и в которую потом влюбляется лейтенант Никитин <...>. И тут задумаешься. Обычно автор в литературном произведении рассказывает (так или иначе) в том числе и о себе. <...> На войне Юрий Бондарев какое-то время служил командиром орудия, был сержантом, затем – старшим сержантом. И вдруг в одном из самых сильных его романов появляется такой несимпатичный товарищ, при этом сержант и командир орудия. Да отчего же так? В этом романном сержанте отразились черты кого-то из сослуживцев писателя? Или... или что-то было в военной биографии самого Юрия Бондарева? <...> Юрий Васильевич, расскажите. Искренне, без пафоса, доверительно, исповедально. Читатель вас поймет»². Подобного рода инсинуации в адрес Бондарева при всей своей очевидной надуманности отражают отношение к творчеству писателя, которое стало проявляться во второй половине 1990-х – 2010-х и было обусловлено в первую очередь тем, что Бондарев оценивался как типичный, достаточно благополучный советский писатель (лауреат множества премий и член редколлегий разных журналов, первый заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР, а в 1990–1994 гг. – председатель Союза писателей России), не пожелавший принять те изменения в стране, которые принесла перестройка. В 1994 г. он публично отказался принять орден Дружбы народов по случаю своего 70-летия от Б.Н. Ельцина, объяснив в телеграмме на имя президента России причины своего отказа: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны». В 1991 вместе с Александром Прохановым, Валентином Распутиным Бондарев подписал опубликованное в газете «Советская Россия» обращение – «Слово к народу», где была дана следующая оценка происходящему в эти годы в стране: «Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии».

Биография определила недоверие к творчеству писателя, и оценки произведений, написанных в эти годы («Искушение», 1992; «Непротивление», 1996; «Бермудский треугольник», 1999; «Без милосердия», 2004), во многих случаях, как отмечает Ю.А. Есауленко, представляют собой «излишне эмоциональные, поверхностные суждения, не опирающиеся на глубокое знание текста. Особое (часто отрицательное) влияние на ход анализа произведений Ю. Бондарева оказывают сугубо личные пристрастия критика, его общественная позиция»³.

¹ Речь идет о героях книге Ю. Бондарева «Берег».

² Юрий Комягин: Писатель Юрий Бондарев не пишет правды о себе. 16 июля 2015 г.: <https://jurikan.livejournal.com/11605.html>

³ Есауленко Ю.А. Творчество Ю.В. Бондарева в русской литературной критике: Дисс. ... канд. фи-

В последние годы, что особенно видно по юбилейным статьям (15 марта 2024 г. отмечался столетний юбилей писателя), тональность оценок личности и творчества Бондарева принципиально иная (показательно, например, как теперь оценивается сержантское звание Бондарева: «Пройти всю войну солдатом, чтобы прийти офицером в русскую литературу. Красиво и символично»¹). Теперь мы можем наблюдать крайности иного рода по сравнению с критикой предыдущего периода: Бондарева «назначают» на роль главной фигуры всей «лейтенантской прозы», в чем, на наш взгляд, писатель совершенно не нуждается. Зачастую в статьях, отзывах имплицитно или эксплицитно проводится мысль о возвращении сегодня забытого Бондарева к читателю, что мы можем увидеть, в частности, в красивом пассаже, завершающем во многих отношениях интересную статью Алексей Колобродова, когда он говорит о последних десятилетиях жизни писателя: «Вместе с Советским Союзом он как будто и хотя бы отчасти переместился в Историю. Не в том смысле, что окончательно сгинул из актуального календаря – Бондарев писал, функционировал, делал принципиальные политические заявления <...> – а в том, что оказался сразу и здесь, и там – где вещи и явления прочней и долговечнее, память крепче, судьбы ярче и определенной. Как будто знал, что мир скоро вновь повернется этой суровой, сложной и, в конечном итоге, правильной стороной»².

Жить «здесь» и «там» – для Бондарева не есть выбор последних лет, видеть и оценивать день сегодняшний через призму той правды, которая была выстрадана военным опытом, это, можно сказать, символ веры писателя, он ему следовал всю жизнь, что нашло отражение и в творчестве. Сложно согласиться и с тем, что имя Бондарева в какой-то период стало только частью истории. У него всегда был и есть свой читатель (о чем свидетельствуют многочисленные отзывы на разных интернет-порталах), его произведения привлекали и привлекают внимание исследователей³. Вместе с тем надо отметить, что использованная критиком фигура речи («вместе с Советским Союзом переместился...») подсвечивает важную черту личности и творчества Бондарева: он всегда «вместе» со своим временем, эпохой – литературной, исторической, исследование поэтики его произведений позволяет увидеть, как преломлялись в писательской практике общие тенденции развития литературы на определенных этапах.

Первый вопрос, который адресовали авторам «лейтенантской прозы», почему они обратились к теме войны спустя столько лет после ее завершения? Понятно, что и они сами пытались сформулировать для себя ответ на него, потому что в нем содержится объяснение того, с чем они пришли к читателю послевоенного поколения. Ответ Бондарева на этот вопрос помогает увидеть, что было самым главным для него при обращении к военной теме: «В последние годы я часто слышал вопрос: “Почему ваше поколение сорокалетних начало писать о войне через двенадцать-пятнадцать лет после наступления мира?” <...> Душевный опыт этих людей был насыщен до предела. Все четыре года войны они прожили не переводя дыхания, и, казалось, концентрация деталей, эпизодов, конфликтов, ощущений,

---

лол. наук. М., 2008. Цит. по: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read>

¹ Алексей Колобродов: Юрий Бондарев, от солдата на войне до генерала русской литературы. Часть 2: vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s-2/

² Там же.

³ В диссертации Ю.А. Есауленко представлено более 400 источников (газетные и журнальные статьи, литературоведческие обзоры, научные статьи, диссертационные исследования, монографии), содержащих критические отзывы о творчестве Ю. Бондарева.

потерь, образов солдат, пейзажей, запахов, разговоров, ненависти и любви была настолько густа и сильна после возвращения с фронта, что просто невозможно было все это организовать, найти необходимый сюжет, композицию, ясно проявить главную мысль. Сотни сюжетов, судеб, коллизий, характеров теснились в неостывшей памяти каждого. Все было слишком горячо, слишком близко – детали вырастали до гигантских размеров, затмевали основное. И вот прошло много лет – все постепенно отстоялось. Время сделало выбор и отбор. И самое время потребовало сказать о войне то, что еще не было сказано другими. <...> Это было время после XX съезда, когда партия мужественно сказала правду о годах культа личности <...>. Мы почувствовали справедливость. Эта справедливость была человеколюбием, литература стала рассматривать человека пристальнее и подробнее. Она хотела быть исследованием внутреннего мира, тончайших движений души, ее противоречивости и сложности. Но человек не может быть независим от истории. Война уже была историей, а мы – действующими лицами ее <...>. Вот об этом писало среднее поколение. Мы не боялись трагедий, мы писали о человеке, очутившемся в самой нечеловеческой обстановке. Мы искали в нем силы преодоления самого себя и в жестокие дни искали добро и пытались увидеть будущее. Мы изображали войну такой, какой видели ее сами, какой она была»¹.

Военный опыт – то, что определяет и общность писателей «лейтенантской прозы», и различия в их видении войны как события исторического и экзистенциального. Опыт у каждого из них был свой и, что не менее важно, каждым по-своему осмыслялся в контексте уже нового, мирного времени. Эти различия мы увидим, если попытаемся выделить «внутреннюю тему» произведений, например, Бакланова, Быкова и Бондарева².

«Внутреннюю тему» произведений Бакланова, где, начиная с первых книг, почти декларативно заявлен «частный» характер жизни, поступков героев и событий, в которых они принимали участие, и одновременно подчеркивалась их связь с большой историей³, можно определить формулой «частный человек – создатель Истории». О «внутренней теме» творчества Быкова написано много, и давно найдено для нее определение: это тема выбора, того нравственного выбора, который герои писателя делают в экзистенциальной ситуации – на грани жизни и смерти, но который, по мысли писателя, является экзистенциальным по своей сути, независимо от сложности, трагичности и т. д. внешней ситуации. Для Бондарева же «внутренней темой» является столкновение человека с миром, столкновение как вечная война человека и мира, в которой обязательно есть победители и проигравшие (не случайно в его книгах мотив-образ «боя» является постоянным, о чем мы будем еще говорить дальше).

«Внешняя тема» – война – по-разному коррелирует с «внутренней». Для Бакланова это этап истории, когда все положительные и отрицательные стороны исторического времени и жизни в нем человека проявлены наиболее отчетливо; для Быкова – та ситуация, в которой экзистенциальность внутреннего выбора человека совпадает с экзистенциальностью внешних обстоятельств; у Бондарева вой-

¹ Бондарев Ю. Взгляд в биографию // Бондарев Ю. Горячий снег. Взгляд в биографию. М.: АСТ, 2024. С. 255.

² «Внутренняя тема» – термин И.А. Виноградова: «...это те стороны, которыми повернуты объекты, которые выдвинуты в них на первый план» (*Виноградов И.А. Внутренняя тема // Виноградов И.А. Вопросы марксистской поэтики. Избранные работы. М., 1972. С. 169–171*). «Внутренняя тема» в единстве с «внешней» и определяет доминанты стиля писателя.

³ Показательны в этом плане названия его повестей: «Южнее главного удара», «Пядь земли».

на как модель социума, в которой обнажены основные механизмы, управляющие жизнью человека внутри него.

В сюжетах военных произведений Бондарева большое место занимают батальные эпизоды. Изображение боя – это и конкретная картина, и образно-метафорическая: «...Остро прищутив светлые глаза, Жорка пустил длинную очередь трассирующих по бегущим от тупорылого грузовика немцам, закричал что-то азартное, перемешивая в этом крике бродяг, проституток и шибзиков. <...> Будто опаляющий ветер поднялся от ревуших танков, от пулеметов, от разрывов на брустверах, от учащенных ударов противотанковых ружей, от неразборчивого Жоркиного крика, поднялся и обрушился гибельно на голову паренька» («Батальоны просят огня»). Обрисовывая отдельные моменты, подробности боя, писатель дает «крупный план» изображения, а в форме развернутого метафорического сравнения, которое как бы вбирает в себя все частности, – «общий план». Таким образом картина конкретного боя приобретает почти эпический масштаб, представляется как битва человека и противостоящей ему стихии, квинтэссенция великого поединка человеческого и античеловеческого (в любых его формах), происходящего ежедневно и ежечасно, а на войне только более драматично. Подробно исследовав образную тему «бой» в произведениях писателя, Ф.М. Горленко приходит к выводу, что, во-первых, она является у Бондарева сквозной, во-вторых, «ее образно-смысловое развитие осуществляется посредством взаимодействия ассоциативно-концептуального ядерного тропа образа “бой – огненное море” и системы взаимосвязанных с ним ассоциативно-знаковых периферийных образов»¹. Этот вывод относится не только к военной прозе писателя. Бондаревская концепция мира выстраивается вокруг образа-понятия «бой», дополняясь такими образами-понятиями, как «берег», «выбор», «игра», «искушение», значение которых подчеркивается вынесением их в заглавие произведений. Взаимосвязь этих понятий подчеркивается и тем, что в работах исследователей первые три романа рассматриваются как трилогия, а после выхода в свет «Искушения» стали говорить уже о тетралогии². Очевидно и достаточно традиционно значение второго из них – «выбор», поэтому позволим себе подробнее остановиться на остальных.

Роман «Берег» (1975) в момент своего появления вызвал много споров, связанных с образом главного героя и финалом романа (неожиданная и, как утверждали некоторые критики, художественно не мотивированная смерть Новикова), любовной коллизией Вадим Никитин – Эмма Герберт и, в итоге, с общей концепцией произведения, отраженной в заглавии. О его значении говорит Л. Финк, участвуя в обсуждении романа, инициированном журналом «Вопросы литературы»: «Начнем с начала – с названия. У него есть два смысла: с одной стороны, берег – это цель движения, тот самый солнечный берег, упоминанием о котором роман заканчивается, с другой – в романе несколько раз фигурирует понятие: люди, стоящие на разных берегах. Значит, есть мир разделенный, мир, в котором столкнулись разные социальные силы, и возникает вопрос о том, может ли этот разделенный мир прийти к одному берегу, солнечному и обетованному»³, – в возможность чего, добавим мы, так верилось сразу после окончания Второй мировой войны.

¹ Горленко Ф.М. Экспрессивно-семантические связи слов в художественном тексте (на материале произведений Ю. Бондарева): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 176.

² Доклад А.Л. Крупчанова «Творчество Ю. Бондарева: от лейтенантской прозы к тетралогии» на Круглом столе «Тема Великой Отечественной войны в русской литературе XX–XXI веков», проходившем на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в мае 2020 г.

³ См.: Соколов В. Мир современный, мир сложный; Роман Ю. Бондарева «Берег» обсуждают Л. Финк,

Образ берега в романе имеет психологическое и социокультурное значение, поскольку связан не только с личной историей героев, но и с темой Россия – Запад в романе, которая будет продолжена в следующем по хронологии произведении тетралогии – романе «Игра». Как и в предыдущем произведении, заглавный образ – образ игры – связан с противопоставлением двух начал, двух полюсов жизни, добра и зла в человеке («рабская лживость» Молочкова, скрывающая, как маска, «мстительную улыбку» и «перекошенное злобой лицо»); поведение «многоопытного лицедея» директора студии Балабанова) и в современном мире. Наблюдая за жизнью в Европе и меняющейся жизнью в России, главный герой режиссер Крымов осознает, что «жизнь подменяют игрушкой, <...> игрой в жизнь», «весь мир играет в дешевую красоту». Бондарев видит в этом влияние именно западной культуры – так образ берега как символ противостояния дополняется, уточняется образом-мотивом игры. Однако мотив берега получает здесь развитие и в философско-психологическом плане, проясняя, какие категории для писателя являются определяющими в понятии «добро»: в финале романа перед смертью Крымову открываются «среди летней травы на бугре» «распахнутые ворота древнего каменного монастыря, залитого полуденным солнцем, виденного им когда-то на Севере, и почему-то появилась высокая монашка, вся в черном, траурном, мучительно знакомая родным взглядом траурных глаз, с белым платом на черной шапочке, с мокрым от слез лицом, которая шла ему навстречу в сопровождении худого и изможденного протопопа Аввакума, в смертельной тоске прижимая к груди молитвенно сложенные руки»¹. И образ монастыря предстает как чаемый героями берег, приблизиться к которому дано только за пределами земного пространства, где продолжается бой добра и зла, примирение невозможно. По крайней мере, в современном мире. По крайней мере, по мысли Бондарева.

В последнем романе тетралогии – «Искушение» (1991) – писатель обращается к набирающей популярность в 1970–1980-е гг. экологической тематике, которая, позволим себе предположить, привлекает его прежде всего как возможность актуализировать в художественном тексте на уровнях сюжетном и образном нравственно-философскую проблему ответственности человека за свои поступки не только перед собой и другими людьми, но и перед всем живым: теперь в бою, в противостоянии добра и зла «потери в живой силе» несет не только человек (добровольный уход из жизни академика Григорьева, гибель Тарутина, друга главного героя), но и природа, в жизнь которой человек волюнтаристски вмешивается, перекраивая земной ландшафт в угоду своим меркантильным интересам. В романе мы можем найти мотивы, характерные для тетралогии в целом (выбора – берега – игры и, конечно, боя), однако центральный мотив – искушения – делает слышимыми такие «обертоны» этих мотивов, которые дают почувствовать неоднозначность воплощенных в них категорий нравственной оценки человека, его поступков. Искушение в романе – это не только предлагаемая академиком Козиним и министром Татарчуком² Дроздову, главному герою, возможность об-

В. Чалмаев, В. Соколов, А. Лиханов, А. Бочаров // Вопросы литературы. 1975. №9. С. 26–73. Цит. по: vorlit.ru/article/mir-sovremennyj-mir-slozhnyj-roman-yu-bondareva-bereg-obsuzhdayut-l-fink-v-chalmaev-v-sokolov-a-lihanov-a-bocharov/

¹ Бондарев Ю.В. Игра // Бондарев Ю.В. Игра: Роман; Мгновения: Миниатюры. М.: Худож. лит., 1987. С. 224.

² Об образах этих героев, мотивах евангельских и «Легенды Великого Инквизитора» в романе см.: Шкурат Л.С. Проблема духовно-нравственного самоопределения героя-интеллекта на рубеже XX–XXI вв. (по роману Ю.В. Бондарева «Искушение» // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. №3. С. 119–128.

речения разного рода материальных и социальных благ путем отречения от своих идей, но и искушение праведной, справедливой ненавистью, которую он видит в своем друге Тарутине и которая, по мысли Дроздова, губительна прежде всего для самого человека. Он не может выбрать для себя ни тот, ни другой путь. Финал романа открытый.

Анализ тетралогии показывает, с одной стороны, цельность мировидения писателя, с другой стороны, то, что эта цельность не означает отсутствия в ней внутреннего движения, направленного на постижение разных сторон жизни, что влечет за собой развитие и художественного стиля писателя, языка его произведений.

Надо отметить, что Бондарев с первых своих произведений был очень требователен к слову, много внимания уделял выработке собственного художественного стиля. Он говорил: «...Я не люблю фразы нагой, лишенной какой бы то ни было эмоциональной окраски, без внутреннего нерва. Иногда нужна, разумеется, и резкая бескрасочная обнаженность, однако чаще всего только насыщенная оттенками фраза передает энергию, запах, настроение, цвет – почти физическое ощущение описываемого предмета»¹. В поэтике Бондарева романтически-возвышенное и натуралистически-достоверное органично сочетаются, вырабатывается новый стиль, базирующийся на соединении традиций социально-психологической и героико-романтической прозы. Бондарев пытается найти свой путь преодоления «канцелярита»: «...понятие “канцелярит” не более чем эвфемизм: оно является знаком другого явления – стиля, в котором господствует слово, когда-то родившееся в системе новой общественной идеологии, но потом застывшее, окостеневшее»². Бондарев, как отмечалось в одной из статей тех лет, «демонстративно восстает против оскопления языка, обесцвечивания его»³.

Проблема выработки индивидуального стиля, борьба против «окостеневших» форм языка выступили на первый план в литературе конца 1950-х. Г.А. Белая так характеризует этот период: «...начался перспективный процесс, который условно можно назвать преодолением обособленности стиля от изображаемой действительности, от живущего в ней человека. Он был полон полемики, этот процесс...»⁴. Стиль Бондарева, на наш взгляд, сложился на стыке «старого» и «нового», он как бы изнутри полемичен. С одной стороны, язык повестей – эмоциональный, образный, включающий и элементы живой, естественной разговорной речи, – выгодно отличался от «клишированного» языка многих произведений тех лет. С другой стороны, поскольку в описаниях доминирует авторское мировосприятие (а в тех случаях, когда авторское слово соседствует со словом героя, речь персонажа чаще всего не содержит выраженных индивидуальных характеристик), можно сказать, что повествование в произведениях Юрия Бондарева, в сущности, монологично.

В военной прозе Бондарева обозначилось его стремление уйти и от однозначной оценки человека, деления на положительных и отрицательных героев. «...В психологическом “да” заложена частица “нет” <...>. ...художественная истина выявляется из столкновения “да” и “нет”, положенных на чашу весов, мера которых сердце и разум»⁵, – писал он. Выяснение этой художественной истины требует от писателя тонкого психологического анализа, разработки емкой, мно-

¹ Бондарев Ю. Время – жизнь – писатель // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. Вып. 2. М., 1975. С. 278.

² Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. С. 68.

³ Борцаговский А. Жизнь и смерть капитана Новикова // Дружба народов. 1959. № 7. С. 67.

⁴ Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. С. 68.

⁵ Бондарев Ю. Поиск истины. М., 1976. С. 137.

гогранной системы моральной оценки человека. Мало увидеть и констатировать сложность человеческой природы, необходимо осмыслить взаимообусловленность ее различных свойств, выявить ее доминанту, – в противном случае действительно можно поверить, что, как заявляет Бондарев, «в человеке уживаются несколько характеров, нередко совершенно противоположных, исключающих друг друга»¹. И можно согласиться с Г.А. Белой, что «безбрежная аморфность “раскованной” человеческой личности», признаваемая Бондаревым, является лишь «обратным знаком» по отношению к замкнутой наглухо моральной системе оценок В. Быкова. И в том и в другом случае за пределами психологического исследования остается диалектическая связь различных корректирующих друг друга слоев, из которых состоит человеческая личность².

Как мы видим, биографический, исторический, социокультурный контекст определяет не только направленность внимания Бондарева на те или иные темы, проблемы, но и художественные принципы, особенности художественного стиля его произведений. В большей или меньшей степени, но это влияние проявляется в творчестве любого художника, однако Бондарева, на наш взгляд, отличает особая чуткость к социокультурным запросам времени. Это подтверждают и слова самого писателя: «Все, что я пишу, целиком обусловлено временем <...>. Время живет в писателе, так же как писатель живет во времени»³.

ЛИТЕРАТУРА

Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. 192 с.

Горленко Ф.М. Экспрессивно-семантические связи слов в художественном тексте (на материале произведений Ю. Бондарева): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 195 с.

Есауленко Ю.А. Творчество Ю.В. Бондарева в русской литературной критике: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. Цит. по: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read>

Колобродов Алексей: Юрий Бондарев, от солдата на войне до генерала русской литературы. Часть 1. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s/>

Колобродов Алексей: Юрий Бондарев, от солдата на войне до генерала русской литературы. Часть 2. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s-2/>

Соколов В. Мир современный, мир сложный; Роман Ю. Бондарева «Берег» обсуждают Л. Финк, В. Чалмаев, В. Соколов, А. Лиханов, А. Бочаров // Вопросы литературы. 1975. №9. С. 26–73. Цит. по: voplit.ru/article/mir-sovremennyj-mir-slozhnyj-roman-yu-bondareva-bereg-obsuzhdayut-l-fink-v-chalmaev-v-sokolov-a-lihanov-a-bocharov/

Шкурат Л.С. Проблема духовно-нравственного самоопределения героя-интеллекта на рубеже XX–XXI веков (по роману Ю.В.Бондарева «Искушение») // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. №3. С. 119–128.

¹ Там же. С. 132–133.

² *Белая Г.А.* Художественный мир современной прозы. С. 36.

³ Страницы творчества. Юрий Бондарев. М.: Русский язык, 1984. С. 134.

REFERENCES

- Belaya G.A. (1983) *The Artistic World of Contemporary Prose*. Moscow. 192 p.
- Gorlenko F.M. (1986) *Expressive-semantic Connections of Words in a Literary Text* (based on the works of Yu. Bondarev): Thesis. Moscow. 195 p.
- Esaulenko Yu.A. (2008) *Creativity of Yu.V. Bondarev in Russian Literary Criticism*: Thesis. Moscow: www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read
- Kolobrodov Alexei: Yuri Bondarev, from a Soldier in the War to a General of Russian Literature. Part 1. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s/>
- Kolobrodov Alexei: Yuri Bondarev, from a Soldier in the War to a General of Russian Literature. Part 2. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s-2/>
- Shkurat L.S. The Problem of Spiritual and Moral Self-Determination of the Intellectual Hero at the turn of the 20th–21st cs. (based on the novel “The Temptation” by Yu.V. Bondarev). *Vestnik TvGU. Series: Philology*. 2015. No 3, pp. 119–128.
- Sokolov V. The World Is Contemporary, The World Is Complex; Yu. Bondarev’s novel “The Shore” is discussed by L. Fink, V. Chalmaev, V. Sokolov, A. Likhanov, A. Bocharov. *Voprosy Literaturny*. 1975. No 9, pp. 26–73: voplit.ru/article/mir-sovremennyj-mir-slozhnyj-roman-yu-bondareva-bereg-obsuzhdayut-l-fink-v-chalmaev-v-sokolov-a-lihanov-a-bocharov/

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Moiseeva,
PhD
Senior Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com

Н.В. Нестер (Полоцк, Беларусь)

Художественное своеобразие романа У. Голдмана «Принцесса невеста»

Аннотация: Рассматривается художественное своеобразие книги У. Голдмана (William Goldman, 1931–2018) «Принцесса-невеста» («The Princess Bride», 1973). Данное произведение представляет собой постмодернистский метатекст, «книгу в книге», если принимать во внимание авторские предисловия – «книгу в книге в книге в книге». Сказочный сюжет данного произведения имеет признаки цикличности. Отмечается жанровая специфика произведения, выделяются черты литературной сказки, фэнтези и притчи. Рассматривается система персонажей произведения, главные герои которого – Уэстли и Лютик – совершают своего рода «квест», проходя через различные испытания, обретая друг друга и верных друзей в лице Иньиго и Фэззика.

Ключевые слова: архетип, жанр, персонаж, притча, система персонажей, сказка, фэнтези

N.V. Nestser (Polotsk, Belarus)

Artistic Peculiarities of the W. Goldman's Novel "The Princess Bride"

Abstract: The article deals with the artistic tools of the book "The Princess Bride" (1973) by W. Goldman (1931–2018). This work is a postmodern metatext, a "book within a book", if we take into account the author's prefaces – "a book within a book within a book within a book within a book". The fairy-tale plot of this work is characterized by signs of cyclicity. The genre origin of the work is noted, the features of literary fairy tale, fantasy and parable are distinguished. The system of characters of the work is considered, the main characters of which – Westley and Buttercup make a kind of "quest", passing through various tests, finding each other and faithful friends in the person of Inigo and Fezzik.

Key words: archetype, genre, character, parable, character system, fairy tale, fantasy

Уильям Голдман (William Goldman, 1931–2018) – американский писатель, драматург и сценарист, лауреат двух премий «Оскар» за сценарии к фильмам «Бутч Кэссиди и Санденс Кид», «Вся президентская рать». Кроме того, У. Голдман является автором двух романов «Марафонец» («Marathon Man», 1974) и «Принцесса-невеста» («The Princess Bride», 1973), экранизированных по его же сценариям. Роман У. Голдмана «Принцесса-невеста» долгое время был известен только по

экранизации 1987 г. Русскоязычные читатели могут познакомиться с данным романом в переводе А. Грызуновой [1]. В 2017 г. книга У. Голдмана «Принцесса-невеста» вышла в переводе на белорусский язык [2].

Роман «Принцесса-невеста» представляет собой постмодернистский метатекст, «книгу в книге», если принимать во внимание авторские предисловия – «книгу в книге в книге в книге». На титульном листе обозначен автор классической повести о настоящей любви и необычайных приключениях – С. Моргенштерн. У. Голдман значится как редактор, сокративший текст произведения и опубликовавший только интересные его фрагменты. Книгу «Принцесса-невеста» предваряют два предисловия, одно из которых предпослано 30-летнему юбилейному изданию, другое – 25-летнему. Таким образом, У. Голдман выдает сказку за сокращенную версию книги некоего С. Моргенштерна, при этом еще и сочиняет версию знакомства с данной книгой, делая себя персонажем собственной истории. В книге явно выражена позиция автора, рассказчика, иногда в одном лице: «По сей день это моя самая любимая книжка на свете. И я пуще прежнего жалею, что ее написал не я»¹ [1: 29].

Во вступлении к книге У. Голдман, желая вызвать у сына интерес к ней, перечисляет тематическое поле произведения: «Фехтование. Сражения. Попытки. Яды. Настоящая любовь. Ненависть. Мечь. Гиганты. Охотники. Плохие люди. Хорошие люди. Прекраснейшие женщины. Змеи. Пауки. Звери всех форм и размеров. Боль. Смерть. Смелчаки. Трусы. Сильнейшие мужчины. Погони. Побег. Ложь. Истина. Страсти. Чудеса»² [1: 55]. При этом писатель создает два мира – мир волшебный и мир реальный. Действие книги начинается в обычном мире, а потом осуществляется перенос в другой мир. Так, королевство Флорин географически определено в произведении: «Страна Флорин располагалась между нынешними Швецией и Германией. (Дело было еще до Европы). По закону правил там король Лотарон и его вторая жена, то есть королева. На самом деле всем заправлял принц Хампердинк»³ [1: 88]. Таким образом, в реальности королевство Флорин существовало на самом деле и существует до сих пор, туда летают самолеты, оттуда родом отец писателя.

В этой же вторичной реальности сам У. Голдман все тот же голливудский сценарист, женат на психиатре и растит сына, которого пытается заинтересовать сказкой, некогда прочитанной ему отцом-флоринцем: «“Принцесса-невеста” – лучшее, что со мной случилось (прости, Хелен; Хелен – моя жена, пока в детской психиатрии), и еще задолго до женитьбы я знал, что поделюсь этой книгой с сыном»⁴ [1: 59]. При этом рассказчик становится полноправным персонажем «истории про историю», перебивая отступлениями текст вымышленного С. Моргенштерна, объясняя, почему и что именно он сократил, поясняя читателям, что добро не всегда побеждает зло: «Эта книжка говорит: “Жизнь несправедлива”, а я говорю вам это всем без исключения, и вы уж мне поверьте»⁵ [1: 252]. Рассказ про

¹ «IT'S STILL MY favorite book in all the world. And more than ever, I wish I had written it» [3: 19].

² «Fencing. Fighting. Torture. Poison. True love. Hate. Revenge. Giants. Hunters. Bad men. Good men. Beautifullest ladies. Snakes. Spiders. Beasts of all natures and descriptions. Pain. Death. Brave men. Coward men. Strongest men. Chases. Escapes. Lies. Truths. Passion. Miracles» [3: 32].

³ «THE LAND OF Florin was set between where Sweden and Germany would eventually settle. (This was before Europe.) In theory, it was ruled by King Lotharon and his second wife, the Queen. Prince Humperdinck actually ran things» [3: 54].

⁴ «That book was the single best thing that happened to me (sorry about that, Helen; Helen is my wife, the hot-shot child psychiatrist), and long before I was even married, I knew I was going to share it with my son» [3: 34].

⁵ «This book says ‘life isn’t fair’ and I’m telling you, one and all, you better believe it» [3: 174].

текст подменяет сам текст: так, «сцены воссоединения возлюбленных», о которой много повествует автор, не существует, как и «Ребенка принцессы» – продолжения «Принцессы-невесты», написанной тем же С. Моргенштерном. Игра в стирание границ между текстом и реальностью увлекает и автора, и читателя, затягивая в текст сильнее, чем настоящая любовь и необычные приключения.

В книге У. Голдмана свободно сочетаются элементы действительности и вымысла: волшебник Макс, возвращающий к жизни Уэстли, королевство Флорин, существующее на самом деле. То, что волшебник Макс может возвращать умершего к жизни, никого не удивляет: «Но наш труп – настоящая любовь его невесты, – встрял Иньиго. – Если оживите его, он расстроит свадьбу Хампердинку...»¹ [1: 321]. Также в произведении У. Голдмана присутствует игровое начало («книга в книге»): «Короче, вот вам только «интересные куски». Их написал С. Моргенштерн. А мне прочел папа. И теперь я дарю их вам. Как вы с ними поступите – предмет отнюдь не праздного интереса для всех нас»² [1: 80].

Книга «Принцесса-невеста» делится на восемь глав: «Невеста» («The Bride»), «Жених» («The Groom»), «Жениховство» («The Courtship»), «Приготовления» («The Preparations»), «Провозглашение» («The Announcement»), «Торжества» («The Festivities»), «Свадьба» («The Wedding»), «Медовый месяц» («Honeymoon»). Кроме того, в приложении к книге приводится комментарий к «Ребенку Принцессы» («Buttercup's baby»), а также первая глава «Фэззик погибает» («Fezzik Dies»).

Сказочный сюжет данного произведения отличается признаками цикличности. Как правило, сказочная история заканчивается воссоединением возлюбленных, «Принцесса-невеста» начинается с конца. Так, уже в первой главе Лютик обретает возлюбленного, почти сразу теряет его, собирается замуж за нелюбимого принца, снова находит и теряет любимого. Приключения сказочных персонажей продолжаются до самого конца этой истории: «Не станем врать, – конечно, они вздрогнули, но для тревоги не было причин: под ними быстрее лошади королевства и они уже прилично оторвались. Впрочем, то было прежде, чем снова открылись раны Иньиго, у Уэстли случился рецидив, Фэззик свернул не туда, а лошадь Лютика потеряла подкову. И в ночи, гремя и звеня, нарастало крещендо погони...»³ [1: 357]. Таким образом, главные герои книги У. Голдмана Уэстли и Лютик совершают своего рода «квест», проходя через различные испытания, получая в свою очередь свободу, обретая друг друга и верных друзей в лице Иньиго и Фэззика.

Главная героиня книги «Принцесса-невеста» – красавица Лютик – является своего рода архетипом принцессы, в различных жизненных обстоятельствах предстает по-разному. Например, Лютик может быть вполне романтической: «Наутро после отъезда Уэстли Лютик решила, чья ей теперь положено сидеть, страдать и жалеть себя. Все-таки любовь всей ее жизни уехала, существование лишилось смысла, чего ждать от будущего и так далее и тому подобное»⁴ [1: 105]. Принцесса

¹ «“But this is his fiancée's true love,” Inigo said then. “If you bring him back to life, he will stop Prince Humberdinck's marriage –”» [3: 224].

² «Anyway, here's the «good parts» version. S. Morgenstern wrote it. And my father read it to me. And now I give it to you. What you do with it will be of more than passing interest to us all» [3: 49].

³ «They were, admittedly, startled, but there was no reason for worry: they were on the fastest horses in the kingdom, and the lead was already theirs. However, this was before Inigo's wound reopened, and Westley relapsed again, and Fezzik took the wrong turn, and Buttercup's horse threw a shoe. And the night behind them was filled with the crescendoing sound of pursuit...» [3: 250].

⁴ «THE FIRST MORNING after Westley's departure, Buttercup thought she was entitled to do nothing more than sit around moping and feeling sorry for herself. After all, the love of her life had fled, life had no meaning, how could you face the future, et cetera, et cetera» [3: 67].

Лютик сочетает в себе красоту и ум: «Вообще-то, Лютик никогда не была так хороша. В спальню она вошла невозможно прелестной девушкой. Женщина, которая вышла из спальни, была чуть тоньше, гораздо мудрее и бесконечно печальнее. Эта женщина постигла природу боли, а в великолепии ее черт проступали характер и отчетливое понимание скорби»¹ [1: 108]. В некоторых ситуациях Лютик предстает расчетливой: «Потому что, – сказала Лютик, – в браке бывает любовь, а мне такие забавы плохо удаются. Я один раз попробовала, но вышло нехорошо, и я поклялась больше никого не любить»² [1: 125]; «Не жди слишком от жизни многого, сказала себе Лютик, скача дальше. Довольствуйся тем, что есть»³ [1: 136].

Ее возлюбленный, архетип принца, мальчик с фермы Уэстли, тоже не так прост: годы странствий развили в нем незаурядный ум, но обида на возлюбленную порой делает его жестоким: «Я все эти годы жил в хижине ради тебя. Я учил языки ради тебя. Я стал сильным – я думал, тебе понравится сильное тело. Я всю жизнь молился только о том, чтобы наступила нежданная заря, когда ты вдруг взглянешь на меня»⁴ [1: 103]. Не желая быть узанным, Уэстли становится таинственным незнакомцем в черном, когда возвращается, чтобы спасти Лютик: «Но... в самом дальнем углу Большой площади... в самых высоких хоробах страны... во мраке темнейшей тени... затаился человек в черном. Кожаные сапоги его были черны. Брюки его были черны, и рубаха тоже. Черна была его маска – вернее ворона. Но чернее всего сверкали его глаза»⁵ [1: 135]. Даже сама Лютик не сразу понимает, что перед ней ее возлюбленный. Порой в Уэстли говорит обида на Лютик: «Я столько лет тебе это твердил – ты просто не слушала. Ты говорила: “Мальчонка, сделай то-то” – и думала, что я отвечаю: “Как пожелаешь”, но ты слышала не то. “Я тебя люблю”, – говорил я, а ты все не слышала и не слышала»⁶ [1: 104]. Иногда обида делает Уэстли жестоким: «Он закатил ей пощечину. – Это тебе за вранье, высочество. У меня на родине женщин за ложь карают»⁷ [1: 204].

В сказочной истории У. Голдмана действуют также злодеи – циничный принц Хампердинк и его советник граф Рюген, помешанный на исследовании боли, которые, на первый взгляд, соответствуют сказочным архетипам, но непривычно умны и дальновидны. Так, принц Хампердинк был циничен, жесток, расчетлив и высокомерен. Используя гротеск, автор дает принцу не самую лестную характеристику: «Принц Хампердинк смахивал на бочонок. Грудь – огромная мощная бочка, ляжки – бочки поменьше. Был он невысок, но весил почти 250 фунтов и

¹ «In point of fact, she had never looked as well. She had entered her room as just an impossibly lovely girl. The woman who emerged was a trifle thinner, a great deal wiser, an ocean sadder. This one understood the nature of pain, and beneath the glory of her features, there was character, and a sure knowledge of suffering» [3: 69].

² «“Because,” Buttercup said, “marriage involves love, and that is not a pastime at which I excel. I tried once, and it went badly, and I am sworn never to love another”» [3: 81].

³ «Don’t expect too much from life, Buttercup told herself as she rode along. Learn to be satisfied with what you have» [3: 86].

⁴ «I have stayed these years in my hovel because of you. I have taught myself languages because of you. I have made my body strong because I thought you might be pleased by a strong body. I have lived my life with only the prayer that some sudden dawn you might glance in my direction» [3: 66].

⁵ «But – in the farthest corner of the Great Square – in the highest building in the land – deep in the deepest shadow – the man in black stood waiting. His boots were black and leather. His pants were black and his shirt. His mask was black, blacker than raven. But blackest of all were his flashing eyes» [3: 84].

⁶ «I’ve been saying it so long to you, you just wouldn’t listen. Every time you said ‘Farm Boy do this’ you thought I was answering ‘As you wish’ but that’s only because you were hearing wrong. ‘I love you’ was what it was, but you never heard, and you never heard» [3: 66].

⁷ «He slapped her. “That is the penalty for lying, Highness. Where I come from, when a woman lies, she is reprimanded”» [3: 139].

плотный был, как кирпич»¹ [1: 111–112]. Любовь к охоте сделала принца Хампердинка жестоким ко всем без исключения: «А любил охоту. Не выпадало дня, чтобы он никого не умертвил. Все равно кого»² [1: 112].

Граф Рюген – советник принца Хампердинка – внешне выглядел безупречно, но обладал отрицательными характеристиками, сочетая в себе расчетливость, жестокость и трусость: «Граф вылез из кареты. Грациозно ступил на землю и замер. Он был рослый мужчина, черноволосый, черноглазый, плечистый и носил черный плащ и перчатки»³ [1: 93]. Граф Рюген отличался тем, что был помешан на исследовании боли: «Граф пламенно интересовался болью. Каждое “почему”, объяснявшее крик, занимало его не меньше самих страданий. И пока принц всю свою жизнь гонялся за жертвами, граф Рюген раздобывал, читал и изучал все, что касалось Мучений»⁴ [1: 259]. Причиняя боль другим, тем не мене, граф Рюген отличался трусостью: «В 17:37 Иньиго так удивился графской трусости, что на миг застыл. Потом кинулся в погоню, и, конечно, бегал он быстрее, но граф успел проскочить в дверь, захлопнул ее за собою и запер, и Иньиго никак не удавалось открыть»⁵ [1: 343].

В книге «Принцесса-невеста» присутствуют также достаточно колоритные второстепенные персонажи, вначале враги, потом союзники Уэстли и Лютика (виртуозный фехтовальщик Иньиго Монтойя и наивный гигант-силач Фэззик): «Второй тоже был смуглый, вероятно, испанец, прямой и изящный, как шпага у него на бедре. Усатый, третий, наверное турок, был крупнее всех, кого Лютик встречала в жизни»⁶ [1: 137].

Таким образом, роман У. Голдмана «Принцесса-невеста» представляет собой классический постмодернистский метатекст, «книгу в книге», вместе с авторскими предисловиями – «книгу в книге в книге в книге». Писатель выдает сказку за сокращенную версию книги некоего С. Моргенштерна, кроме того, сочиняет историю знакомства с этой книгой, делая себя персонажем собственной истории.

Роман У. Голдмана «Принцесса-невеста» включает в себя черты таких жанров, как сказка, фэнтези и притча. Со сказкой данное произведение роднит использование типичных для сказки персонажей, свободное сочетание элементов действительности и вымысла, наличие гротескного мира, наличие игрового начала, по-разному осуществляемое стремление к психологизации образов, выраженная позиция автора, рассказчика (иногда в одном лице). С фэнтези книгу У. Голдмана объединяет наличие вторичного мира, огромное количество персонажей, несколько версий приключений с участием одних и тех же героев; значительная часть вымышленных миров и сюжетов построена на архетипах. С притчей роман объе-

¹ «PRINCE HUMPERDINCK WAS shaped like a barrel. His chest was a great barrel chest, his thighs mighty barrel thighs. He was not tall but he weighed close to 250 pounds, brick hard» [3: 71].

² «Hunting was his love. He made it a practice never to let a day go by without killing something. It didn't much matter what» [3: 71].

³ «The Count left the carriage. Gracefully, he moved to the ground and stood very still. He was a big man, with black hair and black eyes and great shoulders and a black cape and gloves» [3: 58].

⁴ «The Count really cared about pain. The whys behind the screams interested him fully as much as the anguish itself. And whereas the Prince spent his life in physically following the hunt, Count Rugen read and studied anything he could get his hands on dealing with the subject of Distress» [3: 179].

⁵ «INIGO, AT 5:37, was so startled at the Count's cowardice that for a moment he simply stood there. Then he gave chase and, of course, he was faster, but the Count made it through a doorway, slammed and locked it, and Inigo was helpless to budge the thing» [3: 240].

⁶ «The second, also dark, probably Spanish, was as erect and slender as the blade of steel that was attached to his side. The third man, mustachioed, perhaps a Turk, was easily the biggest human being she had ever seen» [3: 86].

диняет обращенность к важнейшим нравственным вопросам, наличие нескольких уровней смысла, обыденность сюжета.

Персонажи данного произведения представляют собой классических персонажей фэнтези: принцесса Лютик, Уэсли, принц Хампердинк, граф Рюген. Герой фэнтези (иногда вместе с друзьями) должен пройти определенные испытания, чтобы получить награду. В романе У. Голдмана «Принцесса-невеста» Уэсли спасает Лютик от принца Хампердинка. Так, красавица Лютик, архетип принцессы, в разных жизненных ситуациях предстает по-разному: то романтичной, то расчетливой, то зрелой отважной женщиной. Ее возлюбленный, архетип принца, мальчик с фермы Уэсли, тоже не так прост: годы странствий развили в нем незаурядный ум, но обида на возлюбленную порой делает его жестоким.

В романе действуют также злодеи – циничный принц Хампердинк и его советник граф Рюген, помешанный на исследовании боли; они, на первый взгляд, соответствуют сказочным архетипам, но непривычно умны и дальновидны. В романе присутствуют также колоритные второстепенные персонажи, сначала враги, а потом союзники Уэсли и Лютика, при этом Иньиго и Фэззик – уникальные персонажи, так как проходят в определенной степени эволюцию от отрицательных персонажей к положительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голдман У.* Принцесса-невеста: Роман / Пер. с англ. А. Грызуновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 448 с.

2. *Голдман У.* Прынцэса-нявеста: Класічны аповед С. Моргенштэрна пра сапраўднае каханне і ўзвышаныя прыгоды / Пер. з англ. Н. Бакшанская. Мінск: Регістр, 2017. 288 с.

3. *Goldman W.* The Princess Bride: S. Morgenstern's Classic Tale of True Love and High Adventure. New York: Del Rey – Ballantine Books, 2007. 336 p.

REFERENCES

1. Goldman W. (2017) The Princess Bride: Novel / Transl. from English by A. Gryzunova. St. Petersburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 448 p.

2. Goldman W. (2017) The Princess Bride / Transl. from English by N. Bakshanskaya. Minsk. Registr Publ. 288 p.

3. Goldman, W. (2007) The Princess Bride: S. Morgenstern's Classic Tale of True Love and High Adventure. New York. Del Rey – Ballantine Books. 336 p.

Сведения об авторе:

Наталья Васильевна Нестер,
канд. филол. наук
доцент
гуманитарный факультет
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой

Natallia V. Nester,
PhD in Philology
Associate Professor
Faculty of Humanities
Euphrosyne Polotskaya State University
of Polotsk

n.nester@psu.by

Акбаба Т. (Бурдур, Турция)

Русский язык и литература в Турции

Аннотация: Цель этой обзорной статьи – показать процесс развития обучения русскому языку и литературе в Турции в исторической перспективе: сначала в медресах (XVIII в.), затем, с 1882 г., в военных училищах. В 1935 г. была открыта кафедра русского языка и литературы на филолого-историко-географическом факультете в Анкаромском университете. Начиная с 1990-х гг. были открыты кафедры русского языка и литературы во многих других университетах, таких как Стамбульский университет, университет Сельчук, университет Эрджиес, Гази и Кавказский университет. В настоящее время в Турции в семнадцати университетах существует кафедра русского языка и литературы, а в четырех – кафедра письменного и устного перевода на русском языке. В статье приводятся города, факультеты, квоты студентов и количество преподавателей всех действующих кафедр русского языка, литературы, письменного и устного перевода по состоянию на 2023 год. Кроме того, подробно объяснены программа «ÖYP» (программа повышения квалификации молодых ученых) и закон № 1416 «Об отправке студентов в зарубежные страны» по линии Министерства народного образования Турции. Данные получены с официального сайта «Высшее Образовательное Учреждение (YÖK)» и «Министерство народного образования Турции (М.Е.В.)». В работе использован традиционный обзорный метод. В результате данного исследования была подчеркнута необходимость расширения российско-турецкого сотрудничества в научной и образовательной сферах с целью продолжения и стимулирования интереса к исследованиям по русскому языку, литературе, культуре и истории.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, Турция, Россия, исторический процесс

T. Akbaba (Burdur, Turkey)

Russian Language and Literature in Turkey

Abstract: The aim of this review article is to demonstrate the developmental process of Russian language and literature education in Turkey from a historical perspective. The historical process reveals that Russian language was first taught in the madrasas in the 18th century. Due to the increased use of the Russian language in the army after the reforms initiated by Tsar Peter I, the teaching of the Russian language in military schools officially started in 1882. In 1935, the Department of Russian language and literature was established at the Faculty of Language, History and Geography of Ankara University. Starting

in the 1990s, Russian language and literature departments have been opened in many universities such as Istanbul University, Selçuk University, Erciyes University, Gazi University and Kafkas University. Currently, there are Russian language and literature departments in seventeen universities in Turkey, and four universities offer programs in Russian translation and interpretation. The article provides information about the cities, faculties, student quotas and the number of academic staff of these departments as of the year 2023. Additionally, the article elaborates on the “ÖYP” (Teaching Staff Training Program) and the Law No 1416 on Sending Students to Foreign Countries, which is facilitated by the Ministry of National Education. The information was obtained from the official website of the Higher Education Council of the Republic of Turkey (YÖK) and the Ministry of National Education of the Republic of Turkey (M.E.B.). This study applies the traditional review method. As a result of this research, the need for expanding scientific and educational cooperation between Russia and Turkey is emphasized to continue and encourage interest in research in the fields of Russian language, literature, culture, and history.

Key words: Russian language, Russian literature, Turkey, Russia, historical process

Официальным и письменным языком России до XVIII в. был церковнославянский, поэтому преподавание и распространение русского языка было невозможно. Однако с переходом России на гражданскую азбуку в XVIII в. русский язык отделился от церковнославянского, и можно говорить о том, что началось преподавание современного русского языка. XVIII в. является началом развития русского языкознания наряду с языковыми реформами. Основанная в 1724 г. по указу Петра I Академия наук начала интенсивные исследования, направленные на преодоление недостатков русского языка. Идеи эпохи Просвещения, господствовавшие в Европе в XVII–XVIII вв., а также начавшееся в XVIII в. политическое и экономическое возвышение России значительно повысили интерес мировой общественности к русской культуре, истории и литературе. В XIX в. преподавание русского языка достигло национального уровня и вышло на уровень общечеловеческий, чему поспособствовал Иоанн Филипп Вегелин, и со второй половины XIX в. русский язык стал пионером мировой литературы [Şahin 2014: 15–21].

Русский язык является сегодня одним из самых значимых языков в мире. Наряду с английским, арабским, испанским, китайским и французским языками, это официальный или рабочий язык многих крупнейших международных организаций: ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, ОБСЕ, МАГАТЭ, ЕврАзЭС, ШОС, ВОИС и др. На сегодняшний день русский язык, литература и культура на международной арене являются одним из ключевых направлений внешней политики России [Кульша, Рябоконева 2020: 360]. В связи с этим среди приоритетов Российской Федерации есть два важных пункта:

1. содействие изучению и распространению русского языка как важной части мировой культуры;
2. поддержка и распространение в зарубежных странах русского языка и культуры народов России¹.

В 2022 г. русский язык занял восьмое место в мире по общему количеству людей, владеющих им (258,2 млн); а по количеству носителей (людей, для которых русский язык является родным) – седьмое место (154 млн). Распространение изучения и преподавания русского языка сделало необходимым формирование системы обучения этому языку в международном масштабе.

¹ См.: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 05.06.2023).

В настоящее время в Турции наблюдается повышенный интерес к русскому языку. Такой интерес позволяет Российской Федерации максимально реализовать свои цели и задачи в сфере языковой политики. Сегодня, опираясь на широкий спектр турецко-российского сотрудничества в различных областях, таких как туризм, торговля, экономика, энергетика и т. д., очевидно, что вопрос изучения русского языка в Турции приобретает особую значимость, возрастающую с каждым днем. Председатель Ассоциации русской культуры в Анкаре Лариса Луткова-Тюрккан отметила: «Фактор тесных торгово-экономических отношений между Россией и другими странами как наилучший стимул продвижения в них русского языка наглядно демонстрирует его положение в Турции, где русский знает уже более полумиллиона человек. Это единственная в мире страна, где количество освоивших русский язык увеличилось за последние годы более чем в 10 раз» [Погодин и др. 2022: 67–68].

Цель этого исследования – показать процесс развития русского языка и литературы в турецких университетах в исторической перспективе. С этой целью в исследовании будет проанализирован период становления кафедр русского языка и культуры и сегодняшняя ситуация с русским языком в нашей стране. В исследовании будет использован традиционный обзорный метод. Данные получены с официальных сайтов «Высшее Образовательное Учреждение (YÖK)», «Министерство народного образования (M.E.B.)» и веб-сайтов кафедр русского языка и литературы турецких вузов. Результат данного исследования направлен на расширение российско-турецкого сотрудничества в научной и образовательной сферах.

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исторический процесс русского языка и литературы показывает, что в 1859 г. турецкие читатели впервые познакомились с русской литературой, переведенной на турецкий язык. В 1884 г. была переведена комедия А. Грибоедова «Горе от ума» напрямую с русского на турецкий язык, а до этого турецкие интеллектуалы читали некоторых русских писателей на французском языке. Мизанчи Мехмед Мурад, эмигрировавший из России в Турцию в возрасте 20 лет, перевел это произведение в 1884 г. [Garıper 1999: 111]. В период с 1887 по 1900 г. с русского на турецкий язык было переведено 27 стихотворений. В некоторых переводах имена поэтов указаны, в некоторых – отсутствуют [Aykut 2006: 3].

О.С. Лебедева, выпускница факультета востоковедения Казанского университета, была первой подвижницей сближения русской и турецкой литератур. Она была первой, кто перевел на турецкий язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого. Она также написала первую монографию о жизни и творчестве А.С. Пушкина и статьи о Л.Н. Толстом. В 1895 г. в Стамбуле она опубликовала свою работу «История русской литературы», где упомянула о двадцати наиболее известных русских писателях. Согласно труду тюрколога Л.О. Алкаевой «Русская классика в Турции», первым поэтическим переводом на турецкий язык стали «Стихотворения в прозе» И. Тургенева, изданные в Измире в 1886 г. Однако отсутствует информация о названии стихотворений, номере газеты, годе публикации, а также о том, кем и с какого языка был сделан перевод. Согласно архивным документам первое произведение стихотворного жанра, переведенно на турецкий язык, – стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...» М.Ю. Лермонтова (1887 г.). Оно было опубликовано под заголовком «Стихотворение одного русского поэта (Лермонтова)», который был дан переводчиком Менеменлизаде Тахиром Бейэфенди. За ним последовали переводы стихотворений «Песня пахаря» (1889 г.) А.В. Кольцова, «Птичка» (1889 г.)

Ф.А. Туманского и сказки «Царь России Петр I и мужик» (1889 г.), осуществленные Реджепом Вахьи [Олджай 2010: 24–27]. Кроме Вахьи, русские стихотворные произведения перевели Ольга де Лебедева, Джихангир Андиджани, Джеляль Унси, Абдуллах Джевет, Мемдух, Али Кемаль и др. [Garipet 1999: 115].

Начиная с 2000-х гг. большой вклад в области переводов русской литературы в Турции внесли многие специалисты, в их числе известные турецкие переводчики Хасан Али Эдиз, Эргин Алтай, Мехмет Озгюль, Атаол Бехрамоглу, Сабри Гюрсес, Угур Бюке, Мазлум Бейхан, Азер Яран и многие другие.

КАК НАЧАЛОСЬ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ТУРЦИИ?

Русский язык впервые стал преподаваться в XVIII в. только в медресе «Ипти-да-и Дахиль и Сахн», однако неясно, как, почему и с какой целью это делалось. В 1882 г. было официально начато преподавание русского языка в военном училище Мектеб-и Фунун-у Харбие-и Шахана и планировалось, что русский язык будет преподаваться в течение трех лет обучения. После провозглашения конституционной монархии (1908 г.) в учебной программе Военной академии были сделаны изменения. Но русский язык продолжали преподавать на первом, втором и третьем курсах Военной академии с целью развития военных знаний и идей, а также обучения различным языкам [Караджан, 2013: 103–104].

В период Второй конституционной монархии преподавание русского языка было начато Стамбульском университете. 21 апреля 1912 г. указом ‘Дарьюла Фунуна’ русский язык был включен в учебную программу факультета литературы наряду с французским, немецким и английским языками. Для проведения научных исследований в области иностранных языков, в том числе русского языка и литературы, и подготовки специалистов возникла необходимость создания специализированного факультета. По просьбе Мустафы Кемаля Ататюрка в 1935 г. филолого-историко-географический факультет появился в Анкарском университете. Он был открыт 9 января 1936 г. при участии М.К. Ататюрка. На факультете были организованы кафедры тюркологии, санскрита, шумерского, аккадского, китайского, греческого, латинского, немецкого, французского, английского, венгерского и русского языков и началось их преподавание. В годы создания и в последующий период на кафедре русского языка и литературы работали выдающиеся ученые: профессора Акдес Нимет Курат, Хасан Эрен, Абдулкадир Инан, Михаил Сокольников; ассистент Хасан Бычакчы; преподаватели Орхан Шамхал, Рамазан Карча, Гаффар Гюней, Рана Чакыроз; доктора филологических наук (PhD) Сантери Анкерия, Расиме Уйгун, Шефика Карашай Ортайлы [Aktay 2012: 47].

На филолого-историко-географическом факультете обучение в аспирантуре началось в 1940 г., а в магистратуре – в 1971–1972 учебном году. В настоящее время на отделениях кавказских и славянских языков существуют кафедры армянского, болгарского, польского, русского, македонского и сербского языков. Филолого-историко-географический факультет Анкарского университета является ведущим в ряду высших учебных заведений в области преподавания иностранных языков в Турции; он сыграл важную роль в создании кафедр иностранных языков, в том числе русского языка и литературы, написании магистерских и докторских программ и подготовке специалистов по иностранным языкам и литературе в Турции¹.

¹ См.: <http://www.dctf.ankara.edu.tr/> (erişim tarihi: 10.06.2023).

В 1953 г. Генеральным штабом Турции был издан «Русско-турецкий словарь военных терминов», предназначенный для изучения русского языка в военных учебных заведениях. Помимо немецких, английских, французских и русских двусторонних словарей при подготовке словаря был использован «Военный турецко-русский словарь» П.С. Бочкарева, изданный в Москве в 1938 г. Здесь следует упомянуть «Турецко-русский словарь» 1931-го года (2-е изд.: 1945), изданный Д.А. Магазаником под редакцией В.А. Гордлевского, и «Русско-турецкий словарь» 1943-го года (2-е изд.: 1946), подготовленный совместно Д.А. Магазаником и М.С. Михайловым. Эти два словаря, являющиеся результатом кропотливой работы российских тюркологов, уже много лет используются всеми военными и гражданскими студентами в нашей стране. В 1987 г. в качестве иностранного специалиста впервые Лара Арай, гражданка Советского Союза, приехала работать на кафедре русского языка и литературы Анкарского университета [Аукут 2006: 21–23]. Преподаватели кафедры русского языка и литературы также проводили исследования в России. Профессор доктор Озлем Парер представляла кафедру русского языка и литературы Анкарского университета, когда вела исследовательскую работу в России¹.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В НАШИ ДНИ

Экономические и политические отношения между Турцией и Россией начали развиваться с начала 1990-х гг. После того как в 1990 г. в России произошли перемены, отношения между двумя странами улучшились. Благодаря нормализации турецко-русских отношений возникла потребность в изучении русского языка и русской литературы. Таким образом, возросла и потребность в создании кафедр русского языка и литературы в университетах [Аукут 2006: 23]. Были открыты кафедры русского языка и литературы в Стамбульском университете² (1992 г.), в университете Сельчук³ (1992–1993 гг.), в университете Эрджиес⁴ (1994–1995 гг.), в университете Гази⁵ (1999 г.), в Кавказском университете⁶ (2004–2005 гг.). Кроме того, в нескольких университетах были открыты кафедры письменного и устного перевода на русском языке.

В настоящее время в Турции насчитывается 208 университетов. Из них 129 являются государственными университетами и 75 – частными. В семнадцати из них существует кафедра русского языка и литературы, а в четырех – кафедра письменного и устного перевода на русском языке. Большинство этих университетов предоставляют образование на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. А в пятидесяти высших учебных заведениях преподается русский язык как второй иностранный в качестве курса по выбору⁷. Кроме Высших школ туризма и гостиничного бизнеса также на кафедрах международных отношений, международного предпринимательства, экономики, истории и управления здравоохранением в некоторых университетах преподается русский язык, например в таких,

¹ См.: *Парер М.О.* Обучение русскому языку в Анкарском университете // Вестник МАПРЯЛ. 2003. № 1(40). С. 18–19.

² См.: <https://slavdilleri-edebiyat.istanbul.edu.tr/tr/content/rus-dili-ve-edebiyati-anabilim-dali/hakkinda> (erişim tarihi: 20.06.2023).

³ См.: https://www.selcuk.edu.tr/Birim/Bolum/edebiyat-rus_dili_ve_edebiyati/15000 (erişim tarihi: 20.06.2023).

⁴ См.: <https://edebiyat.erciyes.edu.tr/tr/o/bolum/rus-dli-ve-edebiyati> (erişim tarihi: 20.06.2023).

⁵ Декретом-законом от 9 мая 2018 г. кафедра русского языка и литературы с другими кафедрами на факультете литературы университета Гази была включена в состав Анкарского университета имени Хаджи Байрам Вели. См.: <https://obs.hacibayram.edu.tr/oibs/bologna/progAbout.aspx?lang=tr&curSunit=9032> (erişim tarihi: 20.06.2023).

⁶ См.: <https://www.kafkas.edu.tr/rdeb> (erişim tarihi: 20.06.2023).

⁷ См.: <https://rg.ru/2017/04/20/v-11-universitetah-turcii-nachali-uchit-russkij-iazuk.html> (дата обращения: 25.06.2023).

как Экономико-технологический университет ТОВВ (г. Анкара), Университет изобразительных искусств Мимар Синан (г. Стамбул), Университет Ван Юзюндю Йыл (г. Ван), Университет Бурдура им. Мехмета Акифа Эрсоа.

Университеты с программой ‘Русский язык и литература’¹

Таблица 1

Название университета	Город	Срок учебы	Факультет	Квота	Количество преподавателей
Университет Агры имени Ибрахима Чечена	Агры	4 г.	Факультет естественных наук и литературы	21	6
Университет Акдениз	Анталья	4 г.	Факультет литературы	41	4
Анатолийский университет ²	Эскишехир	4 г.	Факультет литературы	41	8
Анкарский университет имени Хаджи Байрама Вели	Анкара	4 г.	Факультет литературы	52	8
Анкарский университет	Анкара	4 г.	Филолого-историко-географический факультет	31	6
Анкарский университет (дистанционное обучение)	Анкара	4 г.	Факультет заочного и дистанционного образования	103	6
Ардаханский университет	Ардахан	4 г.	Факультет гуманитарных наук и литературы	21	7
Университет Артвин Чорух	Артвин	4 г.	Факультет естественных наук и литературы	31	3
Университет имени Ататюрка	Эрзурум	4 г.	Факультет литературы	41	12
Университет Докуз Эйлюль	Измир	4 г.	Факультет литературы	31	5
Университет Эрджиес ³	Кайсери	4 г.	Факультет литературы	104	11

¹ Данные получены с официального сайта «Высшее Образовательное Учреждение (YÖK)». См.: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-anasayfa.php> (erişim tarihi: 24.06.2023).

² См.: *Sabziyeva M.* Об изучении русского языка в Анатолийском университете // *Siyasi, Sosyal ve Kültürel Yönleriyle Türkiye ve Rusya içinde / Prof. Dr. Osman Köse (Ed.)*. Ankara: Berikan Yayınevi, 2022. S. 151–157.

³ В Университете Эрджиес существуют две формы обучения: очная и вечерняя. Очно обучаются 52 студента; на вечерней форме обучения тоже 52. В Турции на вечерней форме занятия начинаются после 17.00, и студенты платят за обучение небольшую сумму. Вечерняя форма обучения ничем не отличается от очной, за исключением того, что занятия начинаются вечером и взимается плата.

Стамбульский университет	Стамбул	4 г.	Факультет литературы	52	9
Кавказский университет	Карс	4 г.	Факультет естественных наук и литературы	31	6
Черноморский технический университет	Трабзон	4 г.	Факультет литературы	21	9
Университет Невшехир им. Хаджы Бекташа Вели	Невшехир	4 г.	Факультет естественных наук и литературы	31	4
Университет Сельчук	Конья	4 г.	Факультет литературы	52	8
Университет Йедитепе ¹	Стамбул	4 г.	Факультет искусств и наук	35	12

**Университеты с программой
‘Письменный и устный перевод с русского’²**

Таблица 2

Название университета	Город	Срок учебы	Факультет	Квота	Количество преподавателей
Анкарский университет социальных наук	Анкара	4 г.	Факультет иностранных языков	41	4
Университет Бейкент ³	Стамбул	4 г.	Факультет естественных наук и литературы	30	6
Университет Окан ⁴	Стамбул	4 г.	Факультет гуманитарных и социальных наук	20	3
Стамбульский университет Айдын ⁵	Стамбул	4 г.	Высшая школа иностранных языков	20	6

В отличие от других специальностей, связанных с иностранными языками, на кафедрах русского языка и литературы обучение в большинстве университетов ведется на турецком языке, а в некоторых – на русском. На кафедрах русского языка и литературы обучение на бакалавриате длится пять лет вместе с годовой под-

¹ В Университете Йедитепе 25 студентов учатся со скидкой 50% на обучение. 10 студентов учатся по стипендиальной программе.

² Данные получены с официального сайта “Высшее Образовательное Учреждение (YÖK)”. См.: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-anasayfa.php> (Erişim tarihi: 24.06.2023).

³ В Университете Бейкент 25 студентов учатся со скидкой 50% на обучение, 5 студентов учатся по стипендиальной программе.

⁴ В Университете Окан 17 студентов учатся со скидкой 50% на обучение, 3 студента учатся по стипендиальной программе.

⁵ В Стамбульском университете Айдын 17 студентов учатся со скидкой 50% на обучение, 3 студента учатся по стипендиальной программе.

готовительной программой. Срок обучения в магистратуре составляет два года, в аспирантуре – четыре года. В отличие от российской системы образования, тема магистерской диссертации определяется после окончания учебного периода (т.е. после окончания занятий), а в аспирантуре – после сдачи кандидатского минимума.

Русский язык преподаётся не только в университетах, но и в лицеях. Постановлением Министерства народного образования от 31 марта 2005 г. за номером 17 в Анатолийских профессиональных лицеях по туризму и гостиничному бизнесу начали преподавать русский язык¹. Учебная программа по русскому языку подготовлена в рамках протокола, организованного в сотрудничестве между Министерством народного образования и Министерством туризма с целью подготовки студентов, обучающихся в сфере туризма, для более эффективного общения с туристами, приезжающими на отдых. В рамках данного протокола недельные часы урока русского языка распределены следующим образом:

**Недельные часы урока русского языка
в Анатолийских профессиональных лицеях
по туризму и гостиничному бизнесу²**

Таблица 3

Класс	Час в неделю	Уровень
10	8 ч.	A1
11	6 ч.	A2
12	6 ч.	A2

**Программа «ÖYP»
(программа повышения квалификации молодых ученых)
и закон № 1416 «Об отправке студентов в зарубежные страны» по линии
Министерства народного образования Турции**

По решению Высшего Образовательного Учреждения (YÖK) от 23.03.2010 г. за номером 2010.9 были выбраны молодые ученые по программе «ÖYP». Эта программа позволяет молодым ученым поступить в магистратуру и аспирантуру и дальше работать преподавателем в турецких университетах. Была предоставлена возможность работать в городах Бурдур, Дюздже, Невшехир, Ардахан, Трабзон, Денизли, Орду, Гиресун, Ёзгат, Артвин, Текирдаг и т. д.

В рамках вступившего в силу в 1929 г. закона № 1416 «Об отправке студентов в зарубежные страны» по линии Министерства народного образования Турции, ежегодно осуществляется выезд студентов за границу для обучения в магистратуре и аспирантуре. Для кафедры русского языка и литературы в 2014 г. была открыта квота на 8 студентов. Кроме обучения русскому языку и литературе, отобраны студенты, которые будут специализироваться в области истории, политологии, международных отношений, ядерной энергетики. Эти студенты учились в МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Российском университете дружбы народов, Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина, Московском государственном институте международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации и др. Студенты, окончившие учебу по специальности «Русский язык и литература»,

¹ См.: https://ttkb.meb.gov.tr/kurulkararlari/fihristler/fihrist_2005.pdf (erişim tarihi: 28.06.2023).

² Данные получены с официального сайта «Министерство народного образования (М.Е.В.)». См.: http://kitap.eba.gov.tr/panel/dosyalar/upload/0/0/P_0_13_10_2020_13_38_37_95.pdf (erişim tarihi: 23.06.2023).

сейчас работают в Министерстве народного образования Турции, в Анкарском университете, в университете Бурдур имени Мехмета Акифа Эрсоя, в университете Дюздже. Два аспиранта, обучающиеся в настоящее время в России, будут работать в Стамбульском университете Медениет и в Университете Невшехир имени Хаджы Бекташа Вели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно сказать, что у русского языка большой потенциал и серьезное будущее в Турции. В рамках исторического процесса впервые в Турции в 1935 г. была открыта кафедра русского языка и литературы на филолого-историко-географическом факультете в Анкарском университете. С начала 1990-х гг. были открыты кафедры русского языка и литературы во многих университетах.

В настоящее время в Турции в семнадцати университетах существуют кафедры русского языка и литературы, а в четырех – кафедры письменного и устного перевода с русского языка. В статье названы города, факультеты, квоты студентов и количество академиков всех действующих кафедр русского языка и литературы и письменного и устного перевода с русского по состоянию на 2023 г. В результате этих данных установлено следующее.

1. В 21 университете, реализующем программы по русскому языку и литературе, а также письменному и устному переводу с русского языка, созданы 9 кафедр на факультете литературы, 5 – на факультете естественных наук и литературы, 1 – на филолого-историко-географическом факультете, 1 – на факультете заочного и дистанционного образования, 1 – на факультете гуманитарных наук и литературы, 1 – на факультете искусств и наук, 1 – на факультете иностранных языков, 1 – на факультете гуманитарных и социальных наук и 1 – в высшей школе иностранных языков.
2. Во многих высших учебных заведениях преподается русский язык как второй иностранный в качестве курса по выбору.
3. Примерно каждый год 850 студентов начинают учиться по специальности «Русский язык и литература». В государственных университетах учатся 745 студентов, а в частных – 105 студентов.
4. По данным таблиц 1 и 2, более 140 академиков (турецкие русисты) работают в Турции. В это число не включены те, кто работает преподавателем в Высших школах иностранных языков. По данным Высшего Образовательного Учреждения (YÖK) в Турции работают более 170 академиков. Среди них те, кто работает преподавателем в Высших школах иностранных языков. Также небольшое количество иностранных академиков работает на контрактной основе.
5. Вечерняя форма обучения ведется только в Университете Эрджиес.
6. Дистанционное обучение – только в Анкарском университете.
7. При повышении квалификации молодых турецких русистов важную роль сыграла программа «ÖYR» (программа повышения квалификации молодых ученых) и закон № 1416 «Об отправке студентов в зарубежные страны» по линии Министерства народного образования Турции.

8. Обучавшимся русскому языку и литературе была предоставлена возможность работать в таких городах, как Бурдур, Дюздже, Невшехир, Ардаган, Трабзон, Денизли, Орду, Гиресун, Ёзгат, Артвин, Текирдаг и др.

Чтобы интерес к русскому языку, литературе, культуре и истории не угас, необходимо расширять российско-турецкое сотрудничество в научно-образовательной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Караджан Х. Исторические основы обучения русскому языку в Турции // Русский язык за рубежом. 2013. № 1. С. 103–106.

Кульша Д.Н., Рябоконева О.В. Изучение русского языка в университетах Турции: динамика последних лет // Русистика. 2020. Т. 18. № 3. С. 359–370.

Олджай Т. Рецепция переводов русских литературно-художественных произведений в Турции // Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi. 2010. № 3(5). С. 23–44.

Парер М.О. Обучение русскому языку в Анкараском университете // Вестник МАПРЯЛ. 2003. № 1(40). С. 18–19.

Погодин С.Н., Туана М., Туана Е.Н. Распространение русского языка и русской культуры в Турции на современном этапе // Россия в глобальном мире. 2022. № 22(45). С. 65–81.

Актау Ş. Историко-хронологический процесс и современное преподавание русского языка и литературы в Турции // İdil Sanat ve Dil Dergisi. 2012. № 1(04). S. 43–59.

Aykut A. Türkiye’de Rus Dili ve Edebiyatı Çalışmaları Rus Edebiyatından Çeviriler 1884-1940 ve Rusça Öğrenimi 1883–2006 // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 2006. № 2(46). S. 1–27.

Gariper C. Rusça’dan Türkçe’ye Yapılan İlk Edebî Tercüme Üzerine Bir Araştırma: Manzum Tercüme Üzerine // İlmî araştırmalar. 1999. № 7. S. 105–134.

Sabziyeva M. Об изучении русского языка в Анатолийском университете // Siyasi, Sosyal ve Kültürel Yönleriyle Türkiye ve Rusya içinde / Prof. Dr. Osman Köse (Ed.). Ankara: Berikan Yayınevi, 2022. S. 151–157.

Şahin Z. Rusçanın Yabancı Dil Olarak Öğretiminin Tarihi Gelişimi // İdil Sanat ve Dil Dergisi. 2014. № 3(12). S. 13–36.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Концепция внешней политики Российской Федерации: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 05.06.2023).

В 11 университетах Турции начали учить русский язык: <https://rg.ru/2017/04/20/v-11-universitetah-turcii-nachali-uchit-russkij-iazuk.html> (дата обращения: 25.06.2023).

Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü: <https://hacibayram.edu.tr/rus-dili> (erişim tarihi: 10.06.2023).

Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi: <http://www.dctf.ankara.edu.tr/> (erişim tarihi: 10.06.2023).

Erciyes Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü: <https://edebiyat.erciyes.edu.tr/tr/o-bolum/rus-dli-ve-edebiyati> (erişim tarihi: 20.06.2023).

İstanbul Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı: <https://slavdilleri-edebiyat.istanbul.edu.tr/tr/content/rus-dili-ve-edebiyati-anabilim-dali/hakkinda> (erişim tarihi: 20.06.2023).

Kafkas Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü: <https://www.kafkas.edu.tr/rdeb> (erişim tarihi: 20.06.2023).

M.E.B. 2005 Yılı Talim ve Terbiye Kurulu Kararları: https://ttkb.meb.gov.tr/kurulkararlari/fihristler/fihrist_2005.pdf (erişim tarihi: 28.06.2023).

M.E.B. Rusça Dersi (10, 11 ve 12. sınıf) Öğretim Programı: http://kitap.eba.gov.tr/panel/dosyalar/upload/0/0/P_0_13_10_2020_13_38_37_95.pdf (erişim tarihi: 23.06.2023).

Rus Dili ve Edebiyatı Programı Bilgileri: <https://obs.hacibayram.edu.tr/oibs/bologna/progAbout.aspx?lang=tr&curSunit=9032> (erişim tarihi: 20.06.2023).

Selçuk Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü: https://www.selcuk.edu.tr/Birim/Bolum/edebiyat-rus_dili_ve_edebiyati/15000 (erişim tarihi: 20.06.2023).

YÖK Lisans Atlası: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-anasayfa.php> (erişim tarihi: 24.06.2023).

REFERENCES

Aktay Ş. The Historical Process of the Teaching of Russian Language and Literature and a General View to its Current Position in Turkey. *İdil Journal of Art and Language*. 2012. No 1(04), pp. 43–59.

Aykut A. Russian Studies in Turkey Translations and Education. *Ankara University Journal of the Faculty of Languages and History-Geography*. 2006. No 2(46), pp. 1–27.

Gariper C. A Research on the First Literary Translations from Russian to Turkish: Verse Translations. *Scientific Researches*. 1999. No 7, pp. 105–134.

Karacan H. Historical Basis of Russian Language Teaching in Turkey. *Russian Language Abroad*. 2013. No 1, pp. 103–106.

Kulsha D.N., Rjabokoneva O.V. Teaching Russian in Turkish Universities: Modern Trends. *Russian Language Studies*. 2020. Vol. 18. No 3, pp. 359–370.

Olcay T. Reception of Translations of Russian Literary and Artistic Works in Turkey. *International Journal of Russian Studies*. 2010. No 3(5), pp. 23–44.

Parer M.O. Russian Language Training in Ankara University. *Bulletin of MAPRYAL*. 2003. No 1(40), pp. 18–19.

Pogodin S.N., Tuana M., Tuana E.N. The Distribution of the Russian Language and the Russian Culture in Turkey at the Present Stage. *Russia in the Global World*. 2022. No 22(45), pp. 65–81.

Sabziyeva M. (). On studying Russian Language at Anatolian University. In: *Türkiye and Russia in Political, Social and Cultural Aspects / Prof. Dr. Osman Köse (Ed.)*. Ankara. Berikan Yayınevi. 2022, pp. 151–157.

Şahin Z. The Historical Development of Teaching Russian Language as a Foreign Language. *İdil Journal of Art and Language*. 2014. No 3(12), pp. 13–36.

ELECTRONIC RESOURCES

11 universities in Turkey have started to teach Russian: <https://rg.ru/2017/04/20/v-11-universitetah-turcii-nachali-uchit-russkij-iazzyk.html> (date accessed: 25.06.2023).

Ankara Hacı Bayram Veli University Department of Russian Language and Literature: <https://hacibayram.edu.tr/rus-dili> (date accessed: 10.06.2023).

Erciyes University Department of Russian Language and Literature: <https://edebiyat.erciyes.edu.tr/tr/o/bolum/rus-dli-ve-edebiyati> (date accessed: 20.06.2023).

Faculty of Language, History and Geography of Ankara University: <http://www.dtcf.ankara.edu.tr/> (date accessed: 10.06.2023).

Istanbul University Department of Russian Language and Literature: <https://slavdilleri-edebiyat.istanbul.edu.tr/tr/content/rus-dili-ve-edebiyati-anabilim-dali/hakkinda> (date accessed: 20.06.2023).

Kafkas University Department of Russian Language and Literature: <https://www.kafkas.edu.tr/rdeb> (date accessed: 20.06.2023).

Russian Language and Literature Program Information: <https://obs.hacibayram.edu.tr/oibs/bologna/progAbout.aspx?lang=tr&curSunit=9032> (date accessed: 20.06.2023).

Selçuk University Department of Russian Language and Literature: https://www.selcuk.edu.tr/Birim/Bolum/edebiyat-rus_dili_ve_edebiyati/15000 (date accessed: 20.06.2023).

The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (date accessed: 05.06.2023).

The Higher Education Council of the Republic of Turkey Lisans Atlası: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-anasayfa.php> (date accessed: 24.06.2023).

The Ministry of National Education of the Republic of Turkey 2005 Decisions of the Board of Education and Discipline: https://ttkb.meb.gov.tr/kurulkararlari/fihristler/fihrist_2005.pdf (date accessed: 28.06.2023).

The Ministry of National Education of the Republic of Turkey Russian Language Curriculum (For 10th, 11th and 12th grades): http://kitap.eba.gov.tr/panel/dosyalar/upload/0/0/P_0_13_10_2020_13_38_37_95.pdf (date accessed: 23.06.2023).

Сведения об авторе:

Тюлай Акбаба,
и.о. доцента
кафедра русского языка и литературы

Университет имени Бурдура Мехмета
Акифа Эрсоя

Tulay Akbaba,
Assistant Professor
Department of Russian Language and
Literature
Burdur Mehmet Akif Ersoy University

tulay.akbaba0209@gmail.com

УДК 81.822.01

*Р. Давлатзода (Худжанд, Республика Таджикистан)***Морфологические особенности и словообразовательный потенциал суффикса *-vor* в таджикском литературном языке XII века**

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы морфологических особенностей и словообразовательного потенциала суффикса *-vor* в таджикском литературном языке XII в. на примере исторического произведения «Тарджумаи Та’рихи Ямини» Джурфодикони. Отмечается, что суффиксы играют ключевую роль в образовании рядов производных слов. Суффикс *-vor* в нашем исследовании в основном образует производные наречия. Подводя итоги анализа по исследуемой теме, можно прийти к выводу, что в «Тарджумаи Та’рихи Ямини» Джурфодикони морфологические особенности и словообразовательный потенциал суффикса *-vor*, образующего таджикские производные слова, имеют как сходство, так и различия с его функционированием в современном таджикском литературном языке.

Ключевые слова: суффикс, морфологические особенности, словообразовательный потенциал, таджикский язык, словообразовательный элемент, таджикские производные слова, «Тарджумаи Та’рихи Ямини» Джурфодикони

---

*R. Davlatzoda (Khujand, Republic of Tajikistan)***Morphological Peculiarities and Word-Building Potential of the Suffix *-vor* in Tajik Literary Language Referring to the 12th century**

Abstract: The given article dwells on the issues beset with morphological peculiarities and word-building potential of the suffix *-vor* in Tajik literary language referring to the 12th century. It exemplifies the historical production entitled as “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni. It is noted that suffixes occupy the key role in the formation of series of derivative words. The suffix *-vor* mostly forms derivative adverbs in our study. Adducing the results of the analysis concerned with the theme explored one can come to the conclusion that in “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni morphological peculiarities and word-building potential of the suffix *-vor* forming Tajik derivative words possess many similarities and differences from modern Tajik literary language.

Key words: suffix, morphological peculiarities, word-building potential, Tajik language, word-building element, Tajik derivative words, “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni

INTRODUCTION

It is common-knowledge that the Tajik language is of a long history and possesses the countless written monuments. Despite the fact that we have many such precious written monuments, not all of them have been studied in terms of lexicology, morphology and word-building. Although there are still certain information and notes in reference to some peculiarities of morphological word-combination while discussing other linguistic issues, separate articles on the relevant issue or word-building of this or that grammatical category in our ancestors’ creations and written monuments, but the historical word-building of Tajik is still complete and comprehensive. The history of the issue in question is of great importance in the determination of the inner rules the language currently. The importance of the relevant issue was recognized by the scholar in linguistic studies – S. Halimov laid an emphasis upon the idea that “...in the field of Tajik word-building, there was no work based on written monuments, and its features in a separate period were not canvassed according to a separate trace [7: 283].

It is clear that all the works and articles devoted to word-building are not identical in terms of their content. Series of works, candidate dissertations and articles dwell on the issue beset with the derivative words of modern poets and writers and prof. D.T. Tajiev’s work is one of them [5: 117].

Basically, the term of word-building indicates the process of original word-derivation based on linguistic units according to the existing ways and patterns of the language, otherwise, a direct semantic link of an original language will not relate to the linguistic units of a latter one. From this point of view, the relevant direct contextual connection is the ground aimed at the emergence of new units as synonyms [4; 3].

The objective of the corpus of our study are:

- to dwell on morphological peculiarities and determine the level of usage of the suffix *-vor* in terms of its function;
- to compare the relevance of the theme explored with modern Tajik literary language;
- to carry out certain distinctive features of word-building of the relevant suffix in the Tajik literary language referring to the 12th century on the example of the historical production entitled as “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni [6].

Scientific Novelty

The article under consideration dwells on morphological peculiarities and word-building of the suffix *-vor* in the Tajik literary language referring to the 12th century on the example of the historical writing [6] in Tajik linguistic studies, for the first time. It is worth mentioning that the frequency of usage of the suffix in question in the corpus of our study is not an identical in terms of its usage and is of great importance in the exploration of word-building.

Methodology

While canvassing the distinctive peculiarities and the frequency of uses of the suffix under study, we have resorted to the following visual methods, such as: comparative and historical, synchronic and diachronic ones.

MAIN RESULTS AND DISSUASION

Suffixes occupy the key role in the formation of series of derivative words. The main function of each suffix is determined by what meaning it gives to the derivative words. Certain suffixes form adverbs only from nouns, others are formed from adjectives, and from a number of verbs. The suffix *-vor* mostly forms derivative adverbs in the corpus of our study. There are suffixes that form only nouns, adjectives, verbs and adverbs from different parts of speech, however other ones are considered to be as multi-functionals suffixes whose derive all parts of speech, indeed they can affect the meaning of derivative words.

Hence, we are going to conduct the analysis of morphological peculiarities and word-building potential of the suffix *-vor* in the Tajik literary language referring to the 12th century on the example of the historical production entitled as “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni.

As a rule, **the suffix *-bop*** derives a considerable number of Tajik derivative words from different parts of speech (*18 derivative words / 85 times totally in terms of quantity*) based on:

a) the model of noun + *-bop*: *aūrsvor* [6: 321], *gabrvor* [6: 328], *murğovor* [6: 326], *nahangvor* [6: 307], *oftobvor* [6: 145], *ruxvor* [6: 313], *sazovor* [6: 330, 357], *šohvor* [6: 30, 145], *yusufvor* [6: 307]:

(1) Ba Ka’bai muazzam, ki *aūrsvor* bar manassa-i Makka dar hijla-i debo jilva mekunad, ki in mard nokastar ast az on ki az jaifa-i murdagon-i madfun dandon girad [6: 321].

Designing on the premise of the adduced examples, we can assert that the relevant suffix participates to form a number of derivative nouns and adverbs, but in modern Tajik literary language this word-building element is recognized as a noun, adjective and adverb forming suffix, namely, it is considered to be one of the multifunctional word-forming elements [1; 2].

In the first sentence, the suffix in question formed a new derivative adverb of manner from the personal noun *aūrs* – *daughter-in-law* in the corpus of our study only once and this is considered to be one of the distinctive peculiarities of the theme explored.

(2) Va dar in abvob safoeh-i on sahoif binigošt va az xizona-i fikr durrho-i *šohvor* dar durj-i on noma darj kard [6: 145], Laxt-e raxtu buna, ki dar suhbat bud, bifarmudam, to bad-on jonib tahvil kardand va on muddat *šovor* dar on buq’a dar zill-i zalil-i rafohiyat ġunudam va bar on ruq’a ĉun farzin dar sohat-i amnu rohat xiromidam [6: 30], sar az girebon-i mašriq barmezanad va ba’d az on *yusufvor* dar ĉoh-i maġrib pūšida mešavad [6: 307], Ba’d az on ĉun rūz ba nima rasad wa dida-i karbosu, ki *gabrvor* ba oftobparasti mašġul šavad, taomho-i nimrūz bixohad va osor-i takallufu tasalluf izhor kunad [6: 328].

It is worth mentioning that the suffix in question forms two derivative adverbs of manner from the noun denoting person (*šovor* – *kingly, like a king*) the name of person (*yusufvor* – *like Yusuf Prohibit*) and any religious tenet (*gabrvor* – *like Zoroastrian, fire worshipper*). In the first sentence, this suffix forms only one derivative adjective from the noun denoting person (*šovor* – *kingly, like a king*) and it is considered to be one of the distinctive features of the theme explored. In the second sentence, the form of derivative adverb of manner *yusufvor* is *yusufvaš* used in MTL.

(3) qantori kard va hadis-i istihlolu iftiol va taklifu ta’nif bo zuafo *murğovor* dar havo-i atrof parron gardonid [6: 326], ba isor-i asarot dar sar meaftad va munodi-i hujjat-i Ofaridgor bar ū ba ittibo-i mahajjat va inqito-i hujjat ovoz medihad va otaš-i dūzax *nahangvor* dahon farox boz karda, to ū-ro furū mebarad [6: 307].

Seemingly, the author of the chronical under study used the suffix *-vor* to form two derivative adverbs of manner from the nouns denoting the birds (*murğovor-scaredly*) and fish (*nahangvor – like a whale, sharply*) which means resemblances. As a rule, the relevant word-building element participates to derive a considerable number of adverbs of manner expressing resemblance in terms of their meanings in the corpus of our study.

(4) Va agar *oftobvor* čaroğ-e dar xona-i zulmoni-i mehnatam dori, čun oftob ba maš'aladori-i dargahat bozistam [6: 145].

In the fourth sentence, the suffix *-vor* is used to form only one derivative adverb of manner from the original Tajik noun *oftob – the Sun* which means *oftobvor – like the Sun, hotly*.

(5) Va dar mahdi tufuliyat ošiq-i adab šud va doyagon ū-ro tarbiyat kardand to on gah, ki bar arsa-i adim-i zamin *ruxvor* rost rŭye binamud va tir-i qomataš-ro rayoš-i maoš par nihodand [6: 313].

In the fifth sentence, the suffix *-vor* is resorted to form only one derivative adverb of manner from the original Tajik noun denoting human-body *rux – check* which means *ruxvor – publicly*.

(6) tavobe-i ofot va lavohiq-i makkora az on tavallud nakunad, *sazovortar* az on ki xeštan-ro pazira-i balo va sarosema-i ano soxtan va pahlū dar devor-i fitna molidan [6: 45], *Sazovortarin* čiz-e, ki zabor-i gŭyanda bad-on maš'uf bošad va inon-i jŭyanda bad-on ma'tuf, hamdu sano-i Bori, jallat kudratuu va alat kalimatuu, ast [6: 13].

In the course of finding appropriate examples it became clear that the suffix *-bop* participated to form Tajik derivative adjective in the corpus of our study only *sazovor*. It should be underscored that the relevant derivative adjective is resorted to based on adjective degrees, comparative and superlative ones.

b) the model of Arabic borrowed word + -bop: *ajuzvor* [6: 305], *mazlumvor* [6: 315], *mutanakkirvor* [6: 35, 79], *mutribvor* [6: 304], *muhrimvor* [6: 306], *oqilvor* [6: 316], *ojizvor* [6: 315], *xatibvor* [6: 124]: šir-i tabošir-i saboh darmedihad va asbon-i tozin-azhod-i ġoziyon dar maydon-i maorik karrufar mekunand va *mutribvor* dar parda-i kom zaxmai sahil bar avtor-i šuš mezanand [6: 304], Va čun har du ba ham rasidand, šamšer *xatibvor* bar manobiru manokib mašur-i azl-i omil-i sinon mexond va meguft [6: 124], Va čun masofat miyon-i har do laškar nazdik šud, amir Nosiruddin *mutanakkirvor* bar pušta-e raft, to kayfiyat-i savod va kammiyat-i a'dod-i on maloin mutolaat kunad [6: 35], Bar in qaror dasturi yoft va ba jonib-i Balx šud. Va Nŭh fursat nigoh došt va az mustatar-i xeš *mutanakkirvor* berun omad va az Jayhun guzar kard va ba Omulšat nuzul farmud [6: 79].

Alongside with the above-adduced examples the derivative adverb of manner *mutanakkirvor* is considered to be one of the rare words, which it is not registered in such form in modern Tajik literary language [1; 2] and the relevant word became archaic word.

c) the model of simple adjective + -bop: *buzurg-vor*: kor-i *buzurgvor* [6: 156], fath-i *buzurgvor* [6: 216], šaraf-e *buzurgvor* [6: 247], sayyeid-i *buzurgvor* [6: 255], xŭyho-i *buzurgvor* [6: 333], šaxs-i *buzurgvor* [6: 333, 351, 369], šayx-i *buzurgvor* [6: 336, 345, 357], har *buzurgvor-e* [6: 346]: “Malik Nŭh podšoh-e *buzurgvor* ast va aslof-i ū-ro bar koffa-i ahl-i islom huquq-i farovon sobit va muluk-i jajonu umaro-i atrof – hama sano-e-i davlatu raboib-i ne'mat-i xonadon-i qadimu dudmon-i karimi ūand [6: 105], Man ū-ro šoistatarin kason-e medonam, ki rŭ-i reg (xok) qadam guzoštaand, baro-i virosatu joišini-i ašxos-i *buzurgvor* va bomanoatu gušodarŭ va sarvaron-i nekŭkoru maruf [6: 365].

- *in order to express the sign of proper noun (person' name):* – Abulqosim-i *buzurgvor*, ki soyai Xudo dar zamin va barguzida-i Xudo-i mannon ast [6: 364];
- *the derivative adjective buzurgvor is used with its synonyms by dint of coordinating conjunctions in order to strengthen the meaning of the former in question:* Buzurgivu himoyat kard Bani Somu Bani Hom-ro va hamonand-i ū kas-e *buzurgvoru homi* nest [6: 342], – Har goh šaxsi *jalilu buzurgvor-e* az miyon-i šumo biyoyad, marg-i ma-ro bixonod [6: 343], Va hangom-e ki šaxs-e *karimu buzurgvor* darguzašt va umraš sipari šud, nom-i xubu sitoiš umr-i duvum-ro baro-i ū ejod mekunad [6: 358], Kasone, ki mebinam ešon-ro, ki ba Muhammad ibn-i Karom nagaravidaand, *karim* va *buzurgvor* nestand [6: 368];
- *it is used based on the superlative degree of adjective:* In *buzurgvortarin-i* ešon dar qadru manzalat va saxitarin-i onon dar bazl-i jonu mol ast [6: 365];
- *as well as, the word buzurgvor is used as derivative noun:* *Buzurgvore* ast, ki šutur-i xud-ro az har gurg-e himoyat mekunad va az sū-i digar gurğo-ro ba baxšandagi-i xud udedvor mekunad [6: 333], *Buzurgvore* ast, ki nazar meandozad va buzurgon-ro mebinad, ki dar barobaraš istodaand (yo muvofiq va farmonbarand) [6: 365], Nafsi Isom ū-ro ba buzurgi rasonid va ba vay hamla va jangovari-ro yod dod va podšoh va *buzurgvoraš* gardonid [6: 335].
- *buzurgvori* [6: 84, 314, 337, 337, 338, 339, 340, 340, 340, 340, 373]: Buzurgvorivu maqomi baland-ro baro-i tu pisandidam va tu šoista-i on budi va ba onon (malomatgaron) guftam, ki miyon-i manu barodar (dar buzurgi-i man va šoistagi ba hukumat) farq hast [6: 349, 353, 353, 357], Dilho-i mardum az judoi-i tu bemor ast va *buzurgvorivu majd* volavu mariz ast [6: 345], Gūyo az *siyodatu buzurgvori* ofarida šudaand va soir-i mardum az gilulandsol [6: 365], Asbob-i *buzurgvori-ro* tamom kardi, to on ki *buzurgvori-ho* az toza šudan imtino' kardand [6: 337, 341, 342, 343, 343, 347, 353, 354, 358].

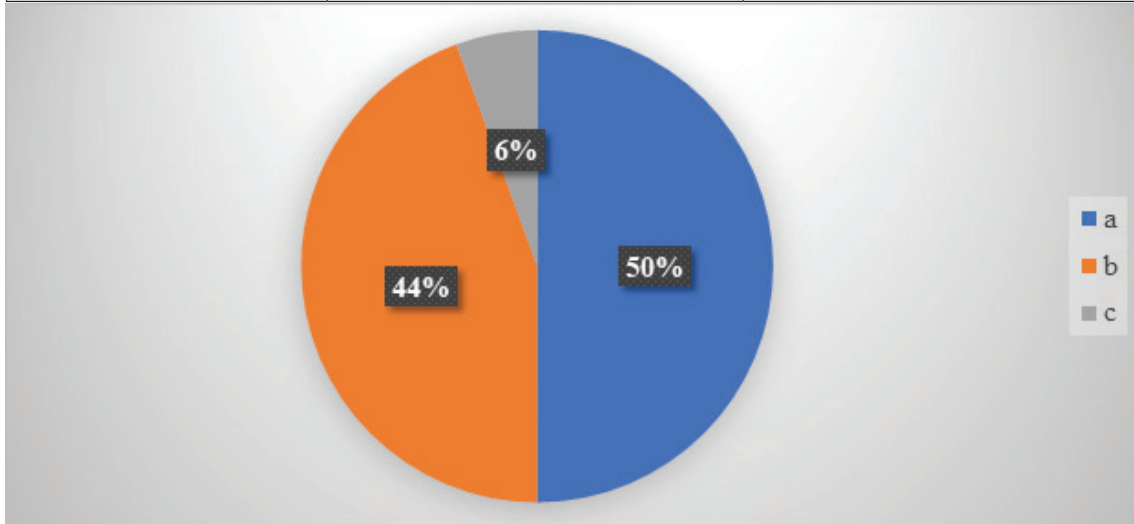
In the last sentence, the derivative noun *buzurgvori* formed based on mix structure system of word-building is used in plural form in certain cases and it is considered to be one of the distinctive peculiarities of the theme explored in the corpus of our study.

On kason-e, ki ba qatl bo šamšer giromi va *buzurgvor* mešavand, gurūh-e hastand, ki ba kamol-i *buzurgvori* narasidaand (kušta šudan ba šamšer agarči šahodat va fazilat-e ast, ammo baro-i kason-e šarofat mahsub mešavad, ki ba kamol-i *buzurgvori* narasida bošand, na baro-i kason-e, ki hama-i marotib-i *fazlu buzurgvori-ro* dorand, ki baro-i in gurūh izzatu šarofat dar marg tab-i ast) [6: 371].

The last adduced example is a testimony of the productiveness of the suffix *-vor* in the formation of new derivative word in the chronical referring to the period under consideration.

Table #1
Frequency of the productiveness
of Tajik derivative words based on the above-mentioned models

Model	Times used	Percentage
a	9 instances	50%
b	8 instances	44%
c	once	6%
Results	18 times used	

Designing on the premise of the above-estimated diagram, it is clear that the potential of word-building of the relevant suffix is more frequent which equals 50% in the term of quantity. It mostly forms Tajik derivative words by means of nouns.

Table #2
The level of usage of Tajik derivative words based on the above-mentioned models

Model	Times used	Percentage
a	13 instances	15%
b	9 instances	11%
c	63 instances	74%
Results	85 times used	

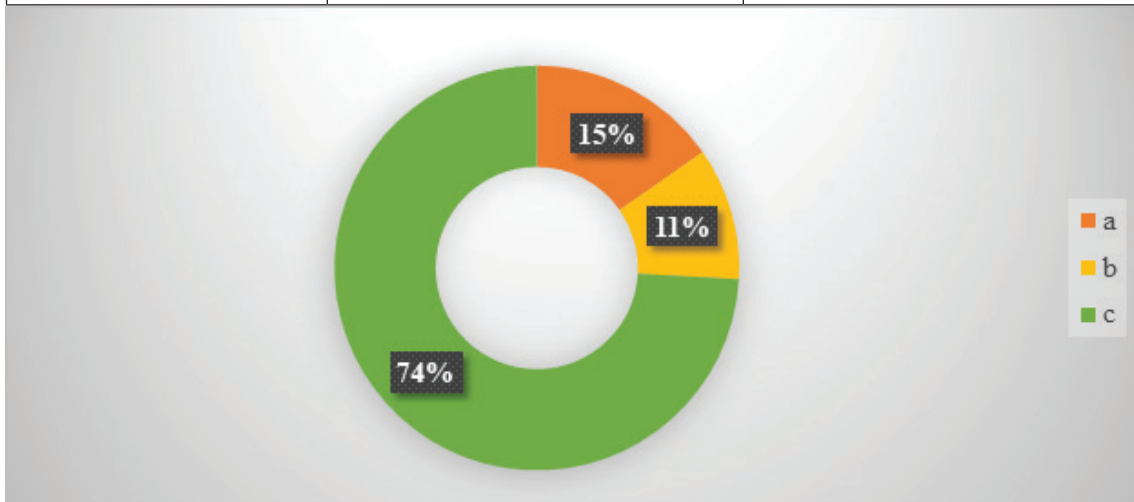
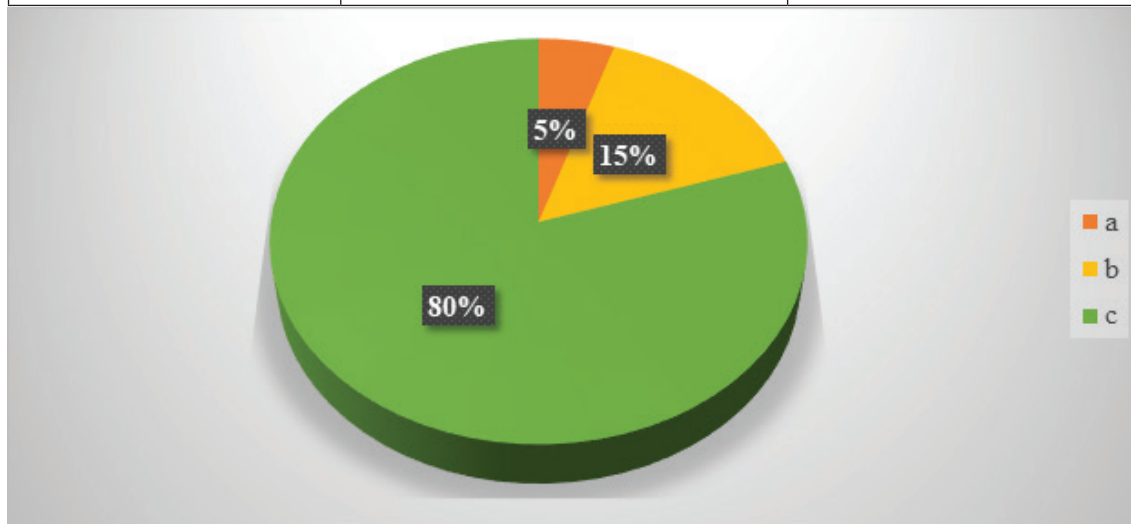

Table #3
 Functions and potential of the suffix *-vor* as a word-building element

Model	Times used	Percentage
a – as noun forming	once	5%
b – as adjective forming	3 instances	15%
c – as adverb forming	16 instances	80%
Results	20 times used	

CONCLUSION

Adducing the results of the analysis dealing with the theme explored we can come to the conclusion that morphological peculiarities and word-building potential of the suffix *-vor* forming Tajik derivative words possess many similarities and differences in the corpus of our study and in MTLL.

Based on the results of the second table, it is clear that the potential of word-building of the suffix *-vor* more frequent which equals 74% in the term of quantity. It mostly forms Tajik derivative words by means of adjective *buzurgvor*.

According to the third table we can assert that the suffix in question participates as adverb forming word-building element which equals 80%.

In a nutshell, we decided to adduce some rare derivative words those ones are normal their usage in the corpus of our study, such as: *yusufvor* – like Yusuf Prohibit, *gabrvor* – like Zoroastrian, fire worshipper, *mutanakkirvor* – knowingly-unknowingly.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Душанбе: Маориф, 1983. 120 с.
2. Граматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.
3. Розӣ Шамси Қайс. Ал-Муъҷам. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи ҷоп У.Тоиров. Душанбе: Адиб, 1991. 463 с.
4. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик. Душанбе: Дониш, 1972. 120 с.
5. Таджиев Д.Т. Слово об «вода» в современном таджикском языке // Осори мунтахаб. Душанбе, 2005. С. 108–138.

6. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ / Муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва фехристи Н.И. Ғиёсов. Хуҷанд: Ношир, 2013. 420 с.

7. Ҳалимов С. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик аз рӯи забони «Гулистон»-и Саъдӣ // Масъалаҳои забон ва адабиёт. Қисми 2. 1975. С. 283–307.

REFERENCES

1. Bobomurodov Sh. (1983) A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language. Dushanbe. Enlightenment Publ. 120 p.

2. Grammar of Modern Tajik Literary Language. (1085) Dushanbe. Knowledge Publ. 356 p.

3. Razi, Shamsi Kais. (1991) Al-Mujam / The author of the foreword and explanation and publisher is U. Toirov. Dushanbe. Man-of-Letters Publ. 463 p.

4. Rustamov Sh. (1972) Nominal Word-Building in Tajik Literary Language. Dushanbe. Knowledge Publ. 120 p.

5. Tojiev D.T. The Word about “water” in Contemporary Tajik Language. In: Osori muntakhab. Dushanbe. 2005, pp. 108–138.

6. Tarjumai Ta’rikhi Yamini / Introduced, prepared, indexed, interpreted and transferred by N.I. Ghiyosov. Khujand. Publisher Publ. 2013. 420 p.

7. Halimov S. Nominal Word-Building in Tajik Literary Language Based on “Guliston” by Saadi. *Issues of Language and Literature*. No 2. 1975, pp. 283–307.

Сведения об авторе:

Рухсора Давлатзода,

канд. филол. наук

доцент

проректор по международным связям

Худжандский государственный

университет имени академика Б. Гафурова

Davlatzoda Rukhsora,

PhD

Associate Professor

Vice-rector of International Relations

Khujand State University named after

academician B.Gafurov

ruhsoradavlatzoda1972@gmail.com

UDC 81.821.08

Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)

**Морфологические особенности и уровень употребления
сравнительной степени прилагательного
в таджикском литературном языке XII века
(на примере «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони)**

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с морфологическими особенностями и уровнем употребления сравнительной степени прилагательного в таджикском литературном языке XII в. на примере исторического произведения «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони. Отмечается, что в современном таджикском литературном языке сравнительная и превосходная степени выражаются двумя способами: синтетическим и аналитическим, а исследуемая тема имеет давнюю историю и на протяжении своего развития прошла различные периоды и эволюцию. Подводя итоги анализа по исследуемой теме, можно прийти к выводу, что в «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони сравнительная степень прилагательного проявляется аналитически. Соответствующая степень прилагательного в целом обладает некоторыми общими и отличительными особенностями.

Ключевые слова: прилагательное, сравнительная степень прилагательного, морфологические особенности, уровень употребления, таджикский язык, выражение степеней прилагательных, суффикс *-тар*, «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони

B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)

**Morphological Peculiarities and Level of Usage of Comparative Degree of
Adjective in the Tajik Literary Language Referring to the 12th century**

Abstract: The given article dwells on the issues beset with morphological peculiarities and level of usage of comparative degree of adjective in the Tajik literary language referring to the 12th century on the example of the historical production entitled as *Tarjumi Ta'rikhi Yamini* by Jurfodiqoni. It is noted that in modern Tajik literary language comparative and superlative degrees are expressed in two ways: synthetic and analytical ones and the theme explored is of a long history and passed various periods and evolution throughout its development. Adducing the results of the analysis concerned with

the theme explored one can come to the conclusion that in “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni, the comparative degree of adjective is evinced analytically. The relevant degree of adjective possesses certain common and distinctive peculiarities, on the whole.

Key words: adjective, comparative degree of adjective, morphological peculiarities, level of usage, Tajik language, expression of degrees of adjectives, suffix *-map*, Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni

INTRODUCTION

It is common-knowledge that “determination of various periods of the history of the language and its high points of development based on both scientific-historic traces and artistic ones we proceed from the assumption of the actual issues in the field of Tajik linguistics. Into the bargain, it is impossible to create commonly accepted standard grammar without dwelling on comprehensive analysis of artistic and scientific-historical legacy” [3; 4; 5].

Language is a complex, multifaceted and developing system, which reflects all changes occurring in the society. At the modern stage of the development of linguistic studies, language is to be considered as an anthropocentric system, therefore, in the second half of the 20th century, the emergence of cognitive linguistics promoted the arrival of categories in science, which is an opportunity to study the relations between language and people’s culture. Every language has its own particular characteristics that make up various aspects, such as grammatical structure, word-stock composition and phonetic system. Each of the relevant aspects of language needs independent theoretical research. The grammatical aspect of the language was mostly paid attention to, but over time, other aspects including lexical, phonetic and other aspects of the language are also studied.

Book Review

While conducting analysis, we have resorted to “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni and we adduced the appropriate examples out of the above-mentioned source in order to bring certain thoughts and proofs. The chosen source depicts different historic events of Ghaznavids dynasty. This historical work is considered to be one of the priceless and fundamental historical sources contained a numerous historical facts and evidences belonging to the period in question.

The objective of the corpus of our study are:

- to dwell on morphological peculiarities and determine the level of usage of the suffix *-map* in terms of its function;
- to compare the relevance of the theme explored with modern Tajik literary language;
- to carry out certain distinctive features of comparative degree of adjective in the Tajik literary language referring to the 12th century on the example of the historical production entitled as “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni [9].

Scientific Novelty

The article under consideration dwells on morphological peculiarities and the level of usage of the comparative degree of adjective in the Tajik literary language referring to the 12th century on the example of the historical writings [9] in Tajik linguistic studies, for the first time. It is worth stressing that the relevant grammatical degree of

adjective in our factological materials is not an identical in terms of its usage and is of great importance in the exploration of this category of adjective.

Methodology

While canvassing the distinctive peculiarities and the frequency of uses of the suffix *-map*, we have resorted to the following visual methods, such as: comparative and historical, synchronic and diachronic ones.

MAIN RESULTS AND DISSUASION

As a rule, “the category of degrees of adjective is expressed by the suffixes *-map* (comparative) and *-марин* (superlative) in MTL. However, they differ from the current state with a number of peculiarities at various stages of the historical development of Tajik literary language, at the initial stage of the evolution of Dari-Tajik language, in particular” [3: 58–64].

At the same time, in the Tajik literary language comparative and superlative degrees are expressed in two ways: synthetic and analytical ones.

Expression of Comparative Degree of Adjective

Basically, it can be said that in the literary language appertaining to the 12th century the comparative degree of adjective in most cases is evinced analytically, namely, comparison is made in such a way that congruent objects are present including the original adjective by virtue of prepositions (especially with the preposition *аз*) [6: 137]. Upon the whole, comparative degree of adjective is formed by dint of the suffix *-map* in the language of the given historical production (*more than 112 instances*), it possesses certain common and distinctive peculiarities some of which will be discussed below:

1) Designing on the premise of the adduced statistical methods we can confidently assert that the most common way of the expression of the comparative degree of adjective is to resort to it by means of the preposition *аз* = *from* the relevant preposition occurs both before and after this degree of adjective: Ва маро имрӯз дар ҳамаи ҷаҳон *аз ту ғиромитар* кас нест ва аз ҷони ширину рӯшноии ҷашм азизтарӣ [9: 121], Ва Абулфавориси Шерзайл, ки бародари ӯ буд ва *аз ӯ бузургтар*, ба Кирмон дар шаҳри Вошаҳр муқим буд. Чун хабари вафоти падар бад-ӯ расид [9: 209].

2) Commonly, the sign of comparative degree of adjective, in its turn, expresses comparability of more or less signs in the corpus of our study, such as: *камтар* performs the relevant function stylistically and grammatically: Ба *камтар* зиллае укуботи аниф кардӣ ва ба ироқати дамоъ ва ифотати замоъ бок надоштӣ ва таъдибу таъриқи ӯ ҷуз ба ҳадди шамшери қотеъ ва синони сотеъ набудӣ ва ҳабси ӯ ҷуз матмураи лаҳад наёфтандӣ [9: 239].

3) Another distinctive peculiarity of the corpus of our study lies in the fact that both congruent and comparable ones are occurred in the sentence: ...то аъвони султон ӯро ба даст оварданд ва ба мазиди таклифу таъниф ва тақйиду ташдид ба *ҷойи ҳасинтар* боздоштанд [9: 244].

4) As rule, in accordance with the language grammatical rules that the sign of that object is compared with others ones several times, the fact that such kind of peculiarity lies in the comparative degree of adjectives of the work evinced as a part of the nominal compound verb: Ва ҳар қоида, ки бар қазийяти илму минҳочи басират мумаҳҳад гардад, бар истимрори айём *муаккадтар* шавад ва маолими он бар тамодии аъвом *олитар* бошад. Ва мабонии он бар тақаззии азмон *собиттар* ва *росихтар* гардад [9: 238].

5) Moreover, we decided to conduct an analysis beset with morphological peculiarities and grammatical means of the expression of comparative degree of adjectives, which are used both in MTLL [6; 7] and in the language of correlative historical productions [1; 2] written by ustod Aini will consider and present certain distinctive features of them in terms of their functions. It is well-known that in MTLL, the comparative degree of adjective “accepts some words and emphatic compounds” [6: 135], in this case the sign of the object is more strongly expressed, as follows: an adverb *боз* and a particle *ҳам*: ...муомилаи аскарони ғолибомадаи араб боз ҳам *бадтар* мешуд [1: 268]; a set of phrase *ҳазор бор*: ...марги дафъиро *ҳазор бор беҳтар* аз он ҳоли асафиштимол медонистам [2: 208]; preposition *аз* + *аввал(a)* + particle *ҳам*: Алӣ пешкашҳои *аз аввала ҳам зиёдтар* бурда, халифаро боз ҳам *хурсандтар* кард [1: 279]; ...интизоми мадрасаҳо *аз аввал ҳам барбодтар* шуд... [2: 56]; ...маъхазҳои *аз аввал калонтар* дод... [2: 249]; preposition *аз/from* and the postposition *дида*: Азбаски Муқаннаъро марвазӣ, яъне марвӣ мешуморанд, бояд ин деҳа *аз Балх дида* ба Марв *наздиктар* ва аз ҷумлаи деҳоти вай бошад [1: 233] the author of “*Tarjimai Ta’rikhi Yamini*” never used such kinds of grammatical events, namely it is not normal in the corpus of our study.

6) Traditionally, expression of comparative degree of adjective by virtue of the adverb: Ҷунин шеваи тасҳеҳ ба эшон имконият додааст, то як нусхаи *нисбатан комилтар* ва *боэътимодтари* ин асари гаронбахоро рӯи кор оранд [9: 12].

7) At the same time, one of the peculiarities of the language of the mentioned historical production lies in the fact that the compound adverb *ҳар чӣ тамомтар* is followed by the adjective in the term of subject: Дар он миён расулонро бор доданд, аз ҳайбати он мақом бо ташвире *ҳар чӣ тамомтар* ба хидмати тахт расиданд [9: 220], Ва чун ба наздики Қобус расид, замини хидмат бибӯсид ва пеши ӯ ба тавозе *ҳар чи тамомтар* биистод ва ашк аз дида равон кард [9: 240].

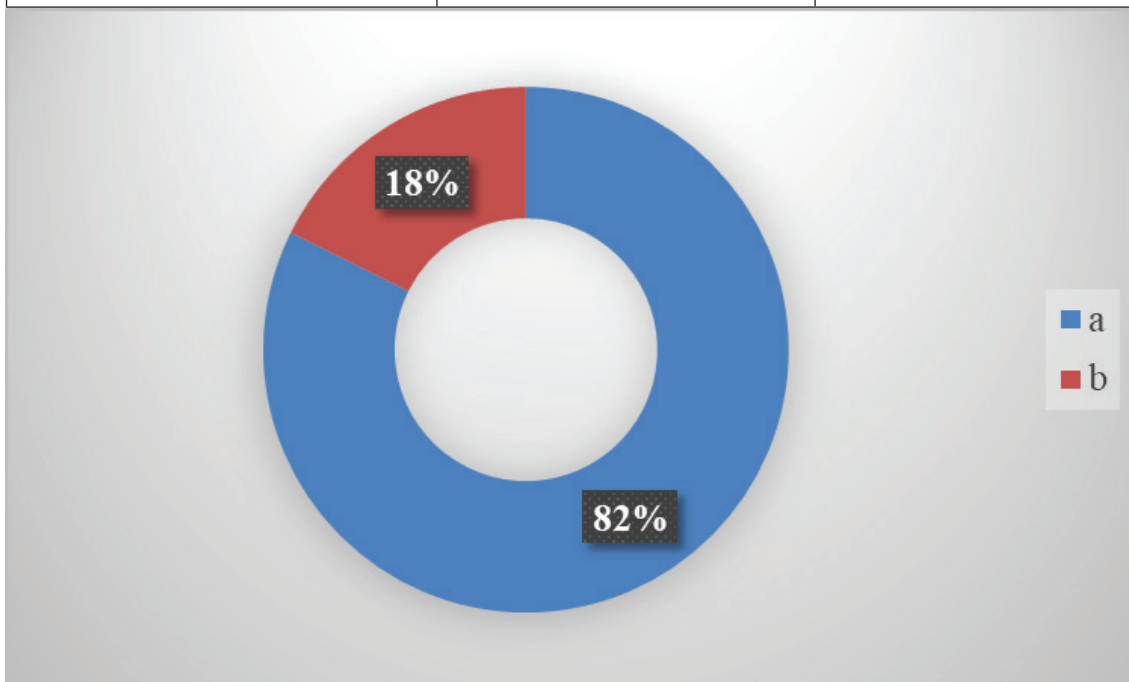
Namely, both in MTLL and in the earlier works, including: “*Ta’rikhi Bayhaqi*” (the 11th century) [8] and “*Badoe-ul-waqoe*” (the 16th century) [10] a number of set of phrases *аз ин*, *аз он*, *аз ту*, *аз худ*, *аз шумо*, *аз ҳама*, *аз вай* are resorted to in order to lay an emphasis on the comparative degree of adjective. As a rule, if the above-mentioned components come before the comparative degree, then they participate in the formation of superlative degree one that is, “combination of the composition of *аз ҳама*, *аз тамоми* and the original adjective takes place analytically” [6: 138]. If the above-mentioned compositions come before simple and comparative degrees, then they participate to express the superlative one and the author of this historical trace used only twice and the relevant grammatical means and it is concerned to be one of the distinctive peculiarities of the theme explored: Ва агар истибдоду истиклоли ту ба мубошарати ин шуғл ва субот дар маърази ин мансаб ва тафассӣ аз ӯхдаи ин кор муҳаққак будӣ, ман *аз ҳама мутеътар* ва *розитар* будаме [9: 121], Ва дар воситаи шаҳр як хона *аз ҳама олитар* бино сохта, ки ақломи куттоб ва хомаи наққошон аз таҳсину тазйини нуқуши он очиз ва ба ғояти тааннуку танаввуки он нарасад [9: 261].

While conducting an analysis concerned with the theme explored, we encountered that the suffix *-тарин* is used to perform this grammatical function in the following set of phrases: *сазовортарин* чизе [9: 13], *шарифтарин* нафоис... *азизтарин* рағоиб [9: 47], *меҳтарин* амир... *кеҳтарин* амир [9: 180], *судмандтарин* сармоя [9: 302], *охиртарин* авлод [9: 317], *беҳтарини* он [9: 337], *беҳтарини* ҳама [9: 337], *беҳтарин* бахшоянда [9: 340], *саргардонтарин* мардумакҳои чашм [9: 340], *беҳтарин* мавқеъ [9: 341], *беҳтарин* ашхос [9: 345], *беҳтарин* аҳвол [9: 354], *беҳтарин* гиёҳон [9: 370],

сутудатарин чонишинон [9: 352], *комилтарин* хушбахтӣ [9: 354], *сахттарин* бало [9: 357], *беҳтарин* чиз [9: 358, 358], *сутудатарин* шахс [9: 362], *бузургвортарини* эшон [9: 365], *сахитарини* онон [9: 365], *шоистатарин* касон [9: 365], *беҳтарин* чомаҳо [9: 369], *наздиктарин* хешу пайванд [9: 374]: *Зишттарин* чизе, ки дар он рӯз ба чашм намоён мешавад, равшании риш аст, ки ба чомаҳои хизоб пӯшонида шавад (сафедии риш олуда ба хизоб аст) [9: 375].

Frequency of usage of comparative and superlative degrees of adjective in the language of “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni

Type of degree	Times used	Percentage
a-comparative degree	112 instances	82 %
b-superlative degree	24 instances	18 %
Results		

CONCLUSION

Adducing the results of the analysis of the theme explored one can come to the conclusion that in the Tajik literary language of the 12th century, the superlative degree of adjective is evinced analytically and possesses certain common and distinctive peculiarities in terms of grammatical structure. The frequency of usage of the suffix *-map* is not identical in the corpus of our study, in particular the relevant suffix is used 112 instances to form this grammatical category of adjective from Tajik original nouns, which equals 82 % more frequently and abundantly. It is worth stressing that comparative and superlative degrees are expressed in two ways in the Tajik literary language: synthetic and analytical ones and the theme explored has a long history and passed various periods and different evolution throughout its development.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айнӣ С.* Таърихи амирони манғитияи Бухоро, Исёни Муқаннаъ. Ҷ. 10. Душанбе: Ирфон, 1966. 243 с.
2. *Айнӣ С.* Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро. Куллиёт. Ҷ.14. / Тартибдиҳанда К.С. Айнӣ. Душанбе: Матбуот, 2005. 270 с.
3. *Ashrapov B.P.* Some Views on the Usage of Degrees of Comparison of Adjectives in the Tajik Literary Language Referring to the 17th–18th centuries // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. № 3. С. 58–64.
4. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Superlative Degree of Adjective in the Tajik Literary Language Referring to the 18th and 20th centuries // *Stephanos*. 2023. №4(60). P. 65–71. DOI 10.24249/2309-9917-2023-60-4-65-71; EDN HWXLPH
5. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Comparative Degree of Adjective Usage in the Tajik Literary Language Referring to the 18th–20th centuries // *Studia Humanitis*. 2023. № 1: st-hum.ru/content/ashrapov-bp-comparative-analysis-morphological-peculiarities-and-level-comparative-degree (дата обращения: 25.07.2023).
6. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.
7. *Расгоргуева В.С.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М.: Наука, 1964. 187 с.
8. *Сулаймонов О.Ш.* Хусусиятҳои морфологии «Таърихи Байҳақӣ»-и Абулфазли Байҳақӣ: рисола барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои филологӣ: 10.02.22. Хучанд, 2008. 169 с.
9. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ / Муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва феҳристи Н.И. Гиёсов. Хучанд: Ношир, 2013. 420 с.
10. *Шарифов Б.М.* Хусусиятҳои морфологии «Бадоеъ-ул-вақоеъ»-и Восифӣ. Душанбе: Дониш, 1985. 232 с.

REFERENCES

1. Aini S. (1966) The History of Emirs of Bukhara, Muqanna's Rebellion. Vol. 10. Dushanbe. Cognition Publ. 243 p.
2. Aini S. (2005) The History of Intellectual Revolution in Bukhara. Collection of compositions. Vol. 14 / Prepared by K.S. Aini. Dushanbe. Press Publ. 270 p.
3. Ashrapov B.P. Some Views on the Usage of Degrees of Comparison of Adjectives in the Tajik Literary Language Referring to the 17th–18th centuries. *Herald of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2022. Vol. 37. No 3, pp. 58–64.
4. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Superlative Degree of Adjective in the Tajik Literary Language Referring to the 18th and 20th centuries. *Stephanos*. 2023. No 4(60), pp. 65–71. DOI 10.24249/2309-9917-2023-60-4-65-71. EDN HWXLPH
5. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Comparative Degree of Adjective Usage in the Tajik Literary Language Referring to the 18th–20th centuries. *Studia Humanitatis*. 2023. No 1: st-hum.ru/content/ashrapov-bp-comparative-analysis-morphological-peculiarities-and-level-comparative-degree (date accessed: 25.07.2023).
6. Grammar of Modern Tajik Literary Language. (1085) Dushanbe. Knowledge Publ. 356 p.
7. Rastorguyeva V.S. (1964). Experience of Comparative Study of Tajik Dialects. Moscow. Nauka Publ. 187 p.

8. Sulaymonov O. (2008) Morphological Peculiarities of “Tarikhi Baykhakhi”: Thesis: 10.02.22. Khujand. 169 p.

9. Tarjumai Ta’rikhi Yamini / Introduced, prepared, indexed, interpreted and transferred by N.I. Ghiyosov. Khujand. Publisher Publ. 2013. 420 p.

10. Sharifov B. (1985). Morphological Peculiarities of “Badoe’-ul-vakoe”-i Vosifi. Dushanbe. Knowledge Publ. 232 p.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулотович Ашрапов,

канд. филол. наук

ст. преподаватель

Факультета иностранных языков

Худжандский государственный

университет имени академика Б. Гафурова

Bahodurjon P. Ashrapov,

PhD

Senior Lecturer

Faculty of Foreign Languages

Khujand State University

named after academician B.Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

М.М. Лоевская (Москва, Россия)

Житийная литература конца XX – начала XXI века: отличительные особенности и своеобразие

Аннотация: В статье анализируется жанр агиографии и изменения в агиографической композиции житий святых XX в. Указано, что отличительной чертой «новых» агиографий становится не только точное указание года и места рождения святого, но и включение в текст протоколов допроса, отрывков из дневников, писем, фотографии. Рассматривается жанр жития-биографии мучеников и исповедников российских, канонизированных на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: агиография, жития святых, новомученики, древнерусская литература

М.М. Loyevskaya (Moscow, Russia)

The Peculiarities of Hagiographic Literature of the late 20th – early 21st centuries

Abstract: The article discusses the genre of hagiography and changes in the hagiographic composition of the lives of saints of the 20th century. It is indicated that a distinctive feature of the “new” hagiographies is not only the exact indication of the year and place of birth of the saint, but also the inclusion in the text of interrogation reports, excerpts from diaries, letters, and photographs too. The genre of biographies of Russian martyrs and confessors, canonized at the turn of the 20th–21st centuries, is analysed.

Key words: hagiography, lives of the Saints, new Martyrs, Ancient Russian literature

Житие – это знамение времени, этим объясняются те новации, которые неизбежно появляются в различных жанрах литературы, в том числе агиографической. Агиографический жанр развивался на протяжении полутора тысячелетий, но, несмотря на устойчивость, и ему было присуще понятие нового, специфическая динамика: отражение быта и нравов общества (в поздних житиях XVI–XVII вв.), использование описаний природы и пр. «Несложная, простая, бесхитростная жизнь Древней Руси так прямо и переносилась в литературное произведение»¹. Рубеж XX–XXI вв. отмечен новыми тенденциями в агиографии: наряду с древнейшими традициями появились принципиально новые. Отличительной чертой житий под-

¹ Некрасов И.С. Древнерусский литератор // Беседы в ОЛРС при Императорском Московском университете. Вып. 1. М., 1867. С. 47.

вижников конца XX – начала XXI в. стало стремление авторов к «повествователь-но-справочной» полноте при описании жизни святых мучеников и исповедников. Так, большинство житий с «протокольной» точностью сообщает о всех вехах жизненного пути того или иного подвижника (даты рождения, обучения с указанием заведения, в котором обучался будущий святой, рукоположения – принятия им сана, деятельности до и после революции, дата мученической кончины – всё. То есть перед нами сухая и сжатая биография святого. Дословно приводим житие мученика Ивана Михайловича Ковшанова. «Родился в Одессе в 1878 году в мещанской семье, юрист по образованию, бывший присяжный поверенный. Был юрисконсультom Александрo-Невской Лавры в Петрограде. Весной 1918 года был избран комиссаром по епархиальным делам “для представительства и защиты общих прав и интересов” Петроградской епархии»¹. В данном случае сложно понять, в чем, собственно, состоял подвиг святого, какова была его кончина, не говоря уж о его духовном становлении. Казалось бы, оно, «сверхкраткое», больше подходит для синодика или словаря, чем для житийного сборника. И тем не менее любые, даже самые скудные сведения о мученике, вехи его земной жизни важны, так как воскрешают имя, личность из забвения.

Подобных примеров мы немало найдем в двухтомнике Данилушкиных. Данные жития, как нам представляется, можно отнести к особому типу агиографического произведения, а именно «житию-биографии».

Как правило, в древнерусской агиографии главное внимание уделялось не личностным качествom святого, а типическим (преподобномu свойственны особый аскетизм, нестяжание, смирение и т. д., мученикам – мужество и стойкость в перенесении мучений во имя веры, юродивым – внешний имморализм и скрытая от людских взоров духовная жизнь, также активная сторона их деятельности – обличение пороков и пр.). Древнерусский агиограф «старался изобразить в своем произведении не столько действительную личность, сколько идеальный тип христианского подвижника вообще, пользуясь для этого изображением не столько историческими фактами из частной жизни описываемого им лица, сколько известными типическими чертами указанного идеала, приписывая своему подвижнику смирение, целомудрие, послушание, непрестанное трудолюбие, пост, молитву, крепость, любовь к ближнему и другие качества идеального подвижника»².

Отличительной чертой большинства современных житийных произведений является внимание к внутреннему миру подвижника, особое значение придается его портретной характеристике (что, как правило, не встречалось в древней агиографии). Например, в житии священномученика епископа Порфирия (Гулевича) раскрывается как внутренний, так и внешний облик владыки. Психологический портрет священномученика создается с помощью многочисленных художественных деталей и речевой характеристики: «Он был высокого роста с седой бородой и седыми ниспадающими на плечи волосами. Нос был крупный, с горбинкой. Над глубоко посаженными глазами свисали густые поседевшие брови. Впавшие от аскетической жизни щеки ясно очерчивали скулы. Губы были скорее тонкие, чем средние, и выражали волю, собранность и решительность. Все движения были неспешны, выверены и исполнены архиерейского достоинства. Голос был густой, исходивший как бы из сердечной глубины, свидетельствующий о широкой и ода-

¹ Некрасов И. С. Древнерусский литератор. С. 818.

² Яхонтов И. Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. С. 215.

ренной натуре. В нем чувствовалась внутренняя сила и богатая духовная жизнь. Со всеми, кто к нему приходил, епископ Порфирий был ласков и приветлив. С немощными и заблуждающимися неизменно был снисходителен. Даже во время общения по хозяйственным или другим вопросам в нем чувствовалась большая внутренняя работа и углубленность в молитву. Владыка отличался большой работоспособностью, его никто не видел уставшим. От него исходила некая энергия, просветленная духовной радостью»¹. Он бесстрашно обличает «предателей веры» (обновленческое духовенство епископ называет не иначе как «антихристами, продавшимися властям»²); с кафедры открыто призывает православных молиться о сосланных и заключенных, невинно томящихся в изгнании архиереях, священстве, монашествующих и мирянах и обвиняет в этом саму власть: «Советская власть притесняет религию, арестовывает духовенство, доходя до беззакония...»³. В 1932 г. в одной из проповедей владыка во всеуслышание заявляет: «У нас в стране голод, и в этом всем виновата власть; на Украине народ голодает. Я и сам голодаю. Власть довела страну до голода и нищеты, народ ничем не снабжают, благодаря этому развивается спекуляция, за которую власти опять же карают»⁴. Конечно, такие проповеди не могли остаться незамеченными и без последствий. А последствия, в соответствии со «сталинским каноном», были, как всегда, трагическими: арест (четыре месяца в симферопольской тюрьме), ссылка на пять лет в Казахстан, расстрел в 1937 г. за «контрреволюционную деятельность» и «антисоветскую пропаганду».

Жития, входящие в 7-томное сочинение игумена Дамаскина (Орловского), составлены уже несколько иначе, нежели в упомянутом двухтомнике Данилушкиных или сборниках житий святых подвижников XX в., изданных Сретенским монастырем⁵. В предисловии к первому тому автор пишет: «Эта книга – церковное предание, это – память церкви и народа о себе и своих святых: мучениках, исповедниках и подвижниках благочестия. Факты проверены по документам, хранящимся в архивах госбезопасности и других государственных архивах»⁶. При этом он сознается, что намеревался написать книгу о российских мучениках и исповедниках XX столетия в соответствии с общепринятыми образцами, т. е. по традиционному агиографическому канону, но отказался от задуманного. «Мне не трудно было сгладить все жизнеописания под один стиль, нивелировать их, – пишет Дамаскин (Орловский), – но такое сглаживание непременно привело бы к фактическим утратам»⁷. Следует все-таки отметить, что многие жития, им составленные, тем не менее выстраивались по традиционному принципу (родители, детство святого, его духовный путь), однако впоследствии игумену Дамаскину не удалось избежать «литературного однообразия» (В.О. Ключевский), т. е. тенденция к единообразию проявилась в большинстве составленных им житий, в первую

¹ Священномученик епископ Порфирий (Гулевич) // Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. С. 343–344.

² Там же. С. 345.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2001 год. [М.]: Благо, [2000]. 380, [3] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 1. [М.]: Благо, [2001]. 381, [2] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 2. [М.]: Благо, [2001]. 380, [3] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 2. [М.]: Благо, [2001]. 380, [3] с.; Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. 382 с.

⁶ Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992. С. 5.

⁷ Там же. С. 6.

очередь в «новой» агиографической композиции: рождение (год и место), «послужной список» с указанием дат, арест, протоколы допроса (в житии приводятся полностью тексты) и сообщение о месте гибели; жития сопровождаются уникальными фотографиями, в том числе выполненными в тюрьме после вынесения приговора для опознания лица, ведомого на расстрел. На них «запечатлен взгляд человека, уходящего в вечность...»¹. Автор намеренно стремился передать фактическую сторону события, правду, не желая ничего приукрашивать домыслами и фантазиями – «это было бы все пустоцвет»², по его мнению. Однако «протокольная точность» повествования зачастую скрывает внутренний мир святого. Дамаскин (Орловский) сознается, что не дерзал глубоко и полно изображать духовную сторону жизни того или иного подвижника: «Жизнь (и смерть) святых мучеников и подвижников есть воплощенный идеал истинного, духовного и возвышенного жития. И по этой причине она нам может показаться странной и непонятной. Душа инога подвижника так чиста, так свободна от всяких греховных и омрачающих помыслов, что нам представить это трудно. Поэтому и описать душевное состояние подвижника нелегко, не сходно оно с нашим»³.

Следует отметить, что природа «литературного однообразия» древних и современных житий совершенно различна. «Подражание биографов (древнерусских. – М.Л.) одному образцу есть первая причина того сходства между житиями, которое бросается в глаза при самом поверхностном знакомстве с этими памятниками духовной литературы»⁴. Традиционные образы и принципы их воплощения (мудрость и благочестие святого в детстве, искушения, испытываемые в зрелом возрасте), сюжетные перипетии (чудеса или испытание веры), что объясняется лишь одним – подражанием Божественному Владыке. «Создавая образ святого, автор жития исходит из того, что святость, в любом ее проявлении, всегда есть последование Христу. <...> Писатель-агиограф <...> воссоздает жизнь не просто доброго пастыря, добродетельного человека – но *святого*, то есть подобного Христу, “небесного человека и земного ангела”»⁵. Говоря словами Г.П. Федотова, происходит «растворение человеческого лица в небесном прославленном лике»⁶. «Единообразие» современных житий вызвано иными причинами: автор следует определенному композиционному трафарету, им же созданному.

В медиевистике традиционность древнерусских текстов, в том числе житийных, также понимается как наличие общих кусков в памятниках, текстуальные заимствования. «Автор-агиограф всегда использовал известные ему жизнеописания, иногда буквально заимствуя из них целые фрагменты», отсюда схожесть череды «эпизодов, повторяющихся из жития в житие, схожих ситуаций, подвигов, чудес, даже реплик и диалогов»⁷. Это качество распространяется и на современные жития. Одну и ту же, можно сказать, дословную характеристику «даниловцев» и «катакомбников» мы встречаем в житиях сщмч. Серафима (Звездинского) сщмч. Андрея (Ухтомского)⁸. Знаменитое выражение профессора Войно-Ясенец-

¹ Петрова З. Агиографический труд игумена Дамаскина (Орловского) о мучениках и исповедниках XX века: www.voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm

² Там же.

³ Там же.

⁴ Яхонтов И. Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. С. 85.

⁵ Карпов А. К читателю // Избранные жития русских святых X–XV вв. М., 1992. С. 8–9.

⁶ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 30.

⁷ Карпов А. К читателю. С. 8.

⁸ См. указанные жития в изд.: Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия... Т. 2. СПб., 2001. С. 24, 41.

кого («...я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума») перефразируется в житии сщмч. Евсевия (Рождественского). Как и Войно-Ясенецкий, он отвечает на вопросы представителя общественного обвинения, требующего доказать <...> существование Бога: «Сколько я ни смотрю на небо, вижу только небо. Не можете ли Вы более убедительно доказать нам существование Бога?» Епископ Евсевий на это спокойно заметил: «Это так же точно непонятно для меня, как и то, что я здесь, сидя на скамье подсудимых, смотрю на вас, на вашу голову, зная, что в ней есть черепная коробка, и в ней есть мозги, но мозгов в ней не вижу»¹. Таким образом, «традиционность» не просто повторение, а необходимая форма выражения конкретного содержания, она присуща как древним, так и современным житийным памятникам.

Сближает древние и современные жития цель их написания – «на уведение последним родом» (Пахомий Логофет), т. е. составляются они для почитания памяти святого и для назидания потомкам. И это вполне естественно, так как агиография всегда была и остается образцом спасительной жизни, «искусством спасения» (Б.И. Берман). Сравнительное изучение современной агиографической литературы до тех пор будет шатким и не сделается вполне твердым, пока не уяснится ее связь с древнерусскими и византийскими житиями. Изучение и обращение как к древним, так и современным житийным произведениям особенно важно сегодня. Полное отсутствие религиозного воспитания и образования в течение нескольких десятилетий сделали свое дело: новое поколение, особенно молодое, наиболее чуждо религии, оно ее не ненавидит, как большевики во главе с Лениным, большая их часть ее просто игнорирует, не замечает. И это очень опасный синдром, ведущий к отмиранию «органов исторического восприятия, к непониманию и забвению прошлого, разрыву между прошлым и настоящим, отступничеству от веры, утрате исторического предания»². Здесь уместно вспомнить А.И. Герцена, недоумевавшего, почему верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в Царство Небесное глупо, а верить в земные утопии мудро? Он же указывал, что прошлое оставляет в истории «ступню», по которой наука восстанавливает «былое в основных чертах». Так вот жития мучеников и исповедников российских позволяют, во-первых, не просто «восстановить былое», но показать зло прошлого. «История, особенно недавняя, живет среди нас. Ее корни в нашем сознании, в нашем быту, в нашем словаре. Поэтому разобраться в ней, давать оценку страшным событиям, которые сотрясали мир на протяжении почти всего нашего века, – одна из насущных проблем», – пишет прот. А. Мень³. Во-вторых, житийная литература испокон веков оказывала огромное влияние на души людей, можно сказать, что она являлась «духовной школой», «духовной опорой», «духовной пищей», дающей «духовную силу». «Это есть школа христианской мысли, христианского любомудрия <...>, вечный мир нестареющего опыта умозрения <...>. Только в нем и из него открывается правый и верный путь к новому христианскому синтезу, о котором томится и которого взыскует современная эпоха», – эти слова прот. Георгия Флоровского относятся к 1937 г., но актуальны они по сей день⁴. Это как раз то, чего не хватает сегодня современному человеку. Конечно, образ праведника всегда считался «утешительным, назидательным и животво-

¹ Священномученик Евсевий, архиепископ Шадринский // Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия... Т. 2. СПб., 2001. С. 361

² 2000-летию Рождества Христова посвящается: Спец. вып. «Вестника архивиста». М., 2001. С. 5.

³ Мень А., прот. Трудный путь к диалогу. М., 2001. С. 82–83.

⁴ Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. С. 6.

рящим» (Иннокентий Херсонский). Св. Димитрий Ростовский писал: «Памяти святых совершати апостольская заповедь. Жития же их и подвиги списовати и во общую чтущим и послушающим предлагати пользу, воистину хвально есть и спасительно. Того ради <...> да не предадутся долгим временем забвению добрыя вещи, и лишены будут человецы душевныя пользы»¹. Однако современный читатель житий (следует признать, что их в настоящее время значительно меньше, чем читателей популярной массовой литературы) вряд ли откликнется на традиционный агиографический призыв «к совершению подобных же деяний»: не встанет на многометровый столп, как столпники, для молитвы за мир, не наденет вериги, не уйдет в пустыню, – главное, чтобы житие смогло тронуть душу, «размягчить окостенелость и перевернуть душевные пласты, чтобы на размягченную и взрыхленную почву “бросить семя”...»². Это та литература, которая для многих сегодня может стать источником вдохновения, примером христианской мудрости и мужества.

ЛИТЕРАТУРА

Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159–183.

Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992. 237 с.

2000-летию Рождества Христова посвящается: Спец. вып. «Вестника архивиста» / Рос. о-во историков-архивистов, Синод. комис. по канонизации святых; [Сост. М.Н. Романова]. М.: Рос. о-во историков-архивистов: Синод. комис. по канонизации святых, 2001. 429, [1] с.

Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших: (От царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней) / [Авт.-сост. Михаил Борисович Данилушкин, Марина Борисовна Данилушкина]. Т. 2: Август-декабрь. СПб.: Воскресение, 2001. 806, [1] с.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. Кн. 4. Число 12. Свято-Введенская Оптиная пустынь, 1993. 492 с.

Избранные жития русских святых X–XV вв. / [Предисл. А. Карпова]. М., 1992. 382 с.

Мень А., прот. Трудный путь к диалогу. М., 2001. 453 с.

Некрасов И.С. Древнерусский литератор // Беседы в ОЛРС при Императорском Московском университете. Вып. 1. М., 1867. С. 39–50.

Петрова З. Агиографический труд игумена Дамаскина (Орловского) о мучениках и исповедниках XX века: www.voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2001 год. [М.]: Благо, [2000]. 380, [3] с.

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 1. [М.]: Благо, [2001]. 381, [2] с.

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2002 год. Т. 2. [М.]: Благо, [2001]. 380, [3] с.

¹ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. Кн. 4. Число 12. Свято-Введенская Оптиная пустынь, 1993.

² *Берман Б.И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 170.

Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. 382 с.

Священномученик епископ Порфирий (Гулевич) // Русь святая: Календарь ... с житиями подвижников XX столетия ... на 2003 г. [М.]: Благо, 2002. С. 338–346.

Священномученик Евсей, архиепископ Шадринский // Жития и Жизнеописания Новопрославленных Святых и Подвижников Благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших: (От царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней) / [Авт.-сост. Михаил Борисович Данилушкин, Марина Борисовна Данилушкина]. Т. 2: Август-декабрь. СПб.: Воскресение, 2001. С. 360–361.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 268, [3] с.: ил.

Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. 56 с.

Яхонтов И. Жития северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. 377 с.

REFERENCES

Berman B.I. Reader of the Lives (Hagiographical canon of the Russian Middle Ages and the tradition of its perception). In: *The Art Language of the Middle Ages*. Moscow. 1982, pp. 159–183.

Damascene (Orlovsky), hieromonk. *Martyrs, Confessors and Devotees of Piety of the Russian Orthodox Church of the 20th century. Biographies and Materials for Them. Book. 1.* Tver. 1992. 237 p.

Dedicated to the 2000th Anniversary of the Nativity of Christ: Special issue of the “Archivist Bulletin” / Russian Society of Historian-Archivists, Synodal Commission for the Canonization of Saints; [Comp.: M.N. Romanova]. Moscow. 2001. 429, [1] p.

Fedotov G.P. (1990) *Saints of Ancient Rus’*. Moscow. 268, [3] p.: ill.

Florovsky G., archpriest. (1931) *Eastern Fathers of the 4th century*. Paris. 56 p.

Hieromartyr Bishop Porfiry (Gulevich). In: *Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2003*. [Moscow]. Blago Publ. 2002, pp. 338–346.

Hieromartyr Eusebius, Archbishop of Shadrinsk. In: *Lives and Biographies of the Newly Glorified Saints and Devotees of Piety, who shone forth in the Russian Orthodox Church: (From the reign of the Tsar-Martyr Nicholas II Alexandrovich to the present day)* / [Author-compilers: M.B. Danilushkin, M.B. Danilushkina]. Vol. 2: August–December. St. Petersburg. Voskresenie Publ. 2001, pp. 360–361.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2001. [Moscow]. Blago Publ. [2000]. 380, [3] p.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2002. Vol. 1. [Moscow]. Blago Publ. [2001]. 381, [2] p.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2002. Vol. 2. [Moscow]. Blago Publ. [2001]. 380, [3] p.

Holy Rus’: Calendar... with the lives of ascetics of the 20th century... for 2003. [Moscow]. Blago Publ. 2002. 382 p.

Lives and Biographies of the Newly Glorified Saints and Devotees of Piety, who shone forth in the Russian Orthodox Church: (From the reign of the Tsar-Martyr Nicholas II Alexandrovich to the present day) / [Author-compilers: M.B. Danilushkin, M.B. Danilushkina]. Vol. 2: August–December. St. Petersburg. Voskresenie Publ. 2001. 806, [1] p.

Lives of Saints in Russian, set out according to the guidance of the Chetyih-Menya of St. Demetrius of Rostov. Book 4. Number 12. Holy Vvedenskaya Optina Hermitage. 1993. 492 p.

Men A., archpriest. (2001) *The Difficult Path to Dialogue*. Moscow. 453 p.

Nekrasov I.S. *Ancient Russian Writer // Conversations at the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University*. Issue 1. Moscow. 1867, pp. 39–50.

Petrova Z. *Hagiographical Work of Abbot Damaskin (Orlovsky) on the Martyrs and Confessors of the 20th c.*: www.voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm

Selected Lives of Russian Saints of the 10th–15th cs. / [Preface by A. Karpov]. Moscow. 1992. 382 p.

Yakhontov I. (1882) *Lives of Northern Russian Ascetics of the Pomeranian Region as a Historical source*. Kazan. 377 p.

Сведения об авторе:

Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков
и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Cultural Studies
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies

Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

И.В. Ружницкий (Москва, Россия)

«Человек» в языковой картине мира Достоевского

Аннотация: В статье на материале «Идиоглоссария Достоевского» аргументируется тот факт, что ядром авторского тезауруса является концепт ‘человек’. При определении семантической структуры слова «человек» учитываются как существующие в толковых словарях дефиниции, так и особенности употребления этого слова в текстах писателя разных жанров – в произведениях художественной прозы, в публицистике и в личных письмах, представленных в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах. Показываются некоторые идиостилевые особенности слова «человек» – употребление словоформы «человеки», новообразования, индивидуально-авторские определения, часто выполняющие оценочную функцию, и др. Отдельное внимание уделяется сочинительным связям слова «человек», его паратаксису. Выводы о концептуальной значимости лексемы «человек» делаются на основе анализа генерализованных высказываний, в состав которых входит эта идеологема, что позволяет также определить области пересечения текстового семантического поля ‘человек’ с другими текстовыми семантическими полями.

Ключевые слова: Достоевский, словарь языка писателя, идиоглоссарий, тезаурус, гипотаксис, паратаксис, афоризм

I. V. Ruzhitsky (Moscow, Russia)

The Concept of “tchelovek” in Dostoevsky’s Linguistic Worldview

Abstract: The paper, based on the material of Dostoevsky’s Idioglossary, argues that the core of the author’s thesaurus is the concept of ‘tchelovek’. The semantic structure of the word “tchelovek” is determined considering definitions in explanatory dictionaries, the peculiarities of its use in works of fiction, in literary essays and in writer’s letters. The idiosyle features of the word “tchelovek” are demonstrated in the use of the word form “tcheloveki”, new formations, individual author’s attributes, which often perform an evaluative function, etc. Attention is paid to the coordinative connections of the word “tchelovek”, its parataxis. Conclusions are based on the analysis of generalized statements including this ideologeme, which makes it possible to determine the areas of intersection of the text semantic field “tchelovek” with other textual semantic fields.

Key words: Dostoevsky, dictionary of the writer’s language, idioglossary, thesaurus, hypotaxis, parataxis, aphorism

То, что человек занимает центральное место в творчестве Достоевского, как в произведениях художественной прозы, так и в публицистике, отмечалось во многих исследованиях, прежде всего в литературно-критических работах: «У Достоевского был только один всепоглощающий интерес, только одна тема, которой он отдал все свои творческие силы. Тема эта – человек и его судьба. Не может не поражать исключительный антропологизм и антропоцентризм Достоевского. В поглощенности Достоевского человеком есть исступленность и исключительность. Человек не есть для него явление природного мира, не есть одно из явлений в ряду других, хотя бы и высшее. Человек – микрокосм, центр бытия, солнце, вокруг которого все вращается. Всё в человеке и для человека. В человеке – загадка мировой жизни. Решить вопрос о человеке – значит решить вопрос и о Боге» [Бердяев: URL]; «Достоевский понял людей лучше, чем кто-либо» ([Lloyd 1912; цит. по: [Феномен Достоевского... 2019: 17]); «Предмет искусства Достоевского <...> “целое человеческого бытия”; <...> основной проблемой Достоевского является человек. Проблема Бога отпадает» ([Natorp 1923; цит. по: [Феномен Достоевского... 2019: 25]). Сам Достоевский в 1839 г. писал старшему брату, М.М. Достоевскому: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский 1985: 63]. В большинстве литературоведческих работ о человеке у Достоевского их авторы апеллируют к данному письму, забывая о том, что это еще совсем молодой Достоевский, ничего не успевший создать.

Достоевский и в самом деле, будучи очень молодым, начал изучать человека, именно изучать. Еще на старших курсах Инженерного училища у него было увлечение – уйти из квартиры, выбрать в качестве объекта какого-нибудь человека и следить за ним целый день, наблюдая за малейшими деталями поведения: в какой магазин человек идет, как достает бумажник, деньги, как считает деньги, как расплачивается... Потом уже Достоевский «достраивал» этого человека, полагая, что как раз из такого рода деталей и конструируется образ. Впоследствии писатель наблюдал не только за живыми людьми, но и за умершими, стараясь понять тайну жизни и смерти, присутствовал при смертной казни. ‘Жизнь’ и ‘смерть’ человека, безусловно, один из важнейших вопросов, волновавших Достоевского, и – основная смысловая оппозиция в его тезаурусе.

В лингвистических работах, посвященных изучению языка Достоевского, вопрос о функционировании слова «человек» в текстах писателя чаще всего старались обходить, по всей видимости, по причине его необъятности. В настоящее время идет работа по завершению шестого тома «Идиоглоссария Достоевского» [СЯД 2024], куда вошла идиоглосса «человек». Цель настоящей статьи – дать краткую интерпретацию данного лексикографического материала.

Определить, что такое «человек», колоссально сложно, это факт общеизвестный, этим вопросом задавались философы и теологи, начиная с платоновского «двуногого существа без перьев». Толковые и специальные, в том числе библейские, православные словари и энциклопедии, в данном случае, как, впрочем, и во многих других, помощники весьма относительные. Рассмотрим несколько из предлагаемых в них дефиниций.

Каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью. Побудка (инстинкт) животного, соединенье низшей степени рассудка и воли, заменяет ему дары эти, разрозненные в человеке и даже вечно спорящие между собою – это сердце и думка. Высшая степень человечности была бы та, где разум и воля

слились бы в одно, сознательно во всем согласуясь взаимно. Как животное отличается от растения осмысленною побудкою и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью и образует не род и не вид животного, а царство человека. Посему нередко человек значит существо, достойное этого имени. Человек плотский, мертвый едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, природный признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искус падает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его – вечность, закон – совесть, в искус побеждает; человек благодатный постигает, по любви своей, веру и истину; цель его – царство Божие, закон – духовное чутье, искушенья он презирает. Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его. || Служитель, прислуга, лакей или комнатный. Человек Божий, пророк, избранец. Божий человек, святой, праведной жизни; || юродивый, божевольный [Даль: URL].

Описание слова «человек» в «Толковом словаре живого великорусского языка», на наш взгляд, вызывает особый интерес, несмотря на очень пространные и громоздкие пояснения, скорее даже – благодаря им. Дефиниция Вл. Даля позволяет обнаружить базовые дифференциальные семы, характеризующие значения этой лексемы и имплицитно содержащиеся в толковании: ‘создание’, ‘существо’, ‘разум’, ‘свобода воли’, ‘словесная речь’ и др. Противостояние духовного и телесного, человек и животное, мёртвый человек и живой человек, телеологический и моральный аспекты человека – всё это можно выделить из дефиниции Словаря Даля. Нельзя не отметить и замечательное, очень точное слово «побудка», используемое по отношению к человеку и к животному. Такая интерпретация значений слова «человек» в некоторых случаях представляется более точной, чем в словарях XX и XXI века:

1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда. | только с определением. То же, как носитель каких-нибудь внутренних качеств, свойств, личность. 2. То же, как обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книж. ритор.). 3. употр. в знач. местоимения: всякий (т. е. любой человек), никто (т. е. никакой человек), кто-нибудь (т. е. какой-нибудь человек) и т. п. 4. При крепостном праве – дворовый слуга или вообще помещичий служитель. | Официант, половой (дорев.). • Божий человек (устар., нар.-поэт.) – юродивый. Все мы люди, все человеки или все мы человеки (разг.) – шутливая погов. в извинение каких-нибудь слабостей или недостатков. Молодой человек (разг.) – обращение к юноше, лицу молодого возраста или (шутл.) к мальчику [Ушаков: URL]; 1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Человек есть организм сложный, а потому и внутренний его мир до крайности разнообразен. || чего или какой. Лицо, являющееся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л. среде, обществу и т. п. || В значении единицы счета (людей). 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств. 3. Употребляется в значении местоимений: он, кто-то, некто. 4. Дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга. || Официант, слуга в трактире в дореволюционной России. ◇ человек в футляре; божий человек устар. и народно-поэт. странник, нищий, юродивый; грешный человек, мил человек, молодой человек, полтора человека [МАС: 659]; 1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Молодой ч. (о юноше, молодом мужчине, обычно в обращении). Будь человеком! (веди себя по-человечески; разг.). Вот ч.! (о том, кто вызывает удивление теми или иными своими качествами, поступками; разг.). Все мы люди, все человеки (никто не лишен человеческих слабостей; шутл.). 2. В России при крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга [Ожегов, Шведова: URL]; I. 1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться ими. || Носитель каких-либо

качеств, свойств; личность (обычно с определением). 2. Личность как обладатель лучших интеллектуальных или моральных качеств. 3. Любое лицо; всякий. || Некое лицо; кто-либо. 4. Лицо, персона как единица обслуживания за столом (обедом, ужином и т. п.). 5. см. люди II. 1. Дворовый слуга (в Российском государстве при крепостном праве). 2. Любо́й слуга мужского пола; лакей. 3. Официант в трактире, ресторане; половой. 4. см. люди II [Ефремова: URL]; Творение Божье, состоящее из души и тела, обладающее чертами, отображающими Божественные совершенства (разумом, свободой воли, способностью любить и др.), призванное к уподоблению Своему Творцу и благодатному единению с Ним [Азбука веры: URL].

Зафиксированные в словарях дифференциальные признаки в большинстве случаев вероятностны, они не носят абсолютного характера, например:

наличие разума (без какого-либо, как в Словаре Даля, сопутствующего комментария)

Авторы толковых словарей в своих дефинициях настойчиво показывают отличие человека от животного («дар мысли» и т. п.), такова философская и религиозная традиция. Человек, конечно, существо, но его разумность вызывает определенные вопросы. К тому же у Достоевского разум, сознание может явиться симптомом болезни: «Слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь» («Записки из подполья»)¹.

способность производить орудия труда и пользоваться ими

Для употребления слова «человек» в текстах Достоевского такой дифференциальный признак вообще не актуален.

обладание даром речи (тоже дается без комментария, у Даля – «словесная речь», что, полагаем, более точно)

Это свойство человека тоже вызывает некоторые сомнения. В результате афазии человек перестает быть человеком? А умерший? У Даля – перестает.

Даже, казалось бы, самые очевидные из зафиксированных в толковых словарях значения лексемы «человек» перестают быть очевидными. Например, как быть с сочетанием *Человек мой получил письмо* (у Достоевского мы встречаем несколько употреблений такого рода, в основном в личных письмах), когда речь идет совсем не о слуге? Вероятно, что значение 'слуга, лакей' следует дополнить компонентом 'лицо, выполняющее какие-л. поручения или просьбы', дать это как оттенок значения или вообще как самостоятельное.

Кроме того, в «Истории слов» В.В. Виноградова мы находим (с отсылкой к «Брянскому говору» П.Н. Тиханова): «...выражения дворовый и человек в значении “слуга” были некогда в речи дворян XVIII и XIX вв. синонимами и возникли в результате разложения термина дворовый человек. “При крепостном праве... различались крестьяне и дворовые люди, что было далеко не одно и то же, и тогда как собственно крестьянин (мужик) находился в деревне, за околицей барского дома, занимался земледелием, и проч., заботясь о себе сам; дворовый человек, состоя в штате дворни, личной прислуги барина – помещика, получал от последнего платье, месячину (паек), а иногда и жалованье. До сих пор этот исторический остаток живет в названии слуги “человеком”, чего нигде нет, ни у одного народа» [Виноградов: URL]. О данном тонком различии говорит и Версильев в «Подростке»: «– Макар Иванович прежде всего – не мужик, а дворовый человек, – произнес он с большою охотою, – бывший дворовый человек и бывший слуга, родившийся слугою и от слуги. Дворовые и слуги чрезвычайно много разделяли интересов частной, духовной и умственной жизни своих господ в былое время. Заметь, что

¹ Все цитаты из текстов Достоевского даются по: [Достоевский 1972–1990].

Макар Иванович до сих пор всего больше интересуется событиями из господской и высшей жизни».

Предельно полно смысловый объем лексемы «человек» раскрывается в фундаментальной статье Ю.Д. Апресяна «Образ человека по данным языка: попытка системного описания», в которой дается «набросок общей схемы характеристики человека как основы системной лексикографии» [Апресян 1995: 38]. В статье, в частности, говорится о «наивной картине человека», подчеркивается, что в русской языковой картине мира человек «мыслится как <...> динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п.». Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия [там же: 38–39]. Далее описываются основные система и подсистемы человека в их иерархии. Наше внимание сосредоточено на реализации этих систем и подсистем в текстах конкретного автора, Ф.М. Достоевского, однако даже анализ употребления одного слова «человек» во всем корпусе текстов полного собрания сочинений писателя в 30 томах [Достоевский 1972–1990] уже представляет собой колоссально сложную задачу и позволяет сделать на этот счет лишь самые общие заключения. Для более полной картины необходимо исследовать другие ключевые лексемы, входящие в данное семантическое поле, – *люди, человеческий, человечество, всечеловеческий, всечеловек, общечеловеческий, общечеловек, русский, русские, мужчина, женщина, дети, ребенок*, а также очень большую группу слов – наименований лиц (так, несомненно значимыми для характеристики идиостиля Достоевского являются *адвокат, актер, атеист, барин, барыня, батюшка, бедняжка, бедняк, богач, бунтовщик, вдова, виновник, генерал, гений, городской, гражданин, девица, девочка, девушка, демократ, доктор, дочь, еврей, жена, жид, жилец, идиот, калека, капитан, лгун, либерал, мама, мать, молодежь, муж, мужик...* вошедшие в «Идиоглоссарий») и т. д.

Предлагаемая в «Идиоглоссарии Достоевского» семантическая структура слова «человек» основана на контекстах его употребления в первую очередь в корпусе Полного собрания сочинения писателя в 30 томах [Достоевский 1972–1990], а также на данных основных толковых словарей русского языка:

ЧЕЛОВЕК <5569:3955,1037,576,1>¹

1. Владелец лучших, идеальных интеллектуальных или моральных качеств; высшее существо, обладающее свободой воли, созданное по образу и подобию Божию.
2. Лицо как носитель каких-л. внутренних характерных качеств, свойств и/или принадлежащее к какой-л. среде, обществу (обычно с определением).
3. Индивид, личность; существо, обладающее даром слова, чувствами, мышлением, памятью, а также способностью смеяться; каждый из людей, мужчина или женщина.
4. Кто-то, некто.
5. В зн. единицы счета (людей).
6. Слуга, крепостной; официант, прислуга в ресторане, трактире и т. п.; лицо, выполняющее чье-л. поручение или просьбу [СЯД 2024].

Необходимо отметить, что супплетивная форма множественного числа «люди» в словарной статье не учитывалась, тем не менее нелитературная форма «человеки» рассматривалась. Эта форма у Достоевского достаточно частотна – более 20

¹ Частотные показатели – общее количество употреблений, частота в произведениях художественной прозы, публицистике, личных и деловых письмах, требуют дальнейшей верификации. Так, в [Шайкевич и др. 2003] приводятся следующие частотные характеристики: <5612: 4010, 1026, 576>.

употреблений в свободных сочетаниях, а также 2 употребления в модификации поговорки, зафиксированной у Вл. Даля, – *Все мы люди, все человеки*, в «Записках из Мертвого дома» и в «Братьях Карамазовых».

В толковых словарях русского языка форма *человеки* зафиксирована с пометой *шутл.* В «Идиоглоссарии Достоевского» соответствующие контексты даются в зонах комментария словарной статьи, посвященных морфологическим особенностям и ироничному употреблению описываемого слова. В ироничном контексте – часто, но далеко не всегда, это могут быть и особенности простонародной речи, и стилизация церковнославянского языка, т. е. данная словоформа служит для реализации определенных авторских интенций:

[Один арестант другому] Вишь, сморозил: то [орел] птица, а мы, значит, человеки («Записки из Мертвого дома»); [Алексей Иванович] Ведь я добыл это [выигрыш] более чем жизнью рискуя, осмелился рискнуть и – вот я опять в числе человеков! («Игрок») [Макар Иванович] «<...> Что же, думаю, не боги же они [ученые люди, профессора], а такие, как и мы, подобострастные нам, человеки» («Подросток»); [Ракитин] Эта шельма Грушенька знаток в человеках, она мне говорила однажды, что она когда-нибудь тебя [А. Карамазова] съест («Братья Карамазовы»); [Из поучений старца Зосимы] Ибо иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы («Братья Карамазовы»); [Отец Ферапонт монашку] Бестолковые вы человеки! Как соблюдаете пост? («Братья Карамазовы»); Старца Зосиму, как уже и всем известно было сие, не любил отец Ферапонт чрезвычайно; и вот и к нему, в его келейку, донеслась вдруг весть о том, что «суд-то божий, значит, не тот, что у человеков, и что естество даже предупредил» («Братья Карамазовы»); Что в том, что, разойдясь, каждый примется за старые предрассудки: капля точит камень, а вот эти-то «общие человеки» побеждают мир, соединяя его; предрассудки будут бледнеть с каждым единичным случаем и наконец вовсе исчезнут («Дневник писателя»); Кто хотел переделать народ наш, фантастически «возвышая его до себя», – попросту наделать всё таких же, как сами, либеральных европейских человеков, отрывая, от времени до времени, от народной массы по человечку и развращая его в европейца даже хоть фалдочками мундира? («Дневник писателя»)

Контексты с формой множественного числа «люди» принимались во внимание только в том случае, если в них употреблялось и слово «человек», и фиксировались в комментарии – в зоне морфологических особенностей описываемого слова.

Наиболее прозрачным представляется «человек» в значении единицы счета. Прозрачным и понятным с точки зрения обыденной логики, наивного языкового сознания, но – не логики Достоевского, у которого мы встречаем «полчеловека» – 1 раз в «Дядюшкином сне», 2 раза в «Бесах» и 3 раза в «Братьях Карамазовых» и «три с половиной человека» – 2 раза в «Бесах». Кроме того, появляются *чуть-чуть человек* и *почти не человек*:

Доходили до того, что торговлю неграми выставляли даже нравственно необходимым делом, оправдывали ее естественным различием племен и заключали, что негр почти не человек... («Дневник писателя»); А между тем если он чуть-чуть человек, то в целом он будет несчастен («Дневник писателя»).

Если могут быть *почти семнадцать деревьев* или *полупомнить*, то почему бы и не быть *получеловеку*:

[М.М. Достоевскому] Но мне опять позволили гулять в саду, в котором почти семнадцать деревьев (Письма); [Алексей Иванович] И представьте себе, генерал, медицина им поддакивает – действительно подтверждает, что бывает такая болезнь, такое временное помешательство, когда человек почти ничего не помнит, или полупомнит, или четверть помнит («Игрок»)

Значение слова «человек» ‘о каком-л. другом лице; он, кто-то, некто; никто’ в смысловом пространстве текстов Достоевского интересно тем, что оно коррелирует с полем неопределенности, принципиально важным в авторском тезаурусе, это, наряду с частотными *как бы, как будто, вдруг, почти* и т. д., – один из способов создания данного поля.

Самые же сложные, концептуальные, вне всякого сомнения, первые три значения слова «человек» в приведенной выше семантической структуре.

Сделаем несколько идиостилевых замечаний, относящихся к функционированию слова «человек» в текстах Достоевского (конечно, помня о том, что идиоглосса, лексический маркер идиостиля, как микрокосм, отражает и взгляды Достоевского на мир и на человека в этом мире.

Гипотаксис, подчинительные связи слова «человек» в текстах Достоевского

Остановимся на оценочных определениях, многие из которых являются индивидуально-авторскими. Идеал и антиидеал, – то, что связано с первым значением слова «человек».

В произведениях художественной прозы Достоевского, в отличие от его публицистических текстов и личных писем, о чем будет сказано ниже, «человек» с определением очень часто употребляется в инвективной функции, в основном в обращениях:

празднословный (употреблялось еще А.С. Пушкиным)¹, *потаскливый* (встречаем у И. Анненского в его интерпретации «Господина Прохарчина»), *прошедший, шутовской* (сочетание *шутовской человек* обнаруживается только у Достоевского), *тузовый, прохарчинский, каблуковый, звездырёвый* (тоже только у Достоевского)

Все это примеры из одного только раннего маленького рассказа «Господин Прохарчин». А еще:

Но ты заплатишь мне, мерзкий человек («Дядюшкин сон»); туголобый ты человек («Записки из Мертвого дома»); Сам ты дурак, крючок судейский, низкий человек! Это вы, низкий человек, может быть, пьете, а не я! мерзкий, преступный вы человек; О жалкий, подлый человек! («Преступление и наказание»); глупый вы человек; О бесстыдный, неблагородный человек!; пустой, бесславный, малодушный, вечно, вечно пустой человек; пустой ты человек («Униженные и оскорбленные»); праздный молодой человек («Бесь»); пьяный вы человек («Вечный муж»); негодный вы человек; помешанный вы человек («Подросток»); глупый ты человек; несчастный, презренный ты человек; низкий вы человек («Братья Карамазовы»); О, низкий, неловкий человек! («Кроткая»)

Сказанное вовсе не исключает употребления слова «человек» в обращении с положительными или с нейтральными определениями (устойчивое сочетание *милый человек* чаще всего используется в ироничном контексте):

[Скуратов] А по разным качествам и мы происходили. Вот тогда-то, братцы, и получил я первые двести... | – Неужто рублей! – подхватил один любопытный [арестант], даже вздрогнув, услышав про такие деньги. | – Нет, милый человек, не рублей, а палок («Записки из Мертвого дома»); – Пойдемте гулять, пойдемте гулять! – кричала Аделаида, – все вместе и непременно князь с нами; незачем вам уходить, милый вы человек! («Идиот»); – Прощай, милый человек, не забуду великодушия! – горячо воскликнул он [Д. Карамазов] («Братья Карамазовы»); [Д. Карамазов Калганову] Слушай, милый человек, поедем в Мокрое вместе? («Братья Карамазовы»); [Д. Карамазов Герценшту-

¹ Здесь и далее при сравнительной характеристике использовались в основном данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ: URL]

бе] И теперь плачу, немец, и теперь плачу, божий ты человек! – крикнул вдруг Митя со своего места («Братья Карамазовы»).

Или, в ироническом контексте, при сочетании положительного определения с какой-то противоположной характеристикой, иногда довольно грубой:

<...> Семен Иванович, будучи умным человеком, говорил иногда страшный вздор («Господин Прохárчин»); Во-первых, это [Афанасий Матвеич] весьма представительный человек по наружности и даже очень порядочных правил; но в критических случаях он как-то теряется и смотрит как баран, который увидел новые ворота («Дядюшкин сон»); [Марья Александровна Мозглякову, цитируя его слова] «<...> Если он [Князь] и не одарен умом, очень большим, то все-таки может быть человеком добрым, и потому можно выйти за него» («Дядюшкин сон»); [Маслобоев Ивану Петровичу] Да тебе-то какое дело, для чьей выгоды я буду стараться, блаженный ты человек? («Униженные и оскорбленные»); [Лебедев князю Мышкину] Лжет он [генерал Иволгин] беспрерывно, по слабости, но человек высочайших чувств, человек при этом малосмысленный-с, внушающий полнейшее доверие своею невинностью («Идиот»).

В личных письмах и в публицистике Достоевского положительные определения явно доминируют, инвектив здесь намного меньше, чем в произведениях художественной прозы. Мелиоративное употребление слова «человек» в публицистике отчасти обусловлено тем, что здесь эта лексема довольно часто используется либо в контексте некролога – Н.А. Некрасову, М.М. Достоевскому, Н.А. Добролюбову и др. (в некрологе бранная лексика смотрелась бы по меньшей мере неуместно), либо просто в хвалебном контексте (например, в «Пушкинской речи»), либо в философских рассуждениях об идеале или о *русском человеке (русском народе)*. Что касается личных писем, то большая их часть – это какие-то просьбы Достоевского. А просил он часто – для себя, для А.Е. Врангеля, для П.А. Исаева и др. Бранить кого-то при выражении просьбы выглядело бы весьма странно (хотя, конечно, инвектив в письмах достаточно много).

Арсенал мелиоративных определений в письмах и в публицистике Достоевского очень широкий:

бесценнейший, благоразумный; благоразумный, положительный; благороднейший; благороднейший и честнейший; благородный; богатый и добрый; в высшей степени порядочный, весьма учтивый молодой; вовсе иногда не чугунный, не скотского, не низшего типа; высокоодухотворенный, глубокоуважаемый и любимый нами, умнейший, добрейший и талантливый; действительно благородный, деликатнейший, добрый и наилюбезнейший, добрый и полезнейший <...> так полезен, что, может быть, только по смерти его это совершенно почувствуется, добрый ко мне; добрый, благороднейший, со способностями и с сердцем и с настоящим, тонким остроумием; добрый, простой, с великодушным сердцем <...> настоящий герой севастопольский, достойный имен Нахимова и Корнилова; добрый, умный и благородный; дорогой и добрейший; достойный, прекрасный, со способностями; замечательнейший; известный, талантливый и честный; милый (когда я проигрался дотла он дал мне, по просьбе моей, 60 франков займа), мягкий и радушный; образованнейший, с благороднейшими понятиями о воспитании; образованный, даровитый, добрый и простодушный; очень добрый молодой; очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца; очень хороший; очень, очень талантливый превосходный молодой; порядочный; правдивый, добрый и искренний; превосходный; превосходный и меня любит; преданнейший; прекрасный и препростодушный; прекрасный, добрый, который сам первый протянул мне руку; премилый; премилый и презамечательный; простодушный и откровенный <...> очень неглупый; рассудительный и благородный; редкий и благороднейший; святой и дорогой; совершенно честный; удивительнейший; хороший и чистый; честнейший; честнейший и благороднейший; честный и добрый; честный и работающий; честный, твердый, дель-

ный; чрезвычайно порядочный; чрезвычайно умный, весьма мыслящий, чрезвычайно порядочный и в высшей степени моих убеждений; **человек** высокой души; полный настоящей, деятельной любви; положительной красоты; с редким, любящим сердцем; с сердцем; **человека** истинное, действительное благородство; дорогой <...> близкое душе моей существо, родная сестра по сердцу и др.

Когда в письмах кто-то положительный? Чаще всего, когда помогает, в основном материально, дает деньги, в других случаях, когда честный или когда близких убеждений.

Встречаются и достаточно сомнительные комплименты:

видел в нем человека не тупого; весьма и весьма недурной; довольно оригинальный и несколько смешной; с причудами; горячий, «беспокойный», всеанализирующий и, если строго судить, ни в чем себе не верующий.

Тем не менее даже положительное определение нередко используется с каким-то ограничителем – с союзом «но» и другими, что вообще характерно для стиля Достоевского, например при описании внешности персонажа (это было замечено Е.А. Иванчиковой [Иванчикова 1979] и многими другими учеными):

в высшей степени честный, *но* не всегда аккуратный; довольно симпатичный, и *когда очень надо*, то вникнет, а знание его, как врача, здесь не подвержено сомнению и он пользуется *даже* славой; драгоценный (*когда дело дойдет до интереса*); *имеющий вид* образованного господина; *кажется*, совершенно честный; не худого сердца и не глупый, *но* у него внутреннего ума нет, царя в голове; очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, *если даже и ничего не скажет удовлетворительного*; очень добрый, *но* иногда удивительный; очень молодой, очень кроткий, *хотя* с сильно развитым *point d'honneur* [вопросом чести. – *фр.*], до невероятности добрый, немного гордый (но это снаружи, я это люблю), *немножко с юношескими недостатками*, образован, *но* не блистательно и не глубоко, любит учиться, *характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный*, что другого злит и бесит, то его огорчает – признак превосходного сердца; превосходнейший, благороднейший, – *но* погибает сам от себя; превосходный, *но* необыкновенно скрытный и таинственный, желающий как можно менее высказать на самый обыкновенный вопрос и как можно более умолчать; умный, *хотя и* порченный; хороший, *но крайней мере*, со мной всегда был таким; *кажется*, человек порядочный и хочет добра; один из Москвы профессорчик <...> человек милый, *но* глуповатый; оказался превосходнейшим человеком, услужливым, добрейшим, *хотя и* не совсем деловитым; очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, *если даже и ничего не скажет удовлетворительного*; очень порядочный, *но* странный (я у него занял); превосходный, умный, нежный и чувствительный, *но* немного с смешными странностями; прекрасный и безукоризненно благородный, *но, кажется*, тоже и молчаливый, то есть из умеющих молчать и таить про себя; строгий, прямой, честный и неуклонный прежде всего, *хотя*, как видите, *отчасти* и с обычаями прежних времен; пуританин... честнейший, серьезнейший, несомненно добрый и великодушный, *но* который ничего не уступит из своего характера и ничего не отдаст из своих убеждений

Сказанное, однако, вовсе не исключает, что в письмах и в публицистике не присутствует также пейоративная оценка того или иного лица.

В письмах:

жалкий; жалкий ты; характера упрямого, странного, мнительного и подозрительного; самолюбивый, тщеславный и мстительный; довольно плохой и ровно ничего не понимающий издатель; дрянной; не очень образованный, но и не необразованный; горячий (и трусливый вместе) и предприимчивый; весьма нечестный; горячешный; так себе, пожилой, не без некоторых достоинств, хитроватый и имеющий деньжонки...

В публицистике:

желчный; несносный; обреченный на бессовестность; невозможный; фантастический и нетерпеливый; пустейший и постоянно обижен всеобщим к нему невниманием...

Из всех определений, употребляемых в текстах Достоевского со словом «человек», наиболее частотным прилагательное «молодой». Конечно, не только в обращении, где *молодой человек* приобретает устойчивый характер, что зафиксировано в некоторых толковых словарях современного русского языка. Обращение *молодой человек* довольно часто пейоративно, а иногда инвективно (своего рода эвфемизм, замена бранного обращения) и воспринимается как оскорбительное, принижающее собеседника:

– Извините, может быть, я вас оскорбил, назвав вас молодым человеком, но я не имел ничего <...> – Вникните в мое положение, молодой человек (ах, опять! извините-с; я все называю вас молодым человеком) («Чужая жена и муж под кроватью»); – Молодой человек, опомнитесь! с кем вы, так сказать, говорите! – яростно закричал Иван Ильич, снова вскочив с своего места. | – С вами, и, во-вторых, я не молодой человек... («Скверный анекдот»); – Согласитесь сами, – продолжал он [Лужин], обращаясь к Разумихину, но уже с оттенком некоторого торжества и превосходства, и чуть было не прибавил: «молодой человек», – что есть преуспеяние, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды... («Преступление и наказание»); – Во всякое другое время я, конечно бы, запретил вам называть меня «молодым человеком», но теперь, сами согласитесь, что моя молодость есть мое главное перед вами преимущество и что вам и очень бы хотелось, например, сегодня, когда вы дарили ваш браслет, быть при этом хоть капельку помоложе («Вечный муж»); – И так как он еще очень молодой и неопытный человек, то дай ему бог поскорее научиться, что и в мире и в гусарах совсем не все «полагают в этом всё свое честолюбие, а другие и завидуют и подражают им изо всех сил», как мы упомянули выше про некоторых; напротив, пусть знает даже и он, что в мире и даже в гусарах весьма много и скромных, и честных, и целомудренных, и воздержных людей, даже в высшей степени (Публицистика); Как в самом деле: столько времени подвизался на прихотливом поприще российского юмора, столько лет повременные издания похваливали, столько лет срывал цветы удовольствия, – «розы рвал и фиалки поливал» и вдруг – ругань! да еще какая: называют «молодым пером», «молодым человеком» (что может быть ужаснее!), ставят на одну доску с А. Скарронским <...> (Публицистика); Какой юноша не обижается, когда его называют молодым человеком? (Публицистика)

Вообще, создается ощущение, что *молодой человек* у Достоевского становится каким-то отдельным, самостоятельным концептом. О *маленьком человеке* работ множество, а вот о *молодом* – нет. Какая-то заикленность, одержимость Достоевского этим понятием. Мы это видим в «Преступлении и наказании», в «Подростке», что естественно и очевидно, в других произведениях художественной прозы разных периодов, а также в публицистических текстах и в личных письмах. Употребление сочетания *молодой человек* у Достоевского нередко иронично, и чем старше становился сам писатель, тем больше в использовании этого сочетания появлялось иронии. Приведем лишь некоторые примеры:

– Нет, вы, я вижу, не верите-с, думаете все, что я вам шуточки невинные подвожу, – подхватил Порфирий, все более и более веселея и непрерывно хихикая от удовольствия и опять начиная кружить по комнате, – оно, конечно, вы правы-с; у меня и фигура уж так самим богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает; буффон-с; но я вам вот что скажу, и опять повторю-с, что вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня старика, человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи («Преступление и наказание»); – Милый друг, идол ты мой! – целовал ее руку весь просиявший от

счастья генерал. (Аглая не отнимала руки.) – Так ты, стало быть, любишь этого... молодого человека?.. | – Ни-ни-ни! Терпеть не могу... вашего молодого человека, терпеть не могу! – вдруг вскипела Аглая и подняла голову. – И если вы, папа, еще раз осмелитесь... я вам серьезно говорю; слышите: серьезно говорю! («Идиот»); Почтенный автор ее [Щедрин] (не знаю только, молодой ли человек или из молодых стариков) напечатал одну небольшую заметку в одном губернском издании, а редакция губернского издания, поместив его заметку, сделала рядом и свою оговорку, отчасти с ним не согласную («Дневник писателя»).

**Паратаксис, сочинительные связи слова «человек»
(человек и кто-то (или кто-то, не человек, а(но)...))**

Скажем несколько слов о сочетании «человек и женщина». «Женский вопрос» – один из наиболее дискутируемых в российской периодической печати второй половины XIX в., и, конечно, Достоевский не мог не обратить на него внимания, хотя и считал во многом надуманным. Вспомним предложение Разумихина Раскольникову:

[Разумихин Раскольникову] Вот тут два с лишком листа немецкого текста, – по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек. <...> Ну, хочешь второй лист «Человек ли женщина?» переводить? («Преступление и наказание»)

Во фразе Разумихина видна явная ирония. Женщина для Достоевского, вне всякого сомнения, человек. *Для* Достоевского, но далеко не всегда у Достоевского, в его текстах.

Довольно редко какой-либо женский персонаж, в отличие от мужского, называет себя человеком. Более того, в одном контексте мы можем встретить противопоставление человека (мужчины) и женщины:

– Она [Марья Александровна] только пугнет, намекнет – что знает, и лучше любит держать человека или даму в непрерывном страхе, чем поразить окончательно («Дядюшкин сон»); – И вдруг Раскольникову ясно припомнилась вся сцена третьего дня под воротами; он сообразил, что кроме дворников там стояло тогда еще несколько человек, стояли и женщины («Преступление и наказание»); – Блестящий человек или великолепная дама вылечиваются, получают здоровье благодаря именно здешним источникам и – не то что в благодарность к месту, но хоть на память, оставляют две-три марки на бедных, брошенных, несчастных маленьких существ («Дневник писателя»); – Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее («Дневник писателя»).

Обращения со словом «человек», о которых было упомянуто выше, употребляются только по отношению к мужчине. Ничего не поделаешь, языковая дискриминация, оставшаяся и в современном русском языке.

Следует, однако, отметить, что такое противопоставление человека и женщины, отраженное в паратаксисе, встречается часто, но далеко не всегда:

Может быть, огорчившись из-за разлетевшейся дымом мечты (в которую и сама, по правде, не верила), она, как человек, не могла отказать себе в удовольствии преувеличением беды подлить еще более яду в сердце брата, впрочем, искренно и сострадательно ею любимого; Аглая Ивановна любила как женщина, как человек, а не как... отвлеченный дух («Идиот»); [Аркадий] Надежды мои не сбылись вполне – я не застал их одних: хоть Версилова и не было, но у матери сидела Татьяна Павловна – все-таки чужой человек; Да деликатный человек, а особенно женщина, из-за одной только душевной грязи твоей в омерзение придет; Впрочем, скажу все: я даже до сих пор

не умею судить ее; чувства ее действительно мог видеть один только бог, а человек к тому же – такая сложная машина, что ничего не разберешь в иных случаях, и вдобавок к тому же, если этот человек – женщина («Подросток»); [А.Г. Достоевской] Сама m-me Штакеншнейдер всё сидит дома; она больна ногами, простудила еще в детстве, и ревматизм; хоть она и недурна собой и, кажется, порядочный человек, но все-таки странная охота жениться на больной женщине (Письма); [И.С. Аксакову] Это вот что такое: одна, давно уже пишущая барыня, сама очень хороший, кажется, человек, Пелагея Егоровна Гусева, лет 6 тому назад познакомилась со мною на водах в Эмсе и теперь прибегла к моему посредничеству по поводу своего романа (Письма).

Зафиксированные в зоне паратаксиста комментария словарной статьи примеры могут дать и другой интересный для наблюдения и анализа материал, например, 1) с какими словами «человек» чаще всего вступает в сочинительные связи:

господин, отец, генерал, друг, гражданин, князь, брат, мужик, барин, мальчик, мужик, писарь, барон, врач, дурак, купец, муж, подлец, помещик, прокурор, солдат, старик, старичок, учитель, француз, чиновник, европеец, женщина...

Анализ паратаксиста – это одновременно и выход в лексическую парадигму.

2) кому или чему противопоставляется человек:

<...> да ведь то же пьянчужка, а вы да я человек! («Господин Прохарчин»); Ведь это [Князь] полукомпозиция, а не человек («Дядюшкин сон»); В том-то и горе мое, что я тряпка, а не человек! («Село Степанчиково и его обитатели») – Какой ты порядочный молодой человек после этого? Ты тряпка, а не молодой человек после этого! («Село Степанчиково и его обитатели») – Настя то же сейчас говорила, хотя, право, не знаю, какие на ней-то грехи, потому что она ангел, а не человек! («Село Степанчиково и его обитатели»); – Но вы поэт, а я простой человек и потому скажу, что надо смотреть на дело с самой простой, практической точки зрения («Униженные и оскорбленные»); В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что это зверь, а не человек, презираешь его («Записки из Мертвого дома»); Я для вас уж теперь не герой, каким прежде хотел казаться, а просто гаденький человек, шенапан («Записки из подполья»); Больше ничего, что с деньгами я стану и для вас другим человеком, а не рабом («Игрок»); <...> ты, может быть, очень ученый outchitel, но ты ужасно глупый человек («Игрок»); Я гражданин и человек, а не щепка, я имею права, я хочу моих прав... («Бесы»); – Так разве это – человек? Это – зверь, а не человек <...> («Подросток»); Вдруг, и ведь вовсе не из подлости, человек делается не человеком, а мошкой, самой простой маленькой мошкой (Публицистика); Конечно: это только тупая гордость, это ограниченное чувство воинской чести, но это чувство благородное, смелое; это уже человек, а не раб; стало быть, еще не все потеряно; разврат и разрушение не охватили еще своим огнем всего, не спалили, не заразили еще всей души общества (Публицистика); Майков несравненно лучше, он подосаждает, да и опять сблизится, и все же хороший человек, а не семинарист (Письма); Нет, с этой сукой [И.Г. Сниткиным] надо поступать как с собакой, а не человеком (Письма)...

Выше уже было сказано о некоторых контактных связях слова «человек» в текстах Достоевского, о гипотаксисе и паратаксисе. Для построения текстового ассоциативного поля таких контактных ассоциатов, однако, недостаточно.

Слово «человек» в тезаурусе Достоевского несет особую смысловую нагрузку: это не просто идиоглосса, но – идеоглосса, основная идеологема. Авторские идеи, по крайней мере если говорить о творчестве Достоевского, выражаются, в частности, а возможно, и в первую очередь, в генерализованных высказываниях различного типа: афоризмах, сентенциях, высказываниях обобщающего характера и т. п. Тот факт, что комментарий словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского», включающий в себя 16 зон, начинается именно с зоны АФРЗ, в которой фиксируются высказывания подобного типа, вовсе не случаен. Это своеобразный

вход в мир идей писателя. Отметим, что бóльшего числа афоризмов, чем со словом «человек», у Достоевского нет, даже со словами с преобладающей частотой употребления. Их более ста, и причина здесь не только в общей высокой частоте употребления слова «человек», довольно много идиоглосс, тоже высокочастотных, но не обладающих таким большим афористическим потенциалом. Приведем лишь несколько примеров высказываний, вошедших в зону АФРЗ комментария словарной статьи «человек» (угловыми скобками выделяется часть контекста, не входящая в состав афоризма):

[Ростанев] <Видишь, Сережа, я, конечно, не философ, но я думаю, что> во всяком человеке гораздо более добра, чем снаружи кажется («Село Степанчиково и его обитатели»); [Иван Петрович о Валковском] Есть особое сладострастие в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостоивает и постыдиться перед ним («Униженные и оскорбленные»); [Горянчиков] Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение («Записки из Мертвого дома»); [Горянчиков] <Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что> по смеху можно узнать человека, и если вам с первой встречи приятен смех кого-нибудь из совершенно незнакомых людей, то смело говорите, что это человек хороший («Записки из Мертвого дома»); [Горянчиков] Свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке («Записки из Мертвого дома»); [Парадоксалист] <...> человек только свое горе любит считать, а счастья своего не считает («Записки из подполья»); [Алексей Иванович] Человек – деспот от природы и любит быть мучителем («Игрок»); Действительно, человек любит видеть лучшего своего друга в унижении пред собою <...> («Игрок»); <...> любить общечеловека – значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека («Дневник писателя»); <...> у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем и не может быть нелгущего человека («Дневник писателя»); Нет человека готового повторять чаще русского: «какое мне дело, что про меня скажут», или: «совсем я не забочусь об общем мнении» – и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают («Дневник писателя»); [А.Н. Майкову] Главное, самосознание в себе русского человека – вот что надо (Письма); [П.А. Исаеву] Чем образованнее человек, тем более он учится, и так всю жизнь (Письма); [Л.В. Григорьеву] В самом деле, трудно кому-нибудь более, чем русский человек, впадать в ошибки (Письма).

К интерпретации этого лексикографического материала можно подойти по-разному, мы в качестве эксперимента выбрали следующий подход: все высказывания, зафиксированные в зоне АФРЗ комментария словарной статьи (подкорпус корпуса афористики Достоевского), вводятся в поисковик, выполняющий следующие функции: 1) разбивает текст на словоформы и составляет их список, 2) определяет частоту употребления каждой словоформы, 3) выстраивает словоформы или в алфавитном порядке, или по убывающей частоте их употребления. Такой список (наш составил порядка 1 600 словоформ) сам по себе мало дает для понимания того, чем является человек у Достоевского, следующий шаг намного сложнее – распределение данных словоформ по лексико-семантическим полям. И технически сложно, и потому, что одна лексема, как известно, может быть связана с различными смысловыми группами, так что часто приходится обращаться к контексту, в котором она употребляется. Тем не менее некоторый эскиз, ядро семантической группировки слов, входящих в это текстовое афористическое поле, нам удалось обозначить.

Естественно, самыми частотными оказались союзы, предлоги, частицы и местоимения: *и* (214), *в* (100), *не* (97), *что* (82), *на* (50), *с* (42), *то* (34), *как* (33),

его (31), а (30), это (28), он (27) я (27) и др. И, конечно, само слово «человек» в различных формах (в зону АФРЗ выносились только высказывания с этим словом): человек (125), человека (68), человеку (23). Частотными оказались конструктивные для афоризма единицы, что может представлять определенный интерес с точки зрения характеристики идиостиля Достоевского: *ведь* (7), *ибо* (5), *если* (19), *по-моему* (3) *потому* (11), *очень* (10), *разве* (7), *конечно* (3), *без* (17), *из-за* (2), *по крайней мере* (2), *чтоб* (6), *чтобы* (7), *зато* (2), *значит* (3), *когда* (7), *коли* (2), *коль* (2), *хоть* (14), *хотя* (10), *перед* (6), *перед* (5), а также глаголы-связки *будет* (6), *будешь*, *будут*, *будучи*, *будь*, *бывает* (3), *был* (11), *были* (3), *было* (10), *быть* (18), *есть* (25), *является* и модальные слова: *должен* (4), *должны* (2), *мог* (4), *могли*, *может* (25), *можно* (7), *надо* (10), *надобно* (2), *нельзя* (7), *нельзя-с*, *необходимее*, *необходимо* (3), *необходимости* (4), *нужно*, *обязан*.

Конечно, в афористическом поле ‘человек’ не могло не отразиться и любимое Достоевским поле неопределенности, хотя и не настолько явно, как во многих других случаях: все-таки афоризм в силу своих особенностей закономерно создает запрет на неопределенность. Маркеры неопределенности, однако, у Достоевского регулярно встречаются и в высказываниях афористического типа, например: *будто*, *вдруг* (7), *вроде*, *кажется* (6), *казались*, *казалось*, *какая-то*, *какого-нибудь*, *какое-нибудь* (2), *какой-нибудь* (3), *каком-нибудь*, *как-то* (3), *кого-нибудь*, *кому-нибудь*, *кто-нибудь*, *куда-нибудь*, *некоторую*, *несколько* (3), *нечто* (2), *один* (4), *одна* (2), *одно* (3), *одного* (2), *одной* (3), *одну*, *сколько-нибудь* (2), *чем-нибудь* (2), *что-нибудь*, а также поле желательности, возможности: *возможность*, *жаждет*, *жаждой*, *желал*, *захотел*, *мечтает*, *мечту*, *надежду* (2), *невозможен*, *невозможностью*, *угодно* (2), *хотите* (2), *хотят*, *хочу*.

Рассмотрим другие, наиболее насыщенные лексическими единицами семантические поля, пересекающиеся с полем ‘человек’.

(1) ‘ЗНАНИЕ, РАЗУМ, УМ’ (‘ГЛУПОСТЬ’):

ведомо, *выдумывал*, *глупее* (2), *глупому*, *глупости*, *глупый* (2), *думать*, *думаю* (4), *задумчиво*, *знает* (7), *знал*, *знание*, *знать* (2), *знаю* (4), *идеи* (2), *идея* (2), *известная*, *известно* (4), *известной*, *логику*, *логически*, *мысли*, *мыслители*, *мысль* (4), *мыслью* (2), *мыслям*, *мыслях*, *неведомая*, *незнакомой*, *незнакомых*, *означает*, *осмыслить*, *ошибаться* (3), *ошибаюсь*, *ошибающийся*, *подумают*, *понимавшими*, *понимает* (2), *понимаете*, *понимать*, *понимая*, *понятием*, *признает*, *признак*, *признанного*, *просветить*, *просвещенным*, *разгадать*, *разгадывать*, *распознать*, *рассудили*, *рассудок*, *самосознание*, *смысла*, *сознание*, *сознании*, *сознательно*, *сознать*, *сознающий*, *суметь*, *узнать* (2), *ум* (2), *ума* (2), *умнели*, *умного* (3), *умному*, *умный*, *умным*, *умышленно*, *умышленное*, *ясно*, *ясную*

(2) ‘РЕЧЬ (ГОВОРЕНИЕ И СЛУШАНИЕ)’:

бесед, *болтовня*, *выказывается*, *выражать*, *выражения*, *высказанное*, *высказаны*, *высказаться*, *высказываниях*, *говори*, *говорил*, *говорила*, *говорит*, *говорите*, *говоря*, *доказывал* (3), *заметил*, *изъяснять*, *объявил* (2), *отвечал*, *подсказывается*, *прибавлю*, *провозгласил*, *скажете*, *скажу*, *скажут* (2), *сказал*, *сказали*, *сказать* (4), *сказывающийся*, *слыхать*, *слыхивал*, *слыхом*, *слышал*, *убедить*, *уговорить*

В том, что эти поля пересекаются с полем ‘человек’, нет ничего удивительного: человек, согласно словарным дефинициям, существо разумное, мыслящее и обладающее даром слова. Да и вообще данные поля в общелитературном тезаурусе насыщены большим числом частотных лексических единиц.

Довольно много слов, входящих в высказывания афористического типа Достоевского, в том числе и оценочного характера, относятся к полю (3) ‘степень,

величина, размер, количество: *более* (9), *больше, большею, большинстве, большинство, больших, важность, великая, великий, великим* (2), *великого* (2), *великое* (2), *величайшее, величайшею, величие, величия, весьма, высочайший, высочайшим, высшая, высшей, высшие, гениальная, главнейшее, главного, главное, гораздо* (3), *значительные, идеал, легче* (2), *лучше* (3), *лучшего, лучшее* (2), *лучшею, миниатюрны* (2), *обольстительнее, образованнее, огромное, особенно* (7), *особенных, получше, развитее, самое* (4), *самой, самые, самый* (2), *самым, скорее, скорей, степени* (3), *степень, таланта, талантлив, талантов, феноменально, хороший* (2), *хорошо* (4), *хуже* (2), *чаще* (2), *чрезвычайное, чудовищной, чуть* (4), *чуть-чуть* (2).

Поле (4) **‘лицо, совокупность лиц, существо’** представлено следующими словоформами: *атеистом, ближнего, врага, гением, гения* (2), *деспот, другим, другого* (3), *другой, дураки* (2), *жертвы, зверь* (5), *зверя, людей, люди, многие, мшеника, народ, народа* (2), *народу, нация, остальные, остальным, племени, подлец, подлеца, поколение, преступника, раб* (2), *разбойника, старец, существо* (3), *тварь* (3), *тиране, чудовище, чудовищу*.

Такое важное для тезауруса Достоевского лексико-семантическое поле, как (5) **‘граница, предел’** (или отсутствие границы / предела), отражается в употреблении словоформ *безграничное, безмерно, бесконечную, беспрерывнее, беспрерывно, даже* (23), *крайне, крайних, мерку, меры, неограниченной, почти* (8), *слишком* (4), *совсем* (6), *точки, черта* (2). Отметим, что почти все эти слова описываются в отдельных словарных статьях «Идиоглоссария Достоевского», т. е. имеют идиоглосный статус.

Нет ничего удивительного и в том, что поле ‘человек’ пересекается с понятиями ‘жизнь’ и ‘смерть’, причем частотность единиц, относящихся к полю ‘жизнь’, в афористике существенно превосходит поле ‘смерть’:

(6) **‘жизнь’**: *возрождению, жив* (2), *живет, живого, жизни* (6), *жизнь* (9), *жить* (8), *приживчив, прожитое, уживается*;

(7) **‘смерть’**: *бессмертии, война, войну, войны* (2), *гибнут, загубил, застреливается, истребит, казни, палача, погибшего, погребен, смерти, трупом, убивая, умер*.

Между жизнью и смертью – (8) **‘время’**, семантическое поле, представленное у Достоевского очень широко: *века, веков, вечно, воспоминание, воспоминаний* (2), *воспоминания, временем, времени* (5), *время* (3), *всегда* (7), *давно, дня, долгий, долгих, древних, исторически, исторической, история, летах, мгновение* (2), *минута, минуту, минуты, многовековое, молодой* (3), *навсегда, недавнего, ночью, потом* (3), *рождается* (2), *сейчас* (4), *современном, современные, современный, спустя, старая, тогда* (2), *тотчас* (4), *утро*.

Укорачивание Достоевским времени до точки, мгновения, как и интерес писателя к воспоминаниям и к важности воспоминаний, – факт широко известный, как и то, что человек Достоевского часто страдающий или больной. Это нашло отражение и в довольно широком поле (9) **‘страдание, боль, болезнь, мучение’**, пересекающемся в афоризмах писателя с полем ‘человек’: *апатия, бед, беда, болезней, боли, больных, взбешенный, горе* (2), *горя* (2), *жестокостями, жесточайшие, замучить, измучаю, истязуемой, лекарство, мучение, мучителем, мучительная, мучительнее* (2), *мучить* (2), *нервный, подагр, страдание* (2), *страдания, страдать, страдающая*, а также в поле (10) **‘страх’**: *боится, бойтесь, боюсь, боялся, бояться, испугается, смело, страх* (2), *страшно* (4), *трепетал, трус, трусливости, трусости, ужасно* (2), *ужасным, ужасом*.

Тем не менее, если «количество» счастья и несчастья примерно одинаковое: **(11) 'счастье'**: *счастье, счастлив (2), счастье (2), счастьем, счастья (3)*; **(12) 'несчастье'**: *несчастен, несчастье (2), несчастлив (2), несчастье, несчастья*, то любви, смеха и радости все-таки намного больше, чем боли и страдания: **(13) 'любовь'**: *любви (3), любит (13), любите, любить (3), любовь (3), любовью, любят, полюбить, самолюбия, слюбится, филантропа*. И только две словоформы, связанные с ненавистью, – *ненавидеть и ненависти*; **(14) 'радость'**: *блаженством, веселит, наслаждение, рад, радости, радость, радующийся*; **(15) 'смех'**: *смеется (2), смех, смеху, смешного (встречается, правда, и злой смех – насмешками)*. Ничего не поделаешь: если читатель хочет увидеть смерть и страдание, то именно это он в первую очередь и увидит.

Безусловно, выделяются также семантические поля, вообще характерные для русского художественного дискурса XIX в., важны они и для Достоевского – **'бог', 'вера', 'грех', 'вина', 'стыд, совесть, честь', 'правда, истина и ложь', 'добро и зло', 'дух, душа'**: **(16) 'Бог'**: *бога (2), божеской, божий (2), божью, христианства, Христов, Христову*; **(17) 'вера'**: *вере, верит, верить, веровать, веротерпимости, веру, поверить, поверьте, разуверишь, разуверять*; **(18) 'грех'**: *грех, греха (2), грехе (2), грехов, грешно, согрешив, согрешил*; **(19) 'вина'**: *вине, виноват (3), виновен, невинно, обвинять*; **(20) 'стыд, совесть, честь, достоинство'**: *бесстыдству, бесчестие, бесчестье, благородно, благородным, достоинств, достоинству, порядочный (6), постыдиться, постыдная, совести (6), совестливо, совестью, стыде, устыдиться (2), честен, чести, честный, честным, честь*; **(21) 'правда, истина и ложь'**: *истина, истиннее, истинного, нелгущего, оправдать, плутоватый, правда (3), правде, правдой, правду, соврать, солжет, шулерство*; **(22) 'добро и зло'**: *гуманной, гуманности, гуманный, добра (2), добре (2), добро, доброго, добродетелей, добродетели, добрым (2), зла, зле, злости*; **(22) 'дух, душа'**: *великодушия, великодушным, духом (2), душа, душе (2), души, душой, малодушного*. Однако намного шире, чем, например, 'дух, душа', представлено поле **(23) 'деньги'**: *беднее, бедном, бедному, бедность, бедный (3), богатстве, богаты, гроша, деньгами, капиталов, копеек, копить, миллиона (2), одолжаешь, одолжение, одолженным, одолжить*.

Человек у Достоевского очень тесно связан с идеей активной деятельности и активного деятеля, что находит отражение и в соответствующем лексико-семантическом поле: **(24) 'дело, действие'**: *выделаться, действовать, действует (2), действуете, дела (2), делает (2), делается (2), делал, делать (5), делаю, делают, деле, дело (2), делового, деловой (3), дело-то, дельного, сделанное (2), сделать (4), сделаться (2)*.

Конечно, в афоризмах Достоевского, связанных с человеком, не могла не найти отражения идея всеединения, общности: **(25) любой, каждый, общий, весь'**: *весь (2), всего (8), всем (6), всемирная, всемирное, всему, всеобщую, всех (7), всю (4), вся (4), всяк, всякая (3), всякий (8), всякого (5), всякое, всяком (2), всякому (2), всякую, каждая, каждого (2), каждое (2), каждом, каждому, каждый (6), наши, наше (2), нашего (4), наши, обобщающего, общего, общей, общем, общественная, общество, общечеловека, общности*. Эта же идея отражена и в составе словообразовательного гнезда, зафиксированного в отдельной зоне комментария словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского» (зона СЛБР): *богочеловек, всечеловек, всечеловеческий, всечеловечность, всечеловечный, всечеловечество, общечеловек, общечеловечек, общечеловеческий, общечеловечество, общечеловечность, обще-*

человечный, очеловечение, очеловечить, очеловечиться, человекобог, человечество и др. Авторские новообразования, универбаты «всечеловек» и «общечеловек» фактически являются ключом к пониманию философии Достоевского.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в генерализованных высказываниях Достоевского активно употребляются лексические единицы поля **(26) 'Россия, русский'**: *России, русский* (14), *русским* (2), *русских, русского* (10), *русское, русскому* (4). Сказанное, однако, не исключает наличия в афоризмах словоформ *всеевропейское, европейским, Европой, Европы, Западе, западного, парижане, парижанина, разъевропейский, француза, французы*. Для усиления идеи русскости необходима противоположность, наличие контраста. Таким образом, если принять в качестве базового положение о том, что ядро тезауруса Достоевского – 'человек', то следует заключить, по крайней мере в отношении публицистических текстов писателя, что это не человек вообще, а *русский человек*, что подтверждает и зона комментария словарной статьи, в которой зафиксированы подчинительные связи описываемого слова, его гипотаксис.

Какие же выводы на материале словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского» можно сделать относительно того, как представлен человек у Достоевского? Человек в первую очередь существо неопределенное, требующее познания, он ограничен во времени, т. е. рождается и умирает, смеется и испытывает страх (Кириллов в «Бесах»: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит»), любит и болеет (Парадоксалист в «Записках из подполья»: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек»), страдает, к тому же способен получать удовольствие от своего страдания и от страдания других, имеет склонность ко лжи, воровству, обогащению. Человек у Достоевского соткан из парадоксов, само слово «человек» в текстах писателя в высшей степени оценочное – от антиидеала до идеала (Настасья Филипповна князю Мышкину в «Идиоте»: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!»), от безобразного до образа и подобия Божия. Если говорить о русском человеке, то его функция – всеединение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука веры. <https://azbyka.ru/chelovek-sm>
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
3. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. <https://vehi.net/berdyaev/dostoevsky/02.html> (дата обращения: 05.03.2024).
4. Виноградов В.В. История слов. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/464> (дата обращения: 05.03.2024).
5. Достоевский Ф.М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. 572 с.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. <https://gufu.me/dict/efremova> (дата обращения: 05.03.2024).
8. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 287 с.
9. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (С–Я). 3-е изд., стереотип. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. 796 с.

10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 04.03.2024).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. slovoblog.ru/ojegov/skladka/ (дата обращения: 04.03.2024).
12. Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 543 с.
13. СЯД 2024 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Т–Я) / Под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий (в рукописи).
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. slovoblog.ru/ushakov/skladka/ (дата обращения: 04.03.2024).
15. Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. 720 с.
16. Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 832 с.
17. Lloyd J.A.T. A Great Russian Realist – Feodor Dostoieffsky. London: S. Paul&Co, 1912. 296 p.
18. Natorp P. Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrisis: mit einem Anhang zur geistigen Krisis der Gegenwart. Jena, 1923. 41 S.

REFERENCES

1. Azbuka Very. <https://azbyka.ru/chelovek-sm>
2. Apresyan Yu.D. The Image of a Man according to Language Data: An Attempt at a Systemic Description. *Topics in the Study of Language*. 1995. No 1, pp. 37–67.
3. Berdyaev N.A. Dostoevsky's Worldview: <https://vehi.net/berdyaev/dostoevsky/02.html> (date accessed: 05.03.2024).
4. Vinogradov V.V. A History of Words. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/464> (date accessed: 05.03.2024).
5. Dostoevsky F.M. Letters 1832–1859. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 28. Book 1. Leningrad. Nauka Publ. 1985. 572 p.
6. Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.
7. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formative. <https://gufo.me/dict/efremova> (date accessed: 05.03.2024).
8. Ivanchikova E.A. (1979) Syntax of Dostoevsky's Fiction. Moscow. Nauka Publ. 287 p.
9. Russian Language Dictionary: In 4 vols. Vol. 4 (С–Я). 3rd ed., stereotyped / Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1988. 796 p.
10. National Corpus of the Russian Language. www.ruscorpora.ru/search-main.html (date accessed: 04.03.2024).
11. Ozhgov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. slovoblog.ru/ojegov/skladka/ (date accessed: 04.03.2024).
12. Ruzhitsky I.V. (2015) The Language of Dostoevsky: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS Publ. 543 p.
13. Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (Т–Я) / Ed.: Yu.N. Karaulov; scientific editor: I.V. Ruzhitsky (in manuscript).
14. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. D.N. Ushakov. slovoblog.ru/ushakov/skladka/ (date accessed: 04.03.2024).

15. The Phenomenon of Dostoevsky. Western Studies of the Writer's Creativity. Moscow. Akademicheskyy Proekt; Fund "Mir" Publ. 2019. 720 p.

16. Shaykevich A.Ya., Andryushchenko V.M., Rebetskaya N.A. (2003) Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 832 p.

17. Lloyd J.A.T. (1912) A Great Russian Realist – Feodor Dostoieffsky. London. S. Paul&Co. 296 p.

18. Natorp P. (1923) Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise: mit einem Anhang zur geistigen Krise der Gegenwart. Jena. 41 S.

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Igor V. Ruzhitsky,
Doctor of Philology
Associate Professor
The V.V. Vinogradov Russian Language
Institute RAS

konnitie@mail.ru

Л.В. Красильникова, А.В. Сапунова (Москва, Россия)

Словообразовательные гнезда и подгнезда с позиции когнитивно-коммуникативного подхода

Аннотация: В статье затрагиваются проблемы соотношенности семантики многозначного исходного слова и семантики его производных в рамках словообразовательного гнезда. Особое внимание уделяется областям русского словообразования, по которым распределяются дериваты в словообразовательном гнезде. Словообразовательное гнездо рассматривается как когнитивно-коммуникативная единица языкового сознания с подгнездами, интерпретирующими отдельные фрагменты действительности.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, исходное слово, лексико-словообразовательный вариант, производное слово, полисемия, когнитивно-коммуникативные подгнезда

L.V. Krasilnikova, A.V. Sapunova (Moscow, Russia)

Cognitive-Communicative Approach to the Word-Formation Nests and Subnests

Abstract: The article is about correlation of the semantics of a polysemantic base word and the semantics of its derivatives within a word-formation nest. Special emphasis is paid to the processes of Russian word-formation, according to which derivatives are distributed in the word-formation nest. A word-formation nest is considered to be a cognitive-communicative unit of language consciousness with sub-nests which interprets separate fragments of reality.

Key words: word-formation nest, base word, lexical and word-formation variant, derivative word, polysemy, cognitive and communicative subnests

Проблема определения списка комплексных единиц словообразования и их фундаментального описания еще не получила своего окончательного решения в лингвистической литературе. Рассмотрение словообразовательного гнезда в аспекте разных лингвистических направлений по-прежнему остается актуальным, при этом самым эффективным становится изучение словообразовательного гнезда с помощью применения различных лингвистических подходов. Если вначале словообразовательное гнездо выделялось прежде всего как структурная единица словообразовательной системы русского языка, то позднее интерес привлекла словообразовательная семантика данной комплексной единицы как струк-

турно-семантической единицы. Большое внимание стали уделять рассмотрению словообразовательного гнезда с учетом его связей с лексической семантикой. В настоящее время перспективным представляется понимание того, что «словообразовательное гнездо является не только единицей комплексной (классификационной), но и единицей языкового сознания, отражающей коммуникативные и номинационные потребности общества»¹.

Словообразовательное гнездо представляет собой сложно организованную и иерархически упорядоченную совокупность производных одного исходного непроизводного слова.

При описании русского словообразования в различных аспектах чрезвычайно плодотворна опора на характер семантического преобразования производящей основы, определяющий входение словообразовательного типа и соответствующего производного в конкретную область словообразования: чисто транспозиционную, модификационную или мутационную (М. Докулил, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, И.С. Улукханов, З.И. Резанова и др.). Семантический анализ словообразовательного гнезда тесно связан с функционально-семантическими областями русского словообразования.

При выделении сфер словообразования основным выступает семантический критерий, следствием чего является специфический набор словообразовательных категорий в каждой из них. Так, например, для производных существительных в области чистой транспозиции характерна семантико-словообразовательная категория отвлеченности (*уменьшение, ответственность*); в модификационной области представлены словообразовательные категории 'лицо женского пола' (*студентка*), 'детеныш' (*котенок*), 'мясо животного' (*свинина*), 'единичность' (*чаинка*), 'собираемость, совокупность' (*зверье, проблематика*), 'подобие' (*глазок*) и т. д.; в мутационную область входят семантико-словообразовательные категории лица (*учитель*) и неодушевленного предмета (*обогреватель*).

Важным признаком является соотношение частеречной принадлежности производного и производящего. При чистой транспозиции происходит перевод слова из одной части речи в другую без изменения лексического значения, так как изменения касаются лишь категориального (частеречного) компонента семантики. Так, дериваты-существительные со значением действия или процесса, качества или свойства, состояния содержат грамматическую сему предметности (*варка, белизна, слабость, веселость*). В область чистой транспозиции входят отглагольные имена со значением действия (*бег, говорение*) или процесса (*повышение*), деадъективные имена со значением качества (*честность*), отвлеченные существительные со значением состояния (*радость*), относительные прилагательные (*машинный*), а также производные наречия (*черно*) и т. д. У производного слова по отношению к производящему изменяется набор морфологических категорий, и вследствие этого дериват выполняет другую синтаксическую функцию в предложении, в связи с чем чистые транспозиты называют также вслед за Е. Куриловичем синтаксическими дериватами.

Область модификации формируют словообразовательные типы, производящие и производные которых относятся к одной и той же части речи. В производном слове по отношению к производящему выделяется конкретный дополнительный компонент лексического значения, т. е. происходит частичное изменение или уточ-

¹ Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. С. 158.

нение исходного слова (*учитель – учительница*). К этой области относятся также производные гиперкатегории субъективности. Семантическая разница может носить объективный (*ключик* от почтового ящика), смешанный субъективно-объективный (*почитать, домик,домище*) или субъективный эмоционально-экспрессивный характер (*домишко, чаёк*). Кроме того, производное слово может отличаться от производящего лишь стилистически (*скамейка, зачитать, архиважный*).

Производные мутационной словообразовательной области могут относиться к той же части речи, что и производящее слово (*утро – утренник*), или принадлежать к другой части речи (*писать – писатель*), но в них обязательно наблюдаются значительные семантические изменения по сравнению с производящими, возникает совершенно новое лексическое значение на базе старого. Наиболее ярко своеобразие ментально-языкового освоения действительности носителями русского языка проявляется в производных мутационной области словообразования, основная функция которых номинативная. Именно для мутационных дериватов в значительной степени характерна фразеологичность (идиоматичность) семантики.

Е.В. Петрухина рассматривает типы словообразовательной производности в аспекте концептуальной деривации, связывая их с преобразованиями концептуальных структур в производном слове. Исследователь в том же ключе интерпретирует концепцию М. Докулила: «По определению чешского лингвиста М. Докулила, разработавшего основные положения деривационной ономазиологии, под модификацией понимается производная номинация, при которой к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, обогащающий это понятие, в результате чего создается более специфицированное название того же предмета или явления действительности. Мутация же – это не уточнение старого понятия, а создание нового на базе первоначального, это номинация нового явления на основе его отношения к исходному [Dokulil 1962: 46; 1982¹]»².

Еще в середине XX в. В. Дорошевский увидел в формальной структуре производного слова отражение суждения о денотате, например дериват *špiewak* (*певец*) раскрывается через пропозитивную структуру «тот, кто поет»³. Производное слово в русле когнитивной лингвистики рассматривается как пропозитивная структура, когнитивная структура, когнитивная модель интерпретации явлений действительности (Е.С. Кубрякова, Е.В. Петрухина, В.Г. Фатхутдинова и др.). Словообразовательное гнездо тогда предстает как крупная комплексная словообразовательная единица, интерпретирующая значительный фрагмент действительности с точки зрения национального менталитета. Изучение формальных, семантических и коммуникативно-когнитивных связей производных слов внутри словообразовательного гнезда остается актуальным. Одним из сложнейших вопросов изучения словообразовательного гнезда является выделение внутри него более мелких группировок производных.

В лингвистической литературе представлены различные попытки объединения словообразовательных единиц как составляющих словообразовательного гнезда. В.Г. Головин выделяет в словообразовательном гнезде, кроме традиционных комплексных единиц: пара, парадигма и цепочка, новую комплексную единицу – сло-

¹ Dokulil M. Tvorem slov v češtině. I. Teorie odvozovam slov. Praha: CAV, 1962. 263 p.; Dokulil M. 1982 Dva příspěvky k odvozování sloves // Naše řeč. 1982. Ročník 65. № 1. S. 1–11.

² Петрухина Е.В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 255.

³ Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952; Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton. 1957. С. 307.

вообразовательную ветвь, которая включает в себя цепочки, имеющие в своем составе члены одной парадигмы. Лингвист рассуждает: «Как состоящая из цепочек, словообразовательная ветвь имеет синтагматическое измерение, как состоящая из словообразовательных парадигм, она имеет парадигматическое измерение, и, таким образом, взаимодействие словообразовательной синтагматики и парадигматики происходит уже на уровне словообразовательной ветви»¹.

А.А. Поликарпов предложил термин «гиперлексема». Он считает, что «восхождение к гиперлексеме знаменует завершение логики движения от грамматических вариантов лексической единицы к ее «чистому» инвариантному виду, собственно лексическому и по содержанию, и по форме»².

Г.О. Каримова вслед за А.А. Поликарповым отождествляет в гиперлексеме дериваты, характеризующиеся наличием регулярных формально-семантических соответствий в языке, т.е. относящиеся к регулярным структурно-семантическим моделям с предсказуемым семантическим сдвигом в одном из лексических значений полученной производной единицы. Г.О. Каримова подчеркивает, что «возможность описания лексики русского языка как системы регулярных формально-семантических парадигм – гиперлексем – является в первую очередь следствием универсального проявления деривационных и ономаσιологических закономерностей в языке»³. Важно, что при формировании гиперлексемных единиц исследователь учитывает специфику типов производности: синтаксическую деривацию (транспозицию), модификацию и мутацию, различая регулярные образования и нерегулярные изменения в плане выражения и в плане содержания в деривате.

М.В. Всеволодова, развивая идею А.А. Поликарпова, указывает на необходимость введения специального понятия для группировок производных внутри словообразовательного гнезда, описывающих общий фрагмент действительности. Так, лингвист использует термин гиперлексема для следующих рядов слов в словообразовательном гнезде: «В рамках одного словообразовательного гнезда возникают разные объединения слов, разные словообразовательные ряды, различающиеся в первую очередь семантикой: *бежать / убежать из тюрьмы – бегство / побег – беглый рецидивист*; но: *беглец* – уже без криминального смысла, например о ребенке, убежавшем из дома; *бежать / бегать стометровку – бегун на короткие дистанции – забег на сто метров; бегло читать – беглое чтение – беглость чтения*; – где нет прямого выхода в глагол *бежать / бегать*»⁴. Отметим, что, по-видимому, глагол *бежать / бегать* и *бегло читать – беглое чтение – беглость чтения* объединяет сема «быстрый, быстро». Данные группировки производных описывают разные фрагменты действительности. Так, производные *бежать / убежать, бегство, побег, беглый* (прил.) и *беглый* (сущ.) связаны с криминальной ситуацией, *бежать / бегать, бегун*, а также *бегунья, забег* и еще слово *бег* описывают спортивное соревнование.

¹ Головин В.Г. Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. Ташкент, 1985. С. 214.

² Поликарпов А.А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. №5. С. 64–74.

³ Каримова Г.О. Типы словопроизводства и критерии выделения гиперлексемы // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 186.

⁴ Всеволодова М.В. Словообразование, лексика, синтаксис // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 182.

В русле когнитивно-коммуникативной лингвистики чрезвычайно важным является вывод Л.А. Араевой и М.А. Осадчего, сделанный по поводу природы словообразовательного гнезда: «Словообразовательное гнездо является не констатацией генетической связанности слов, а сообществом кофункционирующих в речемыслительной деятельности языковых форм, для которых взаимная соположенность является онтологически значимым фактором, условием их участия в речемышлении. При таком рассмотрении словообразовательное гнездо приобретает статус дискурсивного единства языковых форм, заключающегося, с одной стороны, в их потенциальной речемыслительной связанности, с другой – в их совместном участии в формировании конкретного дискурса (ср.: *Пастух рано утром гонит скот на выпаса // там он их пасет // ему подпасок помогает пасту*). Дискурсивная связанность может остаться в потенции. Активация гнезда в одном дискурсе довольно редкое явление. Однако членам гнезда достаточно быть потенциально связанными дискурсивными нитями. Важнейшая задача гнезда – оформить связность той или иной онтологической ситуации. Языковая деривация реализует идею связного видения бытия (например: корова *телится* в *телятнике*, на свет появляется *теленки*, все это называется *отелом*, а корова *стельной*). В таком гнезде нет смысла искать генетическую вершину, это не значимо для речемыслительной деятельности. На первый план выступает синхроническая взаимная детерминация языковых форм»¹. Такая трактовка углубляет понимание словообразовательного гнезда, объединяющего однокоренные производные лексемы, как источника национально-культурной информации, актуализируя его значимость для выполнения когнитивной и коммуникативной функций.

Рассмотрение словообразовательного гнезда с точки зрения его структурной организации, концептуальной деривации и коммуникативного потенциала позволяет выделить в нем когнитивно-коммуникативные словообразовательные подгнезда, которые будут формироваться производными, мотивированными отдельным лексико-семантическим вариантом базового непроеводного слова. Данные подгнезда содержат описание определенного фрагмента действительности. Такая совокупность производных выступает в качестве совокупности кофункционирующих в речемыслительной деятельности языковых форм, представляя собой тематико-ситуативное объединение дериватов, обслуживающее определенное концептуальное пространство и ряд конкретных коммуникативных ситуаций. Таким образом, словообразовательное гнездо предстает как сложная когнитивная структура, выступающая базой для речевой деятельности говорящего при решении коммуникативных задач, т. е. для речевой коммуникации. Такая трактовка словообразовательного гнезда позволяет охарактеризовать его как когнитивно-коммуникативное словообразовательное гнездо.

При вычленении когнитивно-коммуникативных подгнезд в рамках одного словообразовательного гнезда необходимо рассмотреть вопросы полисемии производящего и производного слова, многозначности словообразовательного аффикса.

Производные слова изучаются с учетом значения производящего. Для русского слова характерна многозначность, которая присуща как производящему слову, так и производному. Исходные слова словообразовательного гнезда в большинстве случаев представляют собой полисемантические структуры. Производные

¹ Араева Л.А., Осадчий М.А. Словообразовательная система как дискурсивное взаимодействие гнезд и типов // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г.: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 269–270.

как многозначные слова в рамках словообразовательного гнезда также реализуют свои разные значения. При этом сама структура словообразовательного гнезда включает в себя совокупность дериватов, не раскрывая их семантические связи с разными значениями исходного слова. Значения многозначного слова, как известно, могут быть как прямыми, так и переносными, что не может не отражаться на семантике деривата. А.Н. Тихонов подчеркивал: «Производящие и производные связывает не какое-то общее значение, не какая-то общая идея, заложенная в корне слова и свойственная всем однокоренным словам. Каждая производная основа возникает на базе определенного значения производящей основы»¹. Таким образом, «значение производной основы может базироваться на одном из лексико-семантических вариантов многозначного слова, а не на всей смысловой его структуре»².

Исследователи не раз обращались к проблеме передачи значений от многозначного производящего слова к производному, которое также может быть полисемантическим, подчеркивалось, что «отношения многозначной вершины словообразовательного гнезда со своими производными сложны и многообразны. Различные значения исходного слова обладают различным деривационным потенциалом и по-разному отражаются в производных»³ (см. там же о семантической соотнесенности исходного слова и его деривата). Возникновение и развитие значения производного слова предопределяется типом значения производящей единицы. Общепринятым является тот факт, что в деривационных актах наиболее активно прямое, основное значение исходного слова.

Еще одним из аспектов анализа словообразовательного гнезда является рассмотрение вопроса о полисемии, а значит, и омонимии словообразовательных аффиксов.

При определении полисемии словообразовательных аффиксов основным является семантический критерий, т. е. наличие общего значения или общей семы. Однако в некоторых случаях в связи с разной степенью отвлеченности словообразовательного значения требуются дополнительные уточнения. Так, аффиксы *-тель*, *-ник*, *-ик* передают частные словообразовательные значения лица или предмета (*водитель* и *выключатель*; *банищик* и *чайник*; *умник* и *рыжик* (гриб)), или 'носитель процессуального признака', 'носитель предметного признака' и 'носитель признака'. Все эти значения входят в общее словообразовательное значение 'носитель признака'.

Мы присоединяемся к мнению, что «одноименные суффиксы, объединенные общим инвариантным значением, являются полисемичными. Например, значения лица и предмета мутационных суффиксов *-ец*, *-ок* имеют общее значение 'носитель признака (непроцессуального или процессуального)'. Ср.: *гордец*, *слепец*, *оборванец* и *холодец*, *варенец*, *сеянец*; *едок*, *игрок*, *стрелок* и *скребок*, *каток*, *понамазок*»⁴. Кроме того, полисемия деривационного аффикса представлена в производных одновременно принадлежащих к транспозиционному и мутационному словообразованию, «например, *вход-0*, *зимов-к-а*, *переправ-0-а* (действие и ме-

¹ Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 41.

² Гацайничева А.К. Словообразовательный потенциал названий частей тела человека в русском и даргинском языках: Дисс. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2010. 160 с.

³ Трифонова Н.С. Смысловая корреляция исходной и производной единицы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10. Ч. 1. С. 170.

⁴ Осильбекова Д.А. Критерии омонимии словообразовательных аффиксов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1(69). С. 23–34.

сто действия); *бездарн-ость, велич-ин-а* (признак и лицо)» (Там же), поскольку наблюдается «наличие общего компонента ‘действие’ в значениях ‘действие как процесс’ и ‘действие как характеристика предмета’, а также наличие общего компонента ‘признак’ в значениях ‘отвлеченный признак’ и ‘признак как характеристика предмета’» (Там же). В то время как противопоставленность одноименных аффиксов, относящихся к транспозиционной и модификационной функции, а также мутационной и модификационной функции, означает омонимию словообразовательных аффиксов: «Ср.: *безвкус-иц-а* (от безвкусный) и *луж-иц-а* (от лужа), *игр-иц-е* (от играть) и *друж-иц-е* (от друг), а также *рез-ец* (от резать) и *брат-ец* (от брат), *диабет-ик* (от диабет) и *лоб-ик* (от лоб)» (Там же).

Рассмотрим, например, какие когнитивно-коммуникативные подгнезда можно выделить при группировке дериватов исходного прилагательного *глухой* с учетом наличия у него лексико-семантических вариантов.

1. Первый ЛСВ прилагательного *глухой* – ‘лишенный слуха (полностью или частично)’ – является активным производящим. Значения всех производных слов связаны с типовой ситуацией потери человеком слуха (полной или частичной). Можно говорить о развитом словообразовательном подгнезде. У прилагательного *глухой* имеется соответствующий субстантив *глухой* – ‘тот, кто не слышит, плохо слышит’, который имеет стилистическую помету (разг.).

На первой ступени производности мы также видим производные со значениями, характерными для производных прилагательных в русском языке: усиление признака – *преглухой* (‘очень глухой’), степень признака – *глуховатый* (‘в некоторой, в определенной степени глухой’), отвлеченные существительные с качественным значением – *глухота* (‘полное или частичное отсутствие слуха’) (см. также абстрактное, медицинский термин) и *глухость*; лицо – носитель признака, названного мотивирующим именем прилагательным, – *глушня* (‘тот, кто полностью или частично лишен слуха’, разг.-сниж.) и *глухарь* (‘глухой или плохо слышащий человек’, разг.-сниж., прост.), непереходный глагол несовершенного вида со значением постепенного усиления какого-л. признака, состояния, названного мотивирующим словом, – *глохнуть* (‘терять способность слышать; становиться глухим’); переходный глагол несовершенного вида со значением отрицательного воздействия на объект, приводящего к возникновению качества, названного мотивирующим словом, – *глушить* (‘лишать способности слышать, оглушать’ (о громких звуках, сильном шуме и т. п.); ‘лишать слуха полностью или на время’ (о громком шуме, сильных звуках и т. п.): Постоянный грохот трамвая *глушил*).

Кроме того, прилагательное *глухой* входит в сложное слово *глухонемой* (‘лишенный способности к словесной речи вследствие врожденной или приобретенной в раннем детстве глухоты’).

Некоторые из производных слов сами выступают в роли производящих:

- от прилагательного *глуховатый* образуется отвлеченное существительное *глуховатость* (‘глухота’);
- от прилагательного *глухонемой* образуется отвлеченное существительное *глухонемота* (‘неспособность к словесной речи вследствие врожденной или приобретенной в раннем детстве глухоты’);
- от глагола *глохнуть* образуется глагол совершенного вида *оглохнуть* (‘утратить способность слышать; стать глухим’);
- от глагола *глушить* образуется глагол совершенного вида *оглушить* (‘сильным звуком, шумом лишить на время ясности слуха’). От глагола *оглушить*

образуется транспозит со значением действия *оглушение* и прилагательное *оглушительный* ('очень громкий, шумный, такой, что способен оглушить'). От прилагательного *оглушительный* образуются наречие *оглушительно* и отвлеченное существительное по значению прилагательного *оглушительность*. Глагол *оглушить* имеет видовую пару *оглушать*, от которой образуется производное *оглушающий* (прилаг.). В свою очередь от него произведено наречие *оглушающе*.

Слово *глухарь* имеет не только значение 'глухой или плохо слышащий человек', но и второе значение: 'птица из породы тетеревов, глухой тетерев'. *Глухой тетерев* – второй вариант названия птицы. Такое название связано с тем, что эта птица при токовании как бы глохнет и ничего не слышит, чем пользуются охотники (см., например, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера)¹.

Отметим, что в русском языке сохраняется словосочетание *глухая тетеря*, фразеологизм, который используется для обозначения слабослышащего или потерявшего слух человека, а также человека невнимательного, бестолкового, ничего не замечающего вокруг себя.

Представим подгнездо первого ЛСВ исходного прилагательного *глухой* в виде таблицы.

Таблица 1

глухой	глухой сущ.				
	глуховатый	глуховатость			
	преглухой				
	глухонемой	глухонемота			
	глухота				
	глухость				
	глушня				
	глухарь1				
	глухарь2				
	глохнуть	оглохнуть			
	глушить	оглушить	оглушать	оглушающий	оглушающе
			оглушение		
			оглушительный	оглушительно	
				оглушительность	

1а. Значение глагола *глушить* 'ударом ошеломлять; приводить в бесчувствие (человека, рыбу)' (разг.) содержит сему 'потеря слуха', 'лишать возможности слышать', 'делать глухим' и опирается на основные значения этого глагола и базового прилагательного *глухой*.

Глагол *глушить* в этом значении является производящим для нескольких глаголов совершенного вида: глагола *оглушить* ('ударом привести кого-либо в состояние беспамятства': *Преступник оглушил мужчину ударом кулака; Рыбак оглушил сома ударом весла*); *переглушить* ('оглушить всех или многих, глуша, убить, истребить всё и всех подряд': *Переглушили всю рыбу в пруду*); *наглушить* ('глуша, добыть, наловить какое-нибудь количество чего-нибудь (рыбы)') и *поглушить* ('в

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/г/глухарь>

течение некоторого времени глушить рыбу’). При этом производные глаголы отражают ситуации, связанные прежде всего с рыбой, и имеют пометы разг. и спец.

Таблица 1а

глухой	глушить	оглушить
		переглушить
		наглушить
		поглушить

2. Значение второго ЛСВ прилагательного *глухой* ‘равнодушный, невосприимчивый, незаинтересованный’ является переносным значением и восходит к первому ЛСВ прилагательного *глухой*. Однако и в этом значении прилагательное *глухой* организует свое подгнездо, которое при этом развито не настолько, насколько развито подгнездо прямого значения. Прилагательное *глухой* в данном переносном значении имеет производные только первой ступени деривации.

В подгнездо входят слово со значением степени признака *глуховатый* (‘в некоторой, в определенной степени глухой’: *Рассеян был принц, глуховат к добрым советам*), соответствующие отвлеченные существительные *глухота* (‘отсутствие чуткости, отзывчивости; невнимание, равнодушие’: *Но воспитывающий родитель обязан научить ребенка слышать другие точки зрения, потому что, когда он выйдет в социальную действительность, эмоциональная глухота может быть чревата серьезными психическими травмами*) и *глухость* (Умение проникаться чудным бессловесным взаимным пониманием и *глухость, тупость, неотзывчивость болвана, который деревянно запарывает момент за моментом и обрезаает неуклюжим пасом всю свою оборону*), а также глагол со значением постепенного усиления какого-л. признака, состояния, названного мотивирующим словом *глохнуть* (‘становиться равнодушным, невосприимчивым к чему-л.’: *Что-то я стал заметно глохнуть, пустеть головой и душой*).

Таблица 2

глухой	глуховатый
	глухота
	глухость
	глохнуть

3. Третий ЛСВ прилагательного *глухой* имеет значение ‘негромкий, приглушенный, тусклый (о голосе, звуке чего-л.)’, которое развивает два переносных подзначения ‘неяркий (о цвете, красках)’ и ‘проявляющийся в незначительной степени; ослабленный’ (глухая боль).

Прилагательное *глухой* в значении ‘негромкий, приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’ является исходным словом собственного словообразовательного подгнезда. Значения производных слов, входящих в это подгнездо, связаны с указанием на громкость звуков, как, например, значение производного прилагательного *глуховатый* (‘негромкий, чуть приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’), указывающее на степень признака, названного производящим словом; значение транспозитана-наречия *глухо*, значение отвлеченного существительного *глухость* (*Голос его потемнел, глухость и вялость*) и значение отвлеченного существительного со значением степени признака *глухотца* (‘глуховатость; приглушенность’). Сюда же относятся лингвистические термины: *глухой согласный звук* и *глухость*.

От прилагательного *глухой* в значении ‘негромкий, приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’ образуются два глагола: *глушить* (‘делать звук слабым, глухим с целью помешать слышать что-л., *заглушать* (о сильном шуме)’)) и *глохнуть* (‘делаться неслышным, слабым, глухим; затихать (о звуках)’). Названные производные находятся на первой ступени деривации прилагательного *глухой*.

От прилагательного *глуховатый* образуются соотносительное с ним по значению наречие *глуховато* и отвлеченное существительное со значением степени признака *глуховатость*.

Глагол *глушить* выступает производящим к отвлеченному существительному *глушение*. К глаголу *глушить* в значении ‘делать звук слабым, глухим с целью помешать слышать что-л.’ присоединяются приставки *при-*, *за-*, *пере-*:

- *приглушить* (‘сделать менее слышным; ослабить, смягчить (звук, звучание)’)) (глагол несовершенного вида – *приглушать*);
- *заглушить* в двух значениях: ‘превзойти по силе какие-л. звуки, сделав их неслышными’ и ‘сделать менее слышным; приглушать’ (глагол несовершенного вида – *заглушать*);
- *переглушить* (‘сделать неслышным, подавляя силой звука; заглушить’) (разг.).

Глагол *приглушить*, который находится на третьей ступени словопроизводства, обладает наибольшим деривационным потенциалом. От него образуются следующие производные: глагол несовершенного вида *приглушать*; прилагательное *приглушенный* (‘в некоторой степени ослабленный, слегка заглушенный (о звуке)’), а также существительное со значением процесса действия по значению глагола *приглушение*.

На третьей ступени от прилагательного *приглушенный* образуются соответствующее наречие *приглушенно* и отвлеченное существительное *приглушенность*.

Глагол *глушить* является производящим существительного *глушитель* (‘устройство для снижения шума’ (двигатели, огнестрельное оружие, музыкальные инструменты)). От существительного образованы сложные слова *звукоглушитель* и *шумоглушитель*.

От глагола *глушить* имеется также производное существительное *глушилка* (разг., проф.), обозначающее устройство для глушения сигнала радиостанции, мобильного телефона, сотовой связи (*глушилка сотовой связи*).

К глаголу несовершенного вида *глохнуть* (‘делаться неслышным; затихать (о звуках)’)) при образовании глаголов совершенного вида присоединяются приставки *за-* и *при-*: *заглохнуть* (‘перестать звучать, затихнуть’) и *приглохнуть* (‘стать менее слышным, притихнуть’).

Таблица 3

глухой	глуховатый	глуховато		
		глуховатость		
	глухо			
	глухость			
	глухотца			
	глушить	глушение		
		приглушить	приглушать	
			приглушенный	приглушенно
				приглушенность

			приглушение	
		заглушить	заглушать	
		переглушить		
		глушитель	звукоглушитель	
			шумоглушитель	
		глушилка		
	глохнуть	заглохнуть		
		приглохнуть		

За. Глаголы *глушить* и *глохнуть* развивают переносное значение: *глушить* ('прекращать работу о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом') и *глохнуть* ('переставать работать о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом' (разг.)). Развитие данных значений связано с тем, что, когда механизм, устройство прекращает работать, звук перестает быть слышимым.

К глаголу *глушить* в значении 'прекращать работу о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом' при образовании глагола совершенного вида присоединяются следующие приставки: *при-* и *за-* (*приглушить*, *заглушить* – 'прекратить работу (мотор)'). Глагол *приглушить* может означать 'заглушить на время', ср., например, форму императива *Приглуши мотор* (временно заглуши) и *Заглуши мотор*, императив *Приглуши мотор* звучит менее категорично.

От глагола *глохнуть* образуется глагол совершенного вида с помощью приставки *за-*: *заглохнуть* 'перестать работать (о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом)' (разг.).

Таблица 3а

глухой	глушить	приглушить
		заглушить
	глохнуть	заглохнуть

3б. Переносное значение второго ЛСВ прилагательного *глухой* 'неяркий (о цвете, красках)' также выступает в качестве производящего. От прилагательного *глухой* в значении 'неяркий (о цвете, красках)' образованы отвлеченное существительное по значению прилагательного *глухость* (*Наделенный множеством градаций черный цвет Хальса лишился здесь тяжести и глухости, став по выразительности практически равным другим цветам спектра*) и глагол *глушить* ('делать цвета неяркими').

От глагола *глушить* образован глагол *приглушить* ('немного сделать цвета неяркими', 'сделать свет менее ярким': *Запустить стиральную машину, включить кондиционер, аудиосистему или приглушить освещение можно одним мановением руки, «махнув пыль» со смартфона*), а от него существительное со значением процесса действия *приглушение* и прилагательное *приглушенный* ('не сильный, не яркий (о цвете, красках)'). На четвертой ступени словопроизводства находятся соответствующие наречие *приглушенно* и отвлеченное существительное *приглушенность*.

Таблица 3б

глухой	глухость			
	глушить	приглушить	приглушение	
			приглушенный	приглушенно
				приглушенность

Зв. От прилагательного *глухой* в значении ‘проявляющийся в незначительной степени; ослабленный’ (глухая боль) образован глагол *глушить*, а от него – приставочные глаголы *заглушить* (‘ослабить (боль, душевные переживания и т. п.)’) и *приглушить* (‘ослабить (боль, душевные переживания и т. п.)’).

Глагол *глушить* входит в словообразовательную цепочку: *глухой* – *глушить* – *заглушить* – *заглушать*. А глагол *приглушить* выступает производящей базой для глагола *приглушать*, существительного со значением процесса *приглушение* и прилагательного *приглушенный* (‘не сильный, проявляющийся в незначительной степени; ослабленный’), от которого образуется наречие – *приглушенно* (*Боль действительно немного рассосалась, но локально спина продолжала **приглушенно** болеть*).

Таблица 3в

глухой	глушить	приглушить	приглушать	
			приглушение	
			приглушенный	приглушенно
		заглушить	заглушать	

Зг. От третьего ЛСВ прилагательного *глухой* в значении ‘негромкий, приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’ развивается частное переносное значение ‘преисполненный тишины, безмолвия (о времени суток)’: *глухая ночная пора, глухая пора зимней ночи*.

4. Четвертый ЛСВ прилагательного *глухой* является переносным значением ‘затаенный, скрытый, неясный (о чувстве, состоянии и т. п.)’ (книж.), и имеет два частных подзначения ‘смутный, неопределенный’ и ‘недоступный для понимания’.

Поскольку значение переносное, то его словообразовательный потенциал небольшой. Производными являются два глагола *глушить* (‘ослаблять, умерять, сдерживать (какое-л. чувство, ощущение)’: *Давить и **глушить** эти чувства в себе беспощадно!*) и *глохнуть* (‘забыться, притупиться (о чувствах, мыслях и т. п.)’: *Лучшие чувства **глохнут** и вымирают в одиночестве*).

От глагола *глушить* образованы два приставочных глагола: *глушить* – *заглушить* (*заглушить* чувство голода) и *приглушить* (*приглушить* тоску) (‘ослабить, умерить, сдержать (какое-л. чувство, ощущение)’). От глагола *приглушить* мы находим следующие дериваты: глагол несовершенного вида *приглушать*; существительное со значением процесса *приглушение* (*Стадия **приглушения** чувств наступает, когда человек не находит способа отпустить накопленный негативный опыт*) и прилагательное *приглушенный* (‘умеренный, ослабленный (о чувствах, ощущениях)’: *Долгое подавление эмоций в себе приводит к своеобразной психической «атрофии»: человек разучивается испытывать чувства, они становятся **приглушенными***). Системно от прилагательного представлено наречие *приглушенно* (*приглушенно* страдать).

Глагол *глохнуть* имеет только одно производное – глагол совершенного вида с приставкой *за-* *заглохнуть*.

Таблица 4

глухой	глушить	приглушить	приглушать	
			приглушение	
			приглушенный	приглушенно
		заглушить		
	глохнуть	заглохнуть		

5. Пятый ЛСВ прилагательного *глухой* ('густо, сплошь заросший; без просвета, дикий; безлюдный': *глухое место, глухая тропинка* (разг.)), является переносным значением, но при этом у него значительно развита первая ступень деривации.

От прилагательного *глухой* в этом значении образованы наречие *глухо*, глагол *глохнуть* ('зарастать сорными травами, приходить в запустение, дичать'), существительные *глушь* ('отдаленная и густо заросшая, труднопроходимая часть леса, сада; чаща'), *глушняк* ('глухой, непроходимый лес; глухие, непроходимые заросли чего-л. '), *глухомань* ('глухой, дремучий лес'), *глухота* ('глушь, глухомань') (местн.); существительное *глухарь* ('белый гриб, растущий в глухом бору') (местн.).

Существительное *глухомань* имеет одно производное: прилагательное *глухоманный*.

От глагола *глохнуть* образуется глагол совершенного вида *заглохнуть* (*сад заглох*).

Таблица 5

глухой	глухо	
	глохнуть	заглохнуть
	глушь	
	глушняк	
	глухомань	глухоманный
	глухота (местн.)	
	глухарь (местн.)	

6. Шестой ЛСВ прилагательного *глухой* является переносным значением, связанным не с природными явлениями, а с общественной и культурной жизнью, – 'находящийся в глуши, удаленный от центров культурной, общественной жизни; захолустный' (*глухая провинция*).

От него образованы два существительных: *глушь* ('захолустье') и *глухомань* ('место, удаленное от центров общественной и культурной жизни; захолустье') и глагол *глохнуть* в значении 'приходить в запустение'. Глагол совершенного вида образуется с помощью приставки *за-*: *заглохнуть* в значении 'перестать развиваться; прийти в состояние застоя'. В словарях отмечается два производных прилагательных: *заглохший* и *заглохлый* ('зброшенный, запущенный') (разг.-сниж.).

Существительное *глухомань* имеет одно производное: прилагательное *глухоманный*, соотносящееся по значению с существительным.

Таблица 6

глухой	глушь		
	глухомань	глухоманный	
	глохнуть	заглохнуть	заглохший
			заглохлый

ба. На основе шестого ЛСВ прилагательного *глухой* ‘находящийся в глуши, удаленный от центров культурной, общественной жизни; захолустный’ развивается частное переносное значение, связанное с временными периодами (‘лишенный развития, характеризующийся культурным, общественным застоем, упадком (о временном периоде)’): *глухое десятилетие, глухое время, глухие годы застоя*. В этом значении отражаются особенности временного периода, пустого в социальном и культурном плане, т. е. ничем не выдающаяся, не отличающаяся пора; время, когда в обществе ничего особенного не происходит.

Здесь представлена словообразовательная цепочка: *глухой* – *глухомань* – *глухоманный* (*глухоманный 15 век*).

7. Седьмой ЛСВ прилагательного *глухой* является переносным значением ‘без просветов, непроницаемый’. От прилагательного в данном значении образуются наречие *глухо* (‘совершенно плотно, не оставляя отверстий; без просветов, без промежутков’), существительное *глухарь* (‘большой винт с квадратной или шестигранной головкой’ (название указывает на прочность соединения, которое обеспечивают такие винты: *наглухо*)) и существительное *глухарь* (‘преступление, которое нельзя раскрыть за отсутствием улик’ (т. е. бесперспективное, не раскрываемое дело, «беспросветное»)).

От наречия *глухо* образуются еще два наречия с тем же значением *наглухо* и *вглухую* (разг.).

От глагола *глушить* образуется при помощи приставки *за-* глагол совершенного вида *заглушить* (‘закрыть отверстие, забив, заложив его чем-либо’: *заглушить отверстие*).

От глагола *заглушить* образуется глагол несовершенного вида *заглушать* и существительное *заглушка* (‘приспособление для закрывания отверстия *наглухо*’: *заглушка трубы*).

Таблица 7

глухой	глухо	наглухо	
		вглухую	
	глухарь1		
	глухарь2		
	глушить	заглушить	заглушать
			заглушка

7а. Седьмой ЛСВ прилагательного *глухой* имеет частное переносное значение ‘застегнутый на все пуговицы, закрытый (об одежде)’ (*глухой воротник*).

На первой ступени деривации расположились два наречия *глухо* и *наглухо* (‘на все пуговицы, крючки, застежки (об одежде)’): *Котовский в глухо застегнутом коричневом френче сидел на столе* и *Он надел и наглухо застегнул серый плащ*) и прилагательное *глуховатый* (*воротник глуховат*).

Таблица 7а

глухой	глухо
	наглухо
	глуховатый

76. Седьмой ЛСВ прилагательного *глухой* – ‘без просветов, непроницаемый’ – описывает частную коммуникативную ситуацию, связанную с темой роста растений, и развивает переносное значение ‘на давать расти, лишая света’.

От прилагательного в данном значении образованы глаголы *глушить* (‘препятствовать развитию, проявлению чего-л.; подавлять развитие растений’, ‘не давать расти, лишая света, простора и т. п. (о растениях)’, ‘разрастаясь, мешать росту и развитию других растений; подавлять развитие растений’: *Зерно заглушила сорная трава*) и *глохнуть* ‘сохнуть, вянуть от недостатка ухода’.

От глагола *глушить* при помощи приставки *при-* образуется глагол совершенного вида *приглушить*, от которого в свою очередь образуется глагол несовершенного вида *приглушать* (*Ингибиторы позволяют приглушать рост растения вверх*).

От глагола *глохнуть* с помощью приставки *за-* образуется глагол совершенного вида *заглохнуть* (‘перестать расти, засохнуть, завянуть от недостатка ухода’: *После пересадки выпустил два длинных отростка и заглох*).

Таблица 76

глухой	глушить	приглушить
	глохнуть	заглохнуть

Итак, исходное прилагательное *глухой*, представляя собой полисемантическую структуру, формирует 7 когнитивно-коммуникативных словообразовательных подгнезд, базирующихся на его лексико-семантических вариантах. Каждое подгнездо описывает определенный фрагмент действительности или некое концептуальное пространство. При этом словообразовательные подгнезда могут включать в себя описание более частных конкретных типовых коммуникативных ситуаций.

Основным ЛСВ прилагательного *глухой* является значение ‘лишенный слуха (полностью или частично)’. Соответствующее подгнездо описывает коммуникативную ситуацию «Отсутствие слуха или его ослабление». Подгнездо данного ЛСВ прилагательного *глухой* не только описывает базовый фрагмент действительности, но и лежит в основе семантического развития других ЛСВ данного прилагательного.

Первое когнитивно-коммуникативное словообразовательное подгнездо представляет собой описание прежде всего слабослышащего или потерявшего слух человека (ср. также *глухарь* как название птицы). Оно включает производные, обозначающие признаки, процессы, которые могут привести к временной или окончательной потере слуха.

Данный ЛСВ актуализирует частную ситуацию, когда потеря слуха сигнализирует об утрате всех чувств, что может свидетельствовать и о смерти субъекта. При этом в словообразовательном плане в разговорной речи детальнее разработана прежде всего ситуация, когда объектом действия выступает рыба (*глушить рыбу*).

Второй ЛСВ прилагательного *глухой* и его производные формируют когнитивно-коммуникативное словообразовательное подгнездо, которое описывает когнитивное пространство с качественной семантикой «Равнодушие».

Прилагательное *глухой* в третьем ЛСВ и его производные в первую очередь связаны с широкой коммуникативной ситуаций, в центре которой находится характеристика звука (*глухой звук*) «Слабое проявление качества звука». На основе метафорического переноса актуализируются две другие ситуации. В центре одной из них находится концепт «цвет», а другой – концепт «боль». Третий ЛСВ прилагательного *глухой* также связан с коммуникативной ситуацией, которая опи-

сывает затухание звуков, а точнее шумов механизмов «Затухание звука в связи с прекращением действия механизма» (*заглушить мотор; мотор заглох*).

Четвертый ЛСВ прилагательного *глухой* лежит в основе словообразовательного описания коммуникативной ситуации, связанной с концептом «Скрытое, неясное чувство, ощущение» (*глухая злоба*).

Пятый ЛСВ прилагательного *глухой* и его производные связаны с концептами «Непроходимый, дикий» (*глухое место*).

Подгнездо шестого ЛСВ прилагательного *глухой* развивается на базе переходного значения, основывающегося на метафоре «природа – культура», и формирует словообразовательное подгнездо «Культурное захолустье, культурная дикость» (*глухая сторона*). Данное подгнездо реализуется в частной коммуникативной ситуации, связанной с описанием временного периода (*глухая пора*).

Седьмое когнитивно-коммуникативное словообразовательное подгнездо прилагательного *глухой* описывает коммуникативную ситуацию на базе концепта «Непроницаемость, беспросветность» (*беспросветность* – свойство по значению прилагательного *беспросветный* в 1 зн.: не имеющий просветов (*беспросветный ливень*)).

Данный ЛСВ прилагательного *глухой* реализуется при описании частной коммуникативной ситуации, связанной с темой одежды (*глухой воротник*). Помимо этого, подгнездо актуализирует конкретную ситуацию «Трудности развития растений» (*трава заглушила цветы*).

Рассмотрение словообразовательного гнезда с точки зрения его структурной организации, концептуальной деривации и коммуникативного потенциала позволяет выделить в нем когнитивно-коммуникативные словообразовательные подгнезда, которые будут формироваться производными, мотивированными отдельным лексико-семантическим вариантом базового производного слова. Выделяемые в результате подгнезда содержат описание определенного фрагмента действительности, а совокупность производных выступает в качестве совокупности кофункционирующих в речемыслительной деятельности языковых форм, представляя собой тематико-ситуативное объединение дериватов, обслуживающее определенное концептуальное пространство и ряд конкретных коммуникативных ситуаций.

Таким образом, словообразовательное гнездо предстает как сложная когнитивная структура, выступающая базой для речевой деятельности говорящего при решении коммуникативных задач, т. е. для речевой коммуникации. Подобная трактовка словообразовательного гнезда позволяет охарактеризовать его как когнитивно-коммуникативное словообразовательное гнездо.

Итак, при рассмотрении словообразовательного гнезда в русле когнитивно-коммуникативного подхода в нем выделяются когнитивно-коммуникативные подгнезда. Такие группировки производных лексем внутри словообразовательного гнезда, реализуя деривационные возможности языка и отражая национальные стандарты номинаций и стереотипы мышления, а также отображая коммуникативно значимые блоки смыслов, описывают отдельные фрагменты действительности, что обеспечивает коммуникативные потребности носителей русского языка и формирует словообразовательный фрагмент русской языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л.А., Осадчий М.А. Словообразовательная система как дискурсивное взаимодействие гнезд и типов // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак.: Труды и материалы / Сост.: М.Л. Ремнёва и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 269–270.

Всеволодова М.В. Словообразование, лексика, синтаксис // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы / Международный конгр. исследователей рус. яз., Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.; Под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 181–182.

Гацайниева А.К. Словообразовательный потенциал названий частей тела человека в русском и даргинском языках: Дисс. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2010. 160 с.

Головин В.Г. Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. Ташкент, 1985. С. 213–216.

Каримова Г.О. Типы словопроизводства и критерии выделения гиперлексем // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы / Международный конгр. исследователей рус. яз., Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.; Под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 186–187.

Осильбекова Д.А. Критерии омонимии словообразовательных аффиксов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1(69). С. 29–34.

Петрухина Е.В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 253–274.

Поликарпов А.А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. № 5. С. 64–74.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1985. 864 с.

Трифонова Н.С. Смысловая корреляция исходной и производной единицы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10. Ч. 1. С. 170–173.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/г/глухарь>

Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 250 с.

Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 116 p.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: CAV, 1962. 263 p.

Dokulil M. Dva příspěvky k odvozování sloves // Naše řeč. 1982. Ročník 65. № 1. S. 1–11.

Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952. 319 s.

REFERENCES

Arayeva L.A., Osadchy M.A. Word Formation System as a Discursive Interaction of Nests and Types. In: Russian Language: Its Historical Destiny and Present State: II International Congress of Russian Language Researchers, March 18–21, 2004, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty: Proceedings / Eds.: M.L. Remneva et al. Moscow. Moscow University Press. 2004, pp. 269–270.

Vsevolodova M.V. Word Formation, Lexical, Syntax. In: Russian Language: Its Historical Destiny and Present State: Proceedings / International Congress of Russian Language Researchers, March 13–16, 2001, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty / Eds.: M.L. Remneva and A.A. Polikarpov. Moscow. Moscow University Press. 2001, pp. 181–182.

Gatsainieva A.K. (2010) Word-formation Potential of Names of Human Body Parts in Russian and Dargin Languages: PhD Thesis. Makhachkala. 160 p.

Golovin V.G. Hierarchy of Complex Units of Word-Formation Nest. In: Current Issues of Russian Word Formation: Proceedings of a Scientific Conference. Tashkent. 1985, pp. 213–216.

Karimova G.O. Types of Word Production and Criteria for Identifying a Hyperlexeme. In: Russian Language: Its Historical Destiny and Present State: Proceedings / International Congress of Russian Language Researchers, March 13–16, 2001, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty / Eds.: M.L. Remneva and A.A. Polikarpov. Moscow. Moscow University Press. 2001, pp. 186–187.

Osilbekova D.A. Criteria for Homonymy of Word-Forming Affixes. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. No 1(69), pp. 29–34.

Petrukhina E.V. Russian Aspect as a Morphological Derivational Category in the Context of Modern Studies of Aspects' Correlativity. *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 60. No 2, pp. 253–274.

Polikarpov A.A. Theoretical Aspects of Applied Lexicology. *Moscow State University Journal. Series 9. Philology*. 1989. No 5, pp. 64–74.

Tikhonov A.N. Basic Concepts of Russian Word Formation. In: Word-Formation Dictionary of the Russian Language: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1985. 864 p.

Trifonova N.S. Semantic Correlation of the Original and Derived Units. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov. Gramota Publ. 2017. No 10. Part 1, pp. 170–173.

Vasmer M. Russisches etymologisches: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/г/глухарь>

Fatkhutdinova V.G. (2005) Complex Units of Word Formation in Russian and Tatar Languages. Kazan. Kazan University Press. 250 p.

Chomsky N. (1957) Syntactic Structures. The Hague. Mouton. 116 p.

Dokulil M. (1962) Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha. CAV. 263 p.

Dokulil M. Dva příspěvky k odvozování sloves. *Naše řeč*. 1982. Ročník 65. No 1, ss. 1–11.

Doroszewski W. (1952) Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 319 s.

Сведения об авторах:

Лидия Васильевна Красильникова,
доктор пед. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lidia V. Krasilnikova,
Doctor of Pedagogical Sciences
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
likras@mail.ru

Александра Витальевна Сапунова,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra V. Sapunova,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
eeya@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

О.А. Байнова (Москва, Россия)

Народные приметы о погоде: специфика формы и синтактико-стилистические особенности

Аннотация: В статье анализируются формы народных, наименее разработанных в фольклористике. Цель данной статьи – исследовать специфику языка народно-поэтического стиля на примере немецких народных примет о погоде. Рассматриваются основные технические и стилистические приемы, которые используются при создании такого рода текстов.

Ключевые слова: народно-поэтический стиль, фольклорный жанр, народные приметы о погоде, языковые клише, форма стиха, рифма, ритмическая структура, повтор, параллелизм, устойчивые символы

О.А. Baynova (Moscow, Russia)

Folk Omens about the Weather: Specificity of Form and Syntactic-stylistic Peculiarities

Abstract: The paper analyzes the genre of peasant omens about the weather, which is the least investigated in folklore. The purpose is to explore the specifics of the language of folk poetic style using the example of German folk omens about the weather. The main technical tools and stylistic means that are used when creating this type of text are discussed.

Key words: folk poetic style, folklore genre, folk omens about the weather, language clichés, verse form, rhyme, rhythmic structure, repetition, parallelism, stable symbols

В настоящее время фольклор, проблемы его изучения, сохранения и трансформации в различных сферах современной жизни вызывают большой интерес и часто затрагиваются представителями многих научных дисциплин (фольклористами, этнографами, историками культуры и др.). При этом жанр крестьянских примет о погоде остается наименее разработанным в фольклористике. Цель данной статьи – затронуть проблему изучения специфики языка народно-поэтического стиля на примере немецких народных примет о погоде. Ниже будут рассмотрены основные технические и стилистические приемы, которые используются при создании относящихся к данному жанру текстов.

В фольклорном словаре примета определяется как «признак, который указывает на какое-нибудь соотношение, большей частью уже забытое народом, между двумя явлениями физического мира, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, которое должно сбыться в скором времени» [Зуева 2002: 211]. Немецкие приметы о погоде складывались на протяжении веков, прежде чем окончательно оформились в специфический жанр «*Bauernregeln*», отражающий реалии крестьянской повседневной жизни Средневековья и многовековую мудрость народа. Народные приметы не нуждаются в научных доказательствах, и в наше время их предсказания часто сбываются: «*Bauernregeln... sind kein Aberglaube, sondern alter Erfahrungsschatz*» [Osten 1998: 181].

Приметы отличаются от высказываний разговорной речи тем, что они воспроизводятся по памяти, а не создаются каждый раз заново в процессе коммуникации. Они представляют собой результат коллективного творчества и принадлежат к числу так называемых языковых клише, имеющих законченную семантическую, синтаксическую и лексическую форму [Пермяков 1970: 82]. Форма клише предполагает устойчивость, которую демонстрируют в первую очередь начало и конец текста.

Составленный в соответствии с определенным жанровым каноном текст имеет, как правило, стихотворную форму. Ср.: *Gewitter in der Vollmondzeit verkünden Regen weit und breit*. Зафиксированные немецкие приметы о погоде чаще всего имеют форму рифмованных двустиший, в которых особенно заметны готовые схемы представления определенных ситуаций и лексико-синтаксические формулы, используемые для построения текста. К таким формулам относятся схемы построения высказывания *wenn... so, wenn... dann*. Связь между предложениями разнообразна: в приметах используются как союзные, так и бессоюзные предложения. Например:

Wenn die Krähe schreit,
ist der Regen nicht weit.

Scharren die Mäuse tief sich ein,
wird's ein harter Winter sein.

Schießt die Lupine ihre Blätter,
gibt es sehr bald Regenwetter.

Встречаются и одностишья, минимальные тексты, состоящие из одного предложения. Примеры, имеющие форму простых предложений, обладают полной коммуникативной самодостаточностью. Они воспринимаются слушателем как определенные целостности и правильно интерпретируются. Ср.:

Luzie hat die längste Nacht.

Fabian, Sebastian fängt der rechte Winter an.

Julium heiß – lohnt Müh und Schweiß.

Nasser April – blumiger Mai.

Juniregen – reicher Segen.

Morgenrot – schlecht Wetter droht.

Кроме того можно выделить приметы-четверостишья, как сложной, так и довольно простой рифмованной формы, и трехстишья. Например:

Schreit der Kuckuck viel im Mai,
Klappert der Storch und
Zieht die wilde Gans ins Land,
und ein schöner Frühling ist zu Hand.

Wenn der Hund das Gras benagt,
und die Frau ob Flöhen klagt,
der Rauch nicht will zum Schornstein raus,
kommt bald ein Regen über's Haus.

Wenn die Schwalben niedrig fliegen,
Wird man Regenwetter kriegen.
Fliegen sie bis in die Höhn,
bleibt das Wetter noch recht schön.

Weht im Juli viel Nord, hält das gute Wetter an:
Zieht der Storch doch jetzt schon fort,
Rückt der Winter bald heran.

Säen am ersten April,
verdirbt dem Bauern
mit Strumpf und Stiel.

Следует отметить, что форму трехстишья можно выделить только условно: границы строки в таких примерах довольно размыты и позволяют группировать текст разными способами. Очевидно, что в данном случае стихотворная речь имеет свои законы словосочетания – законы ритмические, усложняющие синтаксическую природу стиха.

В приведенных выше примерах обращают на себя внимание некоторые характерные для примет ритмические средства языка. Во многих приметах имеет место так называемый звуковой эллипсис, реализующийся в сокращении слова за счет устранения отдельных звуков. Характерное для разговорной речи выпадение гласных в исследуемом жанре способствует сохранению ритма. Ср.:

Wo's in der Früh donnert,
schlägt's am Mittag ein.

Gut's Wetter, das kommt über Nacht,
hat's im Sommer nie weit gebracht.

Vier Blatt im Klee,
das Glück ich kommen seh'.

В текстах примет используется некоторое количество неупотребительных в разговорной речи лексических единиц (архаизмов, поэтизмов), появление которых в данном случае связано с требованием ритма или рифмы. В их число входят, например, такие лексемы, как древние или поэтические названия времени года или месяцев.

Wenn die Drossel schreit,
Ist der Lenz nicht weit.

Sonnt sich die Katze im Feber,
friert sie sicher im März.

Wenn Donner kommt im Julius,
viel Regen man erwarten muss.

Название июля использовано для сохранения рифмы, которая создается созвучием двух слов, стоящих на конце стиха. Таким образом, закон ритма, закон ударения, господствующий в немецком стихосложении, заявляет свое естественное значение уже в древних поэтических текстах, к которым относятся и приметы.

Вместе с тем существует мнение, что рифма в народных поэтических текстах – довольно позднее явление, заимствованное из поэзии литературной. Действительно, форма двустишья появилась в Средние века и получила довольно широкое распространение. Понятно, в силлабической системе стихосложения, основанной на упорядоченном расположении ударных и безударных слогов в стихе, резко возрастает роль рифмы, так как самые важные выразительные средства народной поэзии относятся к сфере техники построения целых текстов и формирования их содержательной стороны. Форму зарифмованных гекзаметром двустиший крестьянские приметы о погоде заимствовали из церковного календаря. Однако рифма в них является скорее естественным следствием приемов синтаксической композиции, таких как повторы, синтаксический параллелизм, симметричное построение.

Проблема взаимодействия ритма и синтаксиса, влияние ритма и стиховой интонации (мелодии) на синтаксис рассматриваются в работах многих исследователей поэтической речи. Так, И.И. Ковтунова, раскрывая в книге «Поэтический синтаксис» связь между структурой речевой коммуникации и функциями языковых средств, справедливо отмечает: «Особая ритмико-интонационная структура как основное организационное начало поэтической речи непосредственным образом отражается на ее синтаксической структуре и воздействует на семантику и функции синтаксических средств языка в поэтических текстах» [Ковтунова 1986: 14]. Влияние ритма на синтаксическую структуру народных примет будет показано ниже при анализе конкретных примеров.

Прежде всего следует отметить, что многие используемые в жанре примет стилистические приемы строятся на отклонении от языковой нормы. Например, в приметах нередко имеет место перестановка компонентов предложения, нарушающая их обычный порядок. Ср.:

Bei Donner du den Fastnachtsdienstag lobst,
Wind, Getreide und viel Obst.

Wie das Wetter am Aschermittag war,
soll es bleiben das ganze Jahr.

Regen im April ein jeder Bauer will.

Reif in einer Juninacht jedem Gärtner
Ärger macht.

Blühen noch die Diestel recht und voll,
ein schöner Herbst uns kommen soll.

November – Morgenrot
mit langem Regen droht.

Baumblüte spät im Jahr,
nie ein gutes Zeichen war.

Wind in der Nacht –
am Tage Wasser macht.

Из приведенных примеров видно, что особенно часто используется инверсия сказуемого, которое занимает конечную позицию в высказывании. С помощью данного стилистического приема достигается определенный выразительный эффект: сохраняется ритм и рифма, усиливается экспрессивность высказывания. Высокой степенью экспрессивности обладают также широко используемые в приметах неполные предложения – синтаксические конструкции, допускающие пропуск одного или нескольких компонентов, подразумеваемых из контекста или ситуации. Например:

Reichlich Schnee im Januar,
Dung genug fürs ganze Jahr.

April warm, Mai kühl, Juni nass,
füllt dem Bauern Scheun und Fass.

Gott macht das Wetter,
und die Menschen den Kalender.

Пропуск понятных из контекста слов делает такие конструкции более динамичными, содержательно емкими и, следовательно, более экспрессивными.

К важнейшим выразительным средствам народной поэзии, используемым в приметах о погоде, относятся внутренне связанные между собой повтор, параллелизм и символ.

Повтор, являющийся простейшим способом реализации поэтического принципа эквивалентности соседствующих элементов, представляет собой неоднократное использование единицы (звука, звукосочетания, морфемы, слова, конструкции) в пределах фразы или микротекста [Москвин 2006: 236].

В приметах повторяемость господствует на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом, синтаксическом). Непосредственно передаваемое сообщение получает субстанциональную определенность в тексте, содержательные и формальные элементы которого отличаются значительной стереотипностью, воспроизводятся в своем относительном постоянстве не только темы и мотивы, но и стилистические трафареты, их выражающие. Следует отметить, что для жанра примет характерен так называемый «нарочитый» («стилистический») повтор, использующийся в данном случае как прием, который облегчает слушателю запоминание и усиливает впечатление [Москвин 2006: 236].

С намеренным внесением четкой ритмической организации в высказывание и с использованием повтора для подчеркнутого выделения тех или иных лексических единиц связано в приметах явление синтаксического параллелизма. Основанные на повторе синтаксические конструкции состоят из двух или нескольких компонентов, которые характеризуются синтаксической тождественностью и логико-смысловой общностью. В приметах чаще всего используется простейший тип параллелизма – двучленный. В двустигмах параллелизм организуется, как правило, предикативными частями сложного предложения или словосочетаниями. Ср.:

Wie der Freitag sich neigt,
So der Sonntag sich zeigt.

Viel Eicheln im September,
Viel Schnee im Dezember.

Предполагается, что из двучленного синтаксического параллелизма развились более сложные типы – многочленный параллелизм, т. е. несколько последователь-

ных параллелей. В качестве примера приведем примету, часть текста которой представляет собой цепочку неполных предложений и с незамещенными позициями глагольных предикатов:

Ostwind bringt Heuwetter,
Südwind Hagelwetter,
Westwind Krautwetter,
Nordwind Hundewetter.

Прием параллелизма характеризуется в данном случае яркой структурной и лексической соотнесенностью элементов текста, используется как композиционный прием, выполняющий интегративную функцию.

Синтаксический параллелизм в приметах часто усиливается лексическим параллелизмом в лексико-синтаксических фигурах анафоры и эпифоры. В основе лексической анафоры может лежать слово или словосочетание. Ср.:

Grünt die Esche vor der Eiche,
wird der ganze Sommer zur Bleiche;
Grünt die Eiche vor der Esche,
hält der Sommer große Wäsche.

В приведенном тексте наблюдается тавтологическая рифма – лексический повтор в стихомаркирующей функции. Синтаксическая анафора встречается в примете:

Sonnt sich die Katze im Feber,
friert sie sicher im März.

Анафору можно рассматривать как один из видов сложного предложения. В качестве формы связи сложных частей предложения и целых предложений анафора встречается в старогерманской поэзии и образует особую строфу – «анафорический трехсложник».

Эпифора – риторическая фигура, заключающаяся в повторении одних и тех же слов в конце смежных отрезков речи, – очень часто используется в приметах в виде одинаковых или аналогичных окончаний строф. Можно сказать, что рифма является одним из видов эпифоры. Ср.:

Geht die Sonne feurig auf,
folgen Wind und Regen drauf.

В целом построенные в участии синтаксического параллелизма лексико-синтаксические фигуры анафоры и эпифоры объединяет не только общность строения, но и единая усилительно-выделительная функция. Языковая выразительность высказываний создается как за счет экспрессивно-стилистического компонента значения, так и за счет того, что слова и их сочетания могут приобретать переносные значения, т. е. становятся тропами или входят в состав стилистических фигур, которые провоцируют создание образного смысла.

Символ в народно-поэтическом стиле – это характеристика художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи. Смысл символа неотделим от его образной структуры и отличается многозначностью своего содержания. По мнению Е. Бартминьского, «в основе народной символики лежит параллелизм, а также устойчивость (формульность) средств выражения. Параллелизм открывает или создает подобие между явлениями. В противоположность конвенциональности знаков естественного языка, образные знаки, символы, могут, благодаря параллелизму восприниматься как

мотивированные. Форма, знаковая сторона, может информировать о содержании, о том, что обозначается и значимо» [Бартминьский 2005: 458]. В немецких приметах о погоде нередко встречаются устойчивые (общезыковые) символы. Ср.:

Bei Donner du den Fastnachtsdienstag lobst,
Wind, Getreide und viel Obst.

В данной примете *Getreide und viel Obst* (злаки и фрукты) являются символом урожая, достатка, столь важных для крестьянского социума. Это один из наиболее распространенных и традиционных символических образов крестьянского фольклора во многих странах мира.

Кроме того, в приметах можно встретить символы-метафоры. Ср.:

Taut's im März nach Sommerart,
kriegt der Mai' nen weißen Bart.

В приведенном тексте помимо одного из видов персонификации присутствует и символ. С помощью переноса признаков внешнего вида человека на неживую природу возникает образ марта как человека преклонного возраста с седой бородой. Седая, или белая, борода в данном случае – исконный символ снега, образ, понятный почти любому представителю европейской культуры.

В крестьянских приметах встречаются и более сложные символы и образы. В этой связи интересна для анализа следующая примета, представляющая собой редкий пример построения символа-метафоры на основе зооморфного кода языка:

Wenn der März als Schaf kommt,
geht er als Wolf.

Здесь *Schaf* (овца) символизирует мягкую, приятную погоду, а *Wolf* (волк), напротив, плохую, суровую. Метафора построена на стереотипах образов животных в немецком языковом сознании. В данном случае «образ, становясь вторичным знаком высшего семантического уровня, в то же время не теряет своего несимволического характера, сохраняет свою предметность и автономность» [Бартминьский 2005: 457].

Проведенный анализ фактического материала показал, что народные приметы о погоде обладают большим стилистическим и образным потенциалом. Характерные для данного жанра композиционные и стилистические приемы (всевозможные повторы, параллелизм, образы-символы из мира природы) привлекают внимание к лаконичному, но при этом информативно насыщенному тексту, способствуют его пониманию и запоминанию. Именно благодаря перечисленным языковым средствам многие приметы о погоде и в настоящее время активно используются в повседневном языковом обиходе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. 528 с.
- Зуева Т.В.* Русский фольклор: словарь-справочник. М., 2002. 400 с.
- Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986. 208 с.
- Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006. 376 с.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М., 1970. 203 с.
- Osten A.* Leben nach Bauernregeln. Wenn die Schwalben niedrig fliegen... Wien, 1998. 287 S.

REFERENCES

Bartminsky Ye. (2005) Linguistic Image of the World: Essays on Ethnolinguistics. Moscow. 528 p.

Zueva T.V. (2002) Russian Folklore: Dictionary-Reference Book. Moscow. 400 p.

Kovtunova I.I. (1986) Poetic Syntax. Moscow. 208 p.

Moskvin V.P. (2006) Expressive Means of Contemporary Russian Speech. Tropes and Figures. General and Private Classifications. Terminological Dictionary. Moscow. 376 p.

Permyakov G.L. (1970) From Proverbs to Fairy Tales. Notes on the General Theory of Clichés. Moscow. 203 p.

Osten Al. (1998) Leben nach Bauernregeln. Wenn die Schwalben niedrig fliegen... Wien. 287 S.

Сведения об авторе:

Ольга Александровна Байнова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga A. Baynova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
primel@mail.ru

Славчо Ковилоски (Скопје, Република С. Македонија)

Лав Н. Толстој во македонската книжевна од XIX век

Анстракт: Во трудот се осврнуваме на присуството на Лав Николаевич Толстој на македонската книжевна сцена од XIX век. Познатиот писател и мислител би особено почитуван во високообразованите македонски интелектуалци, кои ги читале неговите дела, но и критички се осврнувале на нив. Најпознатите книжевни критики за Толстој се оние на Атанас Бадев (Прилеп), на Димитар Ризов (Битола) и на Марко Григоров (Тресонче, Дебарско). Дела на Толстој биле издадени од печатарските куќи на Харитон Генадиев (Битола) и на Спирос Гулапчев (Лерин).

Клучни зборови: Димитар Ризов, Лав Николаевич Толстој, Гане Тодоровски, Македонија, книжевна критика, XIX век.

Slavcho Koviloski (Skopje, N. Macedonia)

L.N. Tolstoy's Works in the Macedonian Critical Essays of the 19th century

Abstract: In this paper we refer to the presence of Lev Nikolayevich Tolstoy on the Macedonian literary scene of the 19th century. The famous writer and thinker was especially respected among highly educated Macedonian intellectuals, who were reading as well as reviewing his works. The most famous literary reviews of Tolstoy are those by Atanas Badev (Prilep), Dimitar Rizov (Bitola) and Marko Grigorov (Tresonche, Debar Area). Tolstoy's works were published by the printing houses of Hariton Genadiev (Bitola) and Spiro Gulapchev (Lerin).

Key words: Dimitar Rizov, Lev Nikolayevich Tolstoy, Gane Todorovski, Macedonia, critical essays, 19th century

---

Славчо Ковилоски (Скопје, Република С. Македонија)

Л.Н. Толстой в македонской литературной критике XIX века

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности восприятия Льва Толстого, писателя и мыслителя, македонской интеллигенцией XIX века. Анализируются рецензии на его произведения, в том числе написанные Атанасом Бадевым, Димитаром Ризовым и Марко Григоровым.

Клучевыы слова: Димитар Ризов, Лев Толстой, Гане Тодоровский, Македонија, литературна критика, XIX век

Слично како и во други културни средини, кај македонската културна јавност делото на Лав Николаевич Толстој е прифатено како класика. Овој однос останува непроменет и по повеќе од век од неговата смрт, а неговите романи «Војна и мир» и «Ана Каренина» се препознаваат како ремек дела на светската литература. И не само тие, бидејќи целокупниот книжевен опус на Толстој уште од самите први објави предизвикал интерес и кај словенските народни на Балканот, макар што некои од нив се наоѓале под власта на други држави.

Македонската интелигенција од XIX век развила посебен однос кон делата на неколкумина руски автори, во прв ред Александар Пушкин, Иван Тургенев и секако, Лав Толстој. Толстој постојано бил во видното поле на македонската читателска публика преку преводите на неговите дела на некои од блиските словенски јазици, преку читањето дела на мајчиниот јазик на самиот автор и преку публикуваните критички и други текстови за него и за неговите дела. Преку кратките информации објавувани во печатот што пристигнувале и во македонските градови и села се проследувале интересите на Толстој, неговите патувања, болестите и на крајот, неговата смрт.

Современата македонска книжевност во превод на стандарден македонски јазик ги има скоро сите негови дела, а «литературните статии и оценки на Толстоевото дело во македонската книжевна наука се најмногу одзив на етичките и моралните области на човековото суштествување» [Јанчулева 1987: 80]. Меѓутоа, и покрај преводите на неговите дела од страна на повоените писателски генерации, како на пример «Приказни од природата» во превод на Свето Серафимовски од 1952 година, «Ана Каренина» во превод на Јован Бошковски и Марија Сидоровска од 1961/62 година итн., историјата на изучувањето на делото на Толстој се сведувааше исклучиво на периодот по 1945 година, занемарувајќи ги објавите што една мала група македонски интелектуалци ги направиле во текот на крајот на XIX и почетокот на XX век. Од таа причина, ние ќе се задржиме токму на нив.

Македонската читателска публика со Толстој подетално се запознава во последната деценија на XIX век. Во тоа време веќе постои доволно голема образована маса која што можела да ги восприема делата на рускиот класик на руски, српски, бугарски и француски јазик, односно да искажува сопствен суд за квалитетот на неговите дела. Крајот на XIX век воедно го означува и напливот на книжевно-критички трудови произлезени од рацете на македонските автори. Затоа може да се рече дека интересот за Толстој во Македонија се совпаѓа со зголемениот број на образовни и културни институции, односно со сеопштиот образовно-културен напредок во земјата.

Досега регистрираните книжевни критики од автори од Македонија за Толстој од овој период се следните: «Еден расказ од Л. Толстој и неговата рецензија» на Атанас Бадев (Прилеп) за расказот «Каде има љубов таму е и Бог» (Бадев, 1896); текстот «На гости кај гроф Л.Н. Толстој» од Димитар Ризов (Битола) (Ризов, 1900); текстот «Толстој» на Марко Григоров (Тресонче) (Григоров, 1911); но и објавувањето на расказот «Каде има љубов таму е и Бог» на страниците на Календарче «Св. Кирил и Методиј» за 1896 година, во издание на печатницата на Конс Самарџиев (Прилеп) (Новини, 1896); расказот «Двајцата браќа и Златото» во списанието «Книжици за прочит», повторно во издание на Самарџиев (Книжици

за прочит 1891: 151–153); на првиот и вториот том на «Ана Каренина» од издавачката куќа на Харитон Геннадиев (Битола) со седиште во Пловдив со реклама во «Балканска зора» од 1890 година или пак, преводот на «Кројцеровата соната» обавена од издавачот Спиро Гулапчев (Лерин) со реклама во «Новини» и двете во почетокот на 90-тите години на XIX век. Треба да напоменеме дека овој список не го сметаме за конечен и дека очекуваме во иднина да се надополни со нови сознанија и текстови поврзани со Толстој.

Текстот «Еден расказ од Л. Толстој и неговата рецензија» на А. Бадев е совиден одговор на непотпишаната критика од изданието Календарче «Св. Кирил и Методиј», објавен во весникот «Новини» [Новини 1896: 3], иако непотпишаниот авторг го критикувал Толстој за постапките на раскажувањето, Бадев му се воодушевувал на Толстој, нарекувајќи го «мудрец». Според него, од расказот «Каде има љубов таму е и Бог» може да се види основата на неговата филозофија, дека не е доволно само да се биде чесен и добар, туку да се живее за Бога. На тој начин, пишува Бадев, деновите ќе станат порадосни, а тагата помала [Бадев 1896: 4]. Овој не толку обемен текст е значаен поради тоа што Бадев бил познат музиколог, па овој труд е еден од неговите ретки излети во светот на книжевноста.

Слично настапува и М. Григоров во текстот «Толстој», во неколку продолженија. Восхитот кон познатиот руски писател е голем, неговото дело е значајно, неговиот животен пат е интересен. Анализата на Григоров тргнува со нагласката за важноста на неговото дело, со нагласката дека Толстој бил «реалист», но и «егоцентрич», односно дека творештвото му е поврзано со самоанализата која зазема првенствено место, особено во неговите рани творби. Григоров дава споредба на Толстој со другите светски класици, а некои и негови современици: Хомер, Шекспир и Пушкин, додека пак, Тургењев го нарекува «негов брат» Понатаму, тој се задржал на психолошките и духовните особености на Толстој и на неговите ликови, па набројувајќи и анализирајќи голем број раскази и романи, можеме да заклучиме дека Григоров бил навистина добро запознаен со неговото творештво. За Григоров, Толстој е писател и проповедник «спремен да го искорени злото од светот», а зад неговото дело «се крие една многу сложена душа, вечно немирна, постојано барајќи ја правдата и вистината» [Григоровъ 1911: 3].

Двајцата претходно наведени критичари се воодушевени од «писателскиот гениј» Толстој и го сметаат за вистински предводник на светската литературна и филозофска мисла. Сепак, она што отскокнува во однос на нив е една случка која кај нас првпат ја разгледа Гане Тодоровски. Тоа е патот на битолчанецот Димитар Ризов (1860, Битола – 1918, Берлин) до Јасна Полјана во Русија, посетата на Толстој и разговорот што го имал со него. Колку што нам ни е познато, тоа е првата и единствена средба на еден Македонец со Толстој на неговиот имот. Записот за средбата што била остварена на 21 декември 1898 година, Ризов го објавил во списанието «Мис'л», во книга III и IV од 1900 година, а текстот е насловен едноставно «На гости кај гроф Л.Н. Толстој».

За обидот на Ризов да му го сврти вниманието на Толстој кон состојбите во неговата родна земја, Тодоровски пишува во студијата «Лев Николаевич Толстој и Македонија» [Тодоровски 1974: 503–513]. Тука ќе направиме една мала дигресија и ќе напоменеме дека дека за Толстој и Ризов пишува и Јордан Михајловски, но сосема некритично, преземајќи скоро еден пасус од текстот на Г. Тодоровски, не цитирајќи го изворот [Михајловски 2013: 28–29]. Што се однесува до Г. Тодоровски, тој потенцира дека во иднина ќе треба да му се посвети посериозно внимание

на Димитар Ризов како на извор за македонската историја, каков што всушност е и пристапот на Тодоровски кон посетата на Ризов на Толстој: политичкиот ангажман на Толстој за ослободување на Македонија. Исто така, како податок кој е од особено значење за нас доаѓа и сознанието за можноста дека Толстој и Максим Горки работеле на некаков албум за Македонија. Токму затоа, Ризов, како еден вид претставник на Македонците, но и на Бугарите, со авторитетна дипломатска аура пристигнува во Русија за да бара дополнителен ангажман од познатите руски интелектуалци за македонското прашање [Вильчинский 1968: 246–258].

Текстот «На гости кај гроф Л.Н. Толстој» на Д. Ризов е распослан на цели 30 страници од списанието «Мис’л». Тоа е цела студија, приказна за патешествијата на авторот додека да пристигне и да се сретне со веќе остарениот руски писател, мислител и толкувач на животот и на него ќе се задржиме од малку поинаква гледна точка од онаа на Г. Тодоровски, односно ќе се обидеме накратко да го изнесеме портретот на познатиот писател преку описите на Ризов. За Ризов тој е «патријарх на современата општосветска белетристика», но и «една загатка», па ќе запише: «Неговата знаменита епопеја “Војна и мир” ме поразуваше со своите уметнички прикази и слики; изнесените филозофски мисли во неа не можев да ги разјаснам... Другиот класичен роман “Ана Каренина” ме опојуваше со својата недвојбена уметност: но суровите житејски погледи на Левин никако не ми се согласуваат во умот со слободната и сеплодна љубов на Каренина, со која Толстој видно сочувствуваше. Подоцнежните дела на Толстој: “Смртта на Иван Илич”, “Кројцеровата соната”, “Стопанот и работникот”, “Власта на мракот”, “Плодовите на просветата” и неговите најнови филозофски писанија уште повеќе ми ги збркаа сфаќањата за Толстој како мислител» [Ризов 1900: 152]. Очигледно, Ризов бил добро запознаен со творештвото на Толстој, но и со севкупната општествено-политичка ситуација во Русија. Описот за неговото пристигнување во Москва е исполнет со патописни слики, со информации за литературно-музички вечеринки и со одбрани на докторски дисертации. Стилот на Ризов е исполнет со есеистика, нарација и прераскажувања на дискусии по повод некои литературни дела. Истовремено, како што можевме да видиме тој е и критичен во однос на дејствувањето на Толстој во и надвор од литературата.

Средбата со Толстој, Ризов ја доживеал драматично. Опишувајќи ги неговите физички карактеристики, сепак, за него највпечатлив бил погледот на седумдесетгодишниот старец со среден раст: «Ништо слично на очите на Толстој не сум видел во животот... кога гледате во очите на Толстој, вам ви се чини дека немаат ниту дно, ниту крај» [Ризов 1900: 164]. Разговорот меѓу нив двајцата е исполнет со сублимирани сеќавања и мислења за актуелните состојби во Бугарија и Македонија, за војните, за дипломатијата, за рускиот селанец, за Капиталот на Карл Маркс и за Евангелието, за весниците, за цензурата и сл. Особено важни се следните зборови на Ризов: «Сожалував јас и за тоа што не бев во состојба да го запишам кажаното од Толстоја, тоа што самиот го произнесе. Тогаш читателот однапред ќе ја имаше не само смислата на кажаното, но и прекрасната литературна форма во кое тоа беше облечено. Бидејќи: – Толстој зборува подобро, отколку што пишува» (разречено во оригиналот. – бел. С.К.) [Ризов 1900: 178]. Накратко, посетата на Ризов на Толстој нема само политичка или само литературна или некаква друга форма; на неа може да се гледа како на еден културолошки феномен кој и понатаму ќе го заслужува нашето внимание. Критичкиот поглед на Ризов,

пак, на делата и на личноста на Толстој можеме да го доведеме само до феноменот восхит: средбата не е за политиката и дипломатија, туку за поклонение и ацилак.

За Македонија која што во тоа време се наоѓала под османлиска власт, зборовите на Толстој можеби ќе бидат разочарувачки, бидејќи тој сметал дека патот кон иднината не треба да биде базиран врз револуција, туку преку внатрешно осознавање на самите луѓе, изградба и придржување на моралните принципи. Оттука, барањата тој да го искористи својот авторитет во поддршка на каузата на македонските револуционери нему му биле туѓи. Меѓутоа, не значи дека не дал поддршка во напорите за ослободување од туѓата власт. Напротив, постои информација дека заедно со Максим Горки подготвувале «некаков албум за Македонија», вест објавена на страниците на словенечкиот весник Словенец од 1903 година [Тодоровски 1974: 504].

Крајниот заклучок е дека книжевната критика за Толстој напишана од страна на македонските интелектуалци од крајот на XIX и почетокот на XX век е позитивна и на моменти преминува во искрен восхит кон неговите дела и размислувања. Толстој бил и останал пример за човек-мислител, човек-философ, гениј на своето време.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадев А.* Единъ разказъ отъ Л. Толстоа и рецензията му // Новини. 1896. Бр. 49. С. 3–4.
- Вильчинский В.П.* Димитр Ризов в России // Славянские литературные связи / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1968. С. 246–258.
- Григоровъ М.* Толстой // Дебърски гласъ. София, 1911. Бр. 32. С. 3
- Јанчулева Р.* Л.Н. Толстој во Македонија // Спектар. 1987. Бр. 10. С. 75–81.
- Книжнина // Новини. 1896. Бр. 30. С. 3–4.
- Михајловски Ј.* Руските учени за Македонија // Четврта меѓународна конференција «Меѓународен дијалог: Исток – Запад» (култура, славјанство и економија): Зборник на научни трудови. Свети-Николе; Тамбов, 2013. С. 28–29.
- Ризовъ Д.* На гости у графа Л.Н. Толстой // Мисълъ. 1900. Кн. III–IV.
- Толстой Л.Н.* Двамата Братия и Златото // Книжици за прочит. 1891. Кн. VIII–X.
- Тодоровски Г.* Лев Николаевич Толстој и Македонија // Годишен зборник на Филозофскиот факултет. Скопје, 1974. С. 503–513.

REFERENCES

- Badev A. One Short-Story by L. Tolstoy and a Review on It. *Novini*. 1896. No 49, pp. 3–4.
- Vilchinsky V.P. Dimitar Rizov in Russia. In: *Slavic Literary Relations* / Ed.: M.P. Alekseev Leningrad. Nauka Publ. 1968, pp. 246–258.
- Grigorov M. Tolstoy. *Debrski Glas*. Sofia, 1911. No 32, p. 3
- Yanchuleva P. L.N. Tolstoy in Macedonia. *Spektar*. 1987. No 10, pp. 75–81.
- Library. *Novini*. 1896. No 30. С. 3–4.
- Mikhajlovski J. Russian Scholars about Macedonia. In: *Fourth International Conference “International Dialogue: East – West” (Culture, Slavism and Economy): Proceedings*. Sveti Nikole; Tambov. 2013, pp. 28–29.
- Rizov D. To Visit Count L.N. Tolstoy. *Misl*. 1900. Books III–IV.
- Tolstoy L.N. The Two Brothers and the Gold. *Knizhici za Prochit*. 1891. Books VIII–X.

Todorovsky G. Lev Nikolaevich Tolstoy and Macedonia. In: Annual Proceedings of the Faculty of Philosophy. Skopje. 1974, pp. 503–513.

Сведения об авторе:

Славчо Ковилоски,
доктор по културолошки студии
вонреден професор
Универзитет «Св. Кирил и Методиј»
Институт за македонска литература

Slavcho Koviloski,
PhD
Associate Professor
University of Ss. Cyril and Methodius
Institute of Macedonian Literature

Славчо Ковилоски,
доктор културологији
доцент
Универзитет Св. Кирилл и Мефодия
Институт македонской литературы

Н.М. Куренная (Москва, Россия)

Круг чтения советских людей в 1930-е гг. (По страницам журнала «Книжные новости»)

Аннотация: В статье характеризуется журнал «Книжные новости», который является своеобразным индикатором читательских предпочтений советских людей в 1930-е гг. и одновременно справочно-документальным источником об издательской деятельности в СССР в довоенный период.

Ключевые слова: советская культура, рубрики, рецензии, идеологический диктат, Конституция СССР, Пушкиниана

N.M. Kurenayaya (Moscow, Russia)

Soviet People Literary Preferences of the 1930s (According to the pages of the magazine “Knizhnye Novosti”)

Abstract: The paper characterizes the magazine “Knizhnye Novosti”, which is a kind of indicator of the reading preferences of Soviet people in the 1930s. At the same time, it is a reference and documentary source about publishing activities in the USSR.

Key words: Soviet culture, rubrics, reviews, ideological dictate, Constitution of the USSR, Pushkiniana

Анализ годового комплекта информационно-библиографического журнала «Книжные новости» за 1936 г. (всего вышло 36 номеров) представляет интерес с точки зрения определения механизмов, которые способствовали формированию читательского вкуса и круга чтения советских людей в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. К этому времени в СССР появился так называемый «массовый читатель», который был абсолютно новым явлением в отечественной культуре. К середине 1930-х гг. советский массовый читатель был молод, имел, как правило, начальное или среднее образование.

Выбор именно 1936 г. не случаен, поскольку именно он стал своеобразным водоразделом между первоначальной фазой строительства социализма, заложившей фундамент большинства советских общественных и культурных институтов, и этапом, как тогда говорили, победившего социализма, отмеченного, с одной стороны, общественной консолидацией, а с другой – тревожным предрепрессивным характером. Это был год принятия Конституции СССР, 100-летней годовщины смерти А.С. Пушкина, официально объявленного стахановского движения, по-

следний год, когда на страницах прессы, в том числе и в «Книжных новостях», можно было встретить материалы, освещавшие важный личный вклад в строительство социализма Н. Бухарина, М. Тухачевского, В. Блюхера и многих других известных в стране людей. Пройдет совсем мало времени, и все они будут осуждены, расстреляны, а их имена вычеркнуты из советской истории.

Многие исследователи высказывают справедливое мнение о том, что 1936–1937 гг. стали роковыми для судеб советской культуры¹. Литература и искусство к этому времени были почти полностью подчинены идеологическому догматизму. В то же время характер наступивших изменений во внутренней культурной политике по некоторым параметрам был довольно неожиданным и странным. На официальном уровне делались определенные шаги в сторону частичной реабилитации культурного наследия царской России, акцентировалось исключительное значение для советского общества русского национального эпоса, монархической истории России, представленной именами Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Суворова. Быстрее и активнее всех на частичное изменение советского политико-идеологического курса откликнулся кинематограф. Общеизвестны слова В.И. Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино» (воспоминания А. Луначарского о беседе с Лениным в феврале 1922 г.)². Стремительно начинаются съемки исторических кинолент, которые вскоре выходят во всесоюзный прокат, посвященных государственной политике и деятельности выдающихся государственных мужей прошлого. Литературовед и писатель Александр Чудаков в своем автобиографическом романе «Ложится мгла на старые ступени» (2000) писал: «“Адмирал Ушаков”, “Суворов”, “Кутузов” – конечно агитки, но допустимый их вид – исторический, когда агитируют за отечество». Нельзя отрицать, что эти фильмы сыграли значительную роль в историческом просвещении советского общества, особенно его молодого поколения.

«Книжные новости» издавались книготорговым объединением государственных издательств (КОГИЗ) трижды в месяц. По существу, к середине 1930-х гг. он стал одним из основных источников информации о вновь вышедших и готовившихся к изданию книгах по различным отраслям знаний – от теории марксизма-ленинизма, философии, истории коммунистической партии до геологии и физики, языкознанию, истории отечественной и иностранной литературы, Журнал имел сравнительно небольшой по масштабам СССР тираж – 15000 экз., объем каждого номера составлял около 4 п.л. Его довольно жесткая структура предполагала наличие постоянных рубрик. Каждый выпуск, как правило, открывался одним из трех вариантов передовиц: интервью с известным современным писателем, юбилейная статья, или же, что случалось чаще всего, обширная информация о годовщине со дня смерти того или иного выдающегося иностранного или отечественного литератора. Следует заметить, что публикации в прессе траурных материалов были значимыми элементами культуры всего советского периода. Культ смерти, по замыслу Сталина, был важной смысловой доминантой в процессе сплочения социалистического общества. О своем психологическом состоянии и реакции на культивирование подобных мемориальных событий вспоминали многие современники. Так, известный этнолог и писатель Вл. Кабо в одной из своих книг вспоминал: «Другое врезавшееся в память воспоминание – тот же праздник, но с обратным знаком. Они противоположны, эти праздники, но стоят рядом по принципу дополнительности, по закону, объединяю-

¹ Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938 гг. М., 1997. С. 41.

² Советское кино. 1933. № 1–2. С. 10.

щему белое и черное, день и ночь. Одно немыслимо без другого. Это траурные дни, дни смерти вождей, посвященные их памяти... Траур, пышные похороны, торжество смерти занимали важное место в жизни государства. Так отмечалось и “кровавое воскресенье” – 9 января 1905 г. День смерти Ленина также ежегодно отмечался 22 января как знаменательная дата, имевшая отношение к каждому»¹. Передовицы, которыми открывался журнал в течение 1936 г., 12 раз посвящались годовщинам смерти того или иного поэта или писателя. Отмечалось 80-летие со дня смерти Гейне, 75-летие со дня смерти Шевченко (1861), 6-летие со дня смерти Маяковского, 320-летие со дня смерти Сервантеса и многим другим. И только три передовицы за этот год были посвящены датам рождения выдающихся литераторов.

Около трети объема «Книжных новостей» отводилось кратким рецензиям на новые издания и отзывам на значительные художественные произведения советских и иностранных авторов. Нельзя не отметить существенную пользу, которую приносил библиотекарям журнальный раздел «Краткая летопись», носивший информационно-просветительский характер, в нем в лаконичной форме публиковались материалы о юбилейных датах, издании русских и зарубежных классических произведений, а также о состоянии иностранной библиотечной и книгоиздательской деятельности.

Почти во всех номерах «Книжных новостей» за 1936 г. присутствовал раздел «Пушкиниана», посвященный 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, где были собраны материалы о вновь вышедших публикациях, посвященных поэту, пропагандировались произведения самого Пушкина, в том числе переведенные на многие языки народов СССР. В этом разделе появлялись интересные и малоизвестные широкому читательскому кругу сведения об эпохе, в которой поэт жил, обстоятельствах его судьбы и литературном окружении. В журнале постоянно присутствовал интересный, особенно для библиофилов, раздел «Редкие книги», авторами которого были и выдающиеся ученые: лингвист Г. Винокур, литературоведы П. Эттингер и В. Каган. В одном из номеров сообщалось, что в ознаменование 100-летней годовщины со дня смерти великого поэта Гослитиздат и издательство «Академия» в течение 1936 г. опубликуют 60 произведений самого Пушкина и книг о нем, общим тиражом в 3 млн экземпляров.

Несмотря на то что журнал «Книжные новости» в первую очередь предназначался в помощь работникам библиотек, книжных коллекторов, библиофилам, он был полезен и тем, кто самостоятельно осваивал глубокий пласт отечественной и зарубежной литературы, интересовался их историей и современным состоянием, разнообразными новостями книжного мира.

На основании опубликованных в журнале библиографических данных и информации о тиражах новоизданной и переизданной литературы в различных республиках СССР можно сделать определенный вывод о структуре читательских предпочтений, сформировавшихся в стране к концу 1920-х – началу 1930-х гг. Вполне закономерно, что наибольшей популярностью пользовалась художественная литература, отмечался значительный интерес к общественно-политическим изданиям и научно-популярным книгам гуманитарной и естественно-научной направленности. Понятно, что возрастанию интереса к чтению прежде всего способствовал быстрый рост уровня образования. Так, в 1933 г. лица с высшим образованием составляли в СССР уже около 11 % населения².

¹ Кабо В. Дорога в Австралию. Нью-Йорк, 1995. С. 41.

² Рейтблат А.И. Основные тенденции массового чтения в СССР // Тенденции развития чтения в социалистических странах: Сб. науч. тр. М.: РГБ, 1983. С. 126.

Общеизвестно, что советские литература и искусство постоянно находились под патронажем политико-идеологических органов, который выражался в самых разнообразных формах. Примером может служить хотя бы такая незначительная деталь, как расположение двух информаций в разделе «Хроника». В четвертом номере сообщалось, что Детиздат приступает к изданию однотомников русской и зарубежной классики, в том числе сказок Редьярда Киплинга, бр. Гримм, Х.К. Андерсена, Ш. Перро, Ф. Купера и других. Книги должны выходить тиражом не менее 100 000 экз. каждая и будут продаваться по доступной цене. Вслед за этим сообщением шла информация о новом серийном издании (того же Детиздата) биографий вождей: Ленина, Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и немецкого коммуниста Эрнста Тельмана (1886–1944), по непонятным причинам включенного в список советских вождей. (Возможно потому, что в течение 8 лет он исполнял обязанности председателя ЦК Компартии Германии.) Для детей эти биографии были изложены в соответствующей стилистике, рассчитанной на соответствующий возраст.

Очевидно, что политика и идеология советского периода отечественной истории пытались «играть» на поле культуры и просвещения, и за редким исключением им это удавалось, поскольку подобная подмена являлась стратегической линией политики государства, в которую была вовлечена значительная часть творческой интеллигенции.

Надо признать, что большинство высших партийных руководителей предвоенного периода не могли не понимать истинного предназначения книги, продолжавшей особую для русской культуры «мироустроительную» миссию», которую она исполняла с начала XVII в.¹ Это подтверждает, например, и публикация романа Николая Островского «Как закалялась сталь». В истории русской литературы в течение XIX–XX вв. существовали книги, сыгравшие совершенно особую роль в формировании картины мира и модели поведения не одного поколения граждан российского государства, а затем и СССР. Если говорить о книгах, занимавших наивысшие ступени в рейтингах читательских предпочтений, то, безусловно, во второй половине XIX в. в России это был роман «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, а в XX в. – упоминавшаяся выше книга Н.А. Островского «Как закалялась сталь», которые безоговорочно можно отнести к прецедентным текстам, имеющим сверхличностный характер и хорошо известным самому широкому кругу читателей разных поколений. Впервые это произведение было опубликовано в 1932 г., но даже в 1936 г. (год смерти автора романа) спрос на эту книгу не был удовлетворен. В «Книжных новостях» № 11 сообщалось, что «тиражи центральных издательств пока что не в силах удовлетворить читательский спрос. Редакции национальных и местных издательств в этом году включили этот роман в свои издательские планы»². 25-тысячными тиражами роман публиковался в Башкирии, Грузии, Северном отделении ОГИЗа и многих других республиканских издательствах. Уже в послевоенное время роман «Как закалялась сталь» был включен в школьные программы по литературе, по которым училось не одно поколение советских людей.

Выражаясь языком той эпохи, для воздействия на сознание масс одной только послереволюционной литературы было мало, однако русская классика также подвергалась серьезной селекции. Из произведений прошлого, как правило, от-

¹ Черная Л. Феномен книги в русской культуре «переходного периода» от средневековья к Новому времени // Книга в пространстве культуры. М., 1995. С. 11.

² Книжные новости. М., 1936. № 11. С. 25.

бирались те, чья стилистика соответствовала определенным параметрам. Судьбы произведений, которые не соответствовали идеологическим требованиям, предполагали только два пути – забвение или искусственное привнесение требуемых параметров, что достигалось соответствующей критикой и комментариями определенного свойства¹. Не секрет, что советская издательская политика довоенного времени во многом формировалась в соответствии со вкусами вождей: Ленина и Сталина. В одном из номеров «Книжных новостей» особо подчеркивалось, что Гоголь – один из наиболее часто цитируемых Лениным писателей. «Первенство в этом отношении, писал автор этой заметки, правда, принадлежит Салтыкову-Щедрину, но на втором месте, по-видимому, Гоголь»². Возможно, именно ленинским пристрастием к творчеству этих авторов объясняются значительные тиражи их книг, а также монографий, посвященных творчеству этих выдающихся русских писателей. «Книжные новости» в разных номерах за 1936 г. сообщали и об издании произведений Короленко, Толстого, Достоевского, Помяловского, Крылова и многих других русских литераторов, однако тиражи их книг, как правило, были невелики и достигали всего лишь 20–30 тыс.

Из зарубежной литературы в 1936 г., как информировали «Книжные новости», были опубликованы переводы романов «Возвращение» Э.М. Ремарка, «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Прощай оружие» Э. Хемингуэя, «Успех» Л. Фейхтвангера. Наибольшее число рецензий, отзывов, панегириков, исполненных в стилистике культурной политики того времени, посвящалось книге французского писателя Анри Барбюса «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир». Именно в этом произведении появилось ставшее крылатым выражение – «Сталин – это Ленин сегодня».

Следует отметить, что редакция «Книжных новостей» в первой половине 1936 г. все же пыталась придерживаться нейтральной позиции в подаче материалов, что явствует из подборки опубликованных статей, заметок и библиографий, размещенных в разных рубриках, но от номера к номеру градус идеологического диктата начал повышаться. Появляются несвойственные прежней редакционной политике материалы, например текст Конституции победившего социализма, материалы Чрезвычайного восьмого Всесоюзного съезда Советов и др. Показательно в этом смысле и оформление обложек: первый номер «Книжных новостей» 1936 г. вышел с портретом А.С. Пушкина, последний сдвоенный № 35–36 – с портретом И.В. Сталина. Складывается впечатление, что фотоизображения вождя стали обязательным ритуальным элементом журнала, от номера к номеру они появляются все чаще. Материалы последнего номера «Книжных новостей» за 1936 г. посвящались значению, смыслу и толкованию текста Конституции победившего социализма, Чрезвычайному восьмому Всесоюзному съезду Советов; публиковались выдержки из речей государственных деятелей того времени. Содержание последнего номера и его оформление подтвердило тенденцию превращения идеологически нейтрального информационно-просветительского журнала в партийный печатный орган.

В сентябре 1936 г. впервые в «Книжных новостях» (№ 25 и № 26) в рецензии на брошюру «К процессу над участниками объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока» тиражом 100000 экз. (рубрика «Новинки Партиздата»)

¹ Кабанова Е.А. Писатель и читатель // История России XIX-XX вв. Новые источники понимания. М., 2001. С. 287

² Книжные новости. М., 1935. № 35–36. С. 23.

появилось сообщение о врагах народа. В рецензии были процитированы статьи, опубликованные в газете «Правда», по вопросам бдительности, двурушничества, посвященные процессу над троцкистско-зиновьевской бандой, а также отклики рабочих на эти события. Таким образом, можно говорить о том, что диктатура коммунистической идеологии окончательно победила, во внутренней жизни страны начался новый исторический период.

Анализ информационно-библиографического журнала «Книжные новости» за 1936 г. приводит к выводу о том, что круг чтения советских людей в 1930-е гг. был довольно широк и разнообразен, несмотря на то что над его коррекцией успешно работали идеологические органы партии. В то же время надо признать, что объективно, в динамике реконструировать картину культурного развития советского общества чрезвычайно трудно, если вообще возможно, даже при наличии самых разнообразных материалов: архивных, литературных, документально-художественных, газетно-журнальных, поскольку роль партийной цензуры постоянно возрастала. Представляется уместным привести высказывание А.Т. Твардовского (1961 г.) по этому поводу: «Повседневная современная летопись – другими словами печать – только при дополнительном особом знании может быть каким-то письменным свидетельством об этой эпохе. А что, если читать все отчеты о процессах над левыми и правыми, потом материалы XX и XXII съездов – как-то все надо назвать по-правдашнему – и внутрипартийную борьбу, и коллективизацию, и многое, многое. Лежит где-то подо всей этой шелухой и мусором подлинная история сложнейшего и значительнейшего периода нашей огромной страны со всеми ее последствиями для мирового развития»¹.

Очевидно, что при исследовании той или иной историко-культурной эпохи невозможно посредством журнально-газетного анализа (в нашем случае годового комплекта журнала «Книжные новости») проникнуть в ее многочисленные смыслы и события, воссоздать даже приблизительную картину мира советских людей. В то же время можно говорить о том, что чтение и анализ прессы тех лет в какой-то мере предоставляет возможность ощутить дух этого сложного времени, устремления, цели и предпочтения, в том числе и книжные, советских людей накануне массовых репрессий и Отечественной войны. Если исследовать их круг чтения с помощью внимательного чтения «Книжных новостей», становится очевидным, что так называемая «культурная политика» советского образца велась в двух главных направлениях; идеологическом и просветительском. Следует констатировать, что на обоих направлениях были достигнуты определенные успехи и, отчасти, значительные результаты. Выросло патриотически настроенное поколение людей, рожденных при советском строе, которое искренне верило в «особый путь» и миссию советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Кабо В. Дорога в Австралию: воспоминания. New York: Effect, 1995. III, 333, [8] с.

Кабанова Е.А. Писатель и читатель // История России XIX–XX вв. Новые источники понимания. М., 2001. С. 285–293.

Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки: Сталин. культур. революция, 1936–1938. М.: Юрид. кн., 1997. 317, [2] с.: ил.

Рейтблат А.И. Основные тенденции массового чтения в СССР // Тенденции развития чтения в социалистических странах: Сб. науч. тр. М.: РГБ, 1983. С. 119–145.

¹ *Твардовский А.Т.* Рабочие тетради. 1961–1964 // Общая газета. 2000. № 34.

Твардовский А.Т. Рабочие тетради. 1961–1964 // *Общая газета*. 2000. № 34.

Черная Л. Феномен книги в русской культуре «переходного периода» от средневековья к Новому времени // *Книга в пространстве культуры: тезисы научной конференции*. М., 1995. С. 41–43.

REFERENCES

Kabo V. Road to Australia: Memories. New York: Effect, 1995. III, 333, [8] p.

Kabanova E.A. A Writer and a Reader. In: History of Russia in the 19th–20th cs. New Sources of Understanding. Moscow. 2001, pp. 285–293.

Maksimov L.V. (1997) Confusion instead of Music: Stalin's Cultural Revolution, 1936–1938. Moscow. Yuridicheskaya Kniga Publ. 317, [2] p.: ill.

Reitblat A.I. Main Trends in Mass Reading in the USSR: In: Trends in the Development of Reading in Socialist States: Collection of scientific papers. Moscow. Russian State Library Publ. 1983, pp. 119–145.

Tvardovsky A.T. Workbooks. 1961–1964. *Obshchaya Gazeta*. 2000. No 34.

Chernaya L. The Phenomenon of the Book in Russian Culture of the “transition period” from the Middle Ages to the New Age. A Book in the Space of Culture: Abstracts of a scientific conference. Moscow. 1995, pp. 41–43.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Куренная,
доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Natalia Kurenная,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies RAS

ikurennoy@gmail.com

А.В. Гусева (Москва, Россия)

Образы женщин в журнале «Московский Меркурий» П.И. Макарова

Аннотация: В статье анализируется формирование образа просвещенной женщины в журнале «Московский Меркурий», рассматриваются как идеальные, так и сатирические женские образы. Внимание уделено трансформации восприятия женщин и их роли в обществе в контексте изменения литературных и культурных норм: дискуссий о языке, развития сентименталистской литературной традиции, «феминизации» литературы.

Ключевые слова: женский журнал, феминизация литературы, образы женщин

A. V. Guseva (Moscow, Russia)

Female Images in “Moskovsky Merkuriy” by P.I. Makarov

Abstract: The article analyzes the formation of the image of an enlightened woman in the “Moscow Mercury” magazine, examining both ideal and satirical female images. Attention is paid to the transformation of the perception of women and their role in society in the context of changes in literary and cultural norms: discussions about language, the development of a sentimentalist literary tradition, the “feminization” of literature

Key words: women’s magazine, feminization of literature, female images

«Московский Меркурий» – журнал, который издавался в 1803 г. Всего в течение 1803 г. было выпущено двенадцать номеров, каждый из которых включал следующие разделы: «Смесь», «Русская литература», «Иностранная литература», «Уведомления» и «Мода». Выпуски, по первоначальной задумке автора, должны были издаваться ежемесячно, однако впоследствии иногда выходили с опозданием.

В начале XIX в. «Московский Меркурий» (далее – ММ.) входил в число наиболее влиятельных и популярных изданий. Г.Н. Геннади, известный русский библиограф и первый исследователь ММ., писал, что этот журнал «занимает первое место после “Вестника Европы” на момент 1803 года», и отмечал, что «по выбору и слогу статей, по направлению и в особенности по критическим статьям [ММ.] превосходит прочие тогдашние журналы»¹. Действительно, «критика» позиционировалась в качестве одной из целей издания «ММ.», это было обозначено и в объявлении о подписке.

¹ Цит по: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т.3 : Журналы (З–М), СПб., 2006. С. 310.

Казалось бы, здесь нет упоминания об ориентации на женскую аудиторию, однако первый выпуск открывается статьей «Некоторые мысли издателей Меркурия», всецело посвященной женщинам и их общественной роли, а в конце выпуска, в уведомлении, своеобразное посвящение: «вам, любезные читательницы, желаем предпочтительно угодить»¹. Эта мысль повторяется и в других выпусках. Стоит отметить и то, что несмотря на то, что отдел моды, рассчитываемый на женщин, был небольшим и по замыслу занимал подчиненное положение, тем не менее именно под него подстраивался график выхода журнала. О том, что ММ. предназначался для женской аудитории, писал Г.Н. Геннади: «исключительно дамский журнал, но по понятием времени»², под понятием времени исследователь подразумевает то, что на момент середины 1850-х дамскими журналами называются модные.

Издателем ММ., полностью определявшим содержание публиковавшихся материалов, был П.И. Макаров. Он родился в 1764 г. в семье состоятельного казанского помещика; как отмечается, сначала его воспитывал тот же гувернер-француз, что ранее воспитывал М.Н. Муравьева; далее была учеба в Казанской гимназии³.

П.И. Макаров практически ровесник Н.И. Карамзина, однако свою литературную жизнь начал позже, только в середине 1790-х он занялся переводами с французского. Биография Макарова так или иначе не обходится без сравнений с Н.М. Карамзиным. П.И. Макаров разделял взгляды Карамзина на развитие русского литературного языка – «писать, как говорят», в вопросах просвещения он значимую роль придавал женщинам, развивал мысль, что женский язык то, на что в будущем должно ориентироваться развитие письменной речи. Если говорить о различии между двумя издателями, то на момент издания «Вестника Европы» Н.М. Карамзин изменил свое отношение к литературной критике, отошел от нее, в то время как П.И. Макаров отводил ей значимую роль. Ю.М. Лотман писал, что Макаров был гораздо больше настроен на «эпатирование»: он не боялся шокировать, например, публикациями с одобрением французских мод⁴.

Перед тем как приступить к анализу журнала, необходимо сделать обзор исторического контекста. Здесь стоит остановить внимание на развитии сентименталистской литературной традиции и выходящему из нее феномену «феминизации» литературы.

Термин «феминизация» литературы встречается уже в работе В.В. Виноградова 1935 г. и затем используется как советскими, так и современными исследователями. Феминизация в этом контексте означает ориентацию писателей (как правило, писателей-карамзинистов) на «благосклонную улыбку прекрасного пола»⁵.

Примеры феминизации можно найти, например, в «Московском журнале» (1791–1792), где Н.М. Карамзин, оценивая слог перевода, апеллировал к женщинам: «говорят ли так молодые женщины», «нельзя сказать в разговоре, а особливо молодой девице»⁶. Более полно это отразилось в «Послании к женщинам» (1795 г.), где Н.М. Карамзин не только выразил желание быть писателем «для вас,

¹ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 70.

² Геннади Г.Н. П.И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» // Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. III. С. 70.

³ Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 3. М., 1994. С. 472.

⁴ Лотман Ю.М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 355.

⁵ Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка М.; Л., 1935. С. 216.

⁶ Виноградов В.В. Очерки русского литературного языка. М., 1982. С. 194.

красавицы, приятным», но и отметил в женщинах наличие чувств, которые позволяют достигать истины быстрее, чем это получается у мужчин.

Такие идеи получили развитие, в значительной степени, под влиянием французских дореволюционных салонов, где женщины играли важную роль в культурной и литературной сферах. Однако в России образ женщины как двигателя русской литературы являлся больше плодом воображения, желанным образом, к которому стоит стремиться. Ю.М. Лотман отмечал, что Н.М. Карамзина, обращаясь к женщинам, «имел в виду не реальных дам и не реальное светское общество своей эпохи: ...современницы Карамзина русских книг не читали»¹. Литература в данном контексте воспринимается как инструмент, способный оказывать влияние на общество.

Другой значимый феномен, который был привнесен сентиментализмом и повлиял на восприятие женщин и женской роли, – сентиментальная дружба. Примером таких отношений служит многолетнее общение Карамзина с Настасьей Ивановной Плещеевой. По мнению Ю.М. Лотмана, новизна такой формы общения в том, что она освобождала женщину от «альтернативы: быть или женой, или любовницей» и приводила к убеждению, что «самое высокое в человеке – это человек»².

Таким образом, сентиментализм внес много новых элементов в восприятие женщин, он заговорил об их особом, чутком внутреннем мире, что позволяло им принять роль просветительницы, положительно влияющей как на литературу и язык, так и на нравы общества. Однако такой образ неизменно формировался под влиянием мужской перспективы и был независим от мнений самих читательниц.

Нельзя не отметить, что «феминизация» имеет свои истоки. Образы покровительницы салона, женщины, оказывающей влияние на литературный язык, женщины, вызывающей куртуазное поклонение, в той или иной мере были характерны для всего XVIII в., поэтому появление «просветительницы» – следствие не только сентиментализма, но и – отчасти – предшествующей литературной традиции.

* * *

«Некоторые мысли издателей Меркурия» – первая статья журнала, ее часто называют программной. Начинается она с обозначения проблемы, которая препятствует развитию общества: молодые люди рано перестают учиться и «в свете не имеют побудительной причины обогащать ума своего»³. По мнению автора, распространение образованности в огромной мере зависит именно от женщин. Так, слава Франции во многом стяжалась женщинами: они упражняются в литературе, их дома – средоточие изящного вкуса, куда стекаются светлейшие умы. Все это могло бы быть перенесено в Россию.

Несмотря на то что статья производит впечатление непрерывного гимна женщинам, помимо хвалебных эпитетов и метафор развитие получает идея важности женского просвещения. Просвещение женщинам необходимо, чтобы найти золотую середину между добродетелью и любезностью; а тот, кто не желает женщинам просвещения, – «враг их – эгоист».

Просвещенные женщины, по мнению автора, добродетельны и любезны, их общество оказывает благое влияние на нравы и на сердца, к тому же сама «про-

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 274.

² Там же. С. 270.

³ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 4.

свещенность» для женщины представляет такую ценность, которая не пропадет со временем. Наверное, также стоит отметить, что просвещение как «образование сердца» мыслилось не только по отношению к женщинам, сентименталистами «нравственное образование стало рассматриваться как... задача, более существенная, чем самое обучение, – просвещение разума»¹.

Не менее примечательна попытка издателя изобразить ход истории через призму женских деяний. Автор обратился к великим женщинам прошлого – Сапфо, Аспазии, Элоизе, желая проиллюстрировать, что женщина способна совмещать знания с «приятностями» своего пола.

Следовательно, ключевой образ, развивающийся на протяжении статьи, – женщина образованная, совмещающая любезность, приятность и добродетель. Она активный участник общественной жизни, ее самореализация не должна ограничиваться семьей и хозяйством.

Рассмотрим, в каких еще вариациях появляется концепт женской просвещенности. Одна из героинь «вывезла» себе «провинциального Ловеласа» и, согласно брачному контракту, была обязана «держатъ своего мужа в своем доме, кормить и одевать его по моде». В других рассказах встречались героини, которые слыли «философками» и общались со многими учеными, однако это сопровождалось спесивостью и делалось лишь для того, чтобы «удивлять невежд». Такие женщины показываются с насмешкой, ведь там, где просвещенность и интерес к наукам лишь дань моде, нельзя говорить об улучшении нравов и воспитании сердца.

На страницах журнала часто появляются сатирические образы женщин, которые описываются как расточительные и изнеженные. Печатаются статьи, где изображается непомерная тяга к новым вещам: роскошь дошла до того, что стыдно в одежде на древнеримский лад принимать гостей в комнате «во вкусе французском». Примечателен комментарий, который издатель оставляет в конце этой статьи. П.И. Макаров радуется, что недовольство французских журналистов «вольным обхождением» и дамскими нарядами – мнение не всеобщее, в то время как большинство остается «под влиянием пола часто оскорбляемого – и вечно торжествующего». Можно предположить, что комментарий П.И. Макарова вызван куртуазным подтекстом, желанием угодить «милым читательницам»

Тем не менее представление о том, как выставляются издателем своеобразные границы допустимого, может дать комментарий к другой статье из раздела парижской моды². Автор отмечает, что главная мода сейчас на чувствительность, и для того, чтобы проиллюстрировать это вездесущее качество и доказать, что «благопристойность сделалась смешною», приводится в пример то, что юные девушки берут от мужчин уроки анатомии и плавания. Это уже переходит норму допустимого для П.И. Макарова, ведь если женщина «делается некоторым образом мужчиной», то она «теряет вернейший талисман пола своего: нежность».

Стоит отметить, что во многих печатаемых повестях и статьях можно заметить сравнение мужских и женских черт характера и способов восприятия реальности. В программной статье, например, отмечается, что женщинам не свойственна умеренность, поэтому «чего они захотят, к тому стремятся всеми силами»³, и даже то, что женские способности превосходят мужские. В рецензии на роман, написанный женщиной, после критических замечаний П.И. Макаров все же пишет,

¹ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 42.

² Там же. Ч. 3. С. 64–68.

³ Там же. Ч. 1. С. 6.

что женщины лучше умеют заметить и описать «страсти, обыкновенные в обществе»¹. Как отмечается, приписывание женщинам «авторской чувствительности и уклон в психологические описания»² надолго станет характеристикой женских литературных трудов.

В то же время образ просветительницы и разные его вариации были далеко не единственными транслируемыми в журнале образами. Более распространенным, появляющимся гораздо чаще как в переводных трудах, так и в творениях отечественных авторов, является образ возлюбленной.

В любовных сюжетах идеал женщины часто описывается с акцентом на скромность и благонравие либо на чувствительность и нежное сердце, иногда эти качества находятся в сочетании. Героиня могла появляться в куртуазном духе – блистающей перед всеми³, могла подчеркиваться ее невинность – «как роза в долине... она не знала света, не знала себя»⁴ или «превосходные качества сердца, редкая красота с милою скромностью»⁵. В повести, рассмотренной ранее, где изображались писательница и философка в сатирическом ключе, примечательна характеристика положительного образа – «благонравная и чувствительная» Клариса, которая спасла героя от «разврата ума и сердца»⁶, а будучи супругой, смогла простить измену героя и вернуть его на путь добропорядочного семьянина.

Кроме идеалов возлюбленной, можно найти идеал супруги. В одном переводном рассказе идеальная жена для героя – это подруга и хозяйка, «образец терпеливости и снисходительности». Герою также важен ум, который может проявляться, например, в «разборчивости в похвале прекрасного и искренности в выражении своих замечаний... о неправильном»⁷. Что примечательно, когда герой нашел себе идеал в дочери священника, он бросил свое затворничество и почти все его занятия посвящались угождению своей супруге.

Если образы возлюбленной и супруги встречаются довольно часто, интересно, что образ женщины-матери не находит особого развития в журнале. Имеется один переводной рассказ⁸, в котором можно сказать, руссоистском стиле, который был напечатан «единственно для картин поэтических», с образом молодой матери, заботящейся о своем маленьком ребенке. Рассказчик явно симпатизирует героине, которую описывает самым красноречивым образом: лицо чувствительно и умно, «глаза, блистающие огнем, но всегда послушные скромности». Героиня не смущается кормить ребенка грудью при рассказчике, в то время как он находит величественной картину, где мать выполняет свою «священнейшую должность».

Является ли это совпадением или нет, но после этого большого по объему переводного рассказа идет заметка из парижского журнала о необязательности грудного вскармливания⁹. Как отмечается, кормление стало модой из-за увлечения идеями Руссо, в то время как многие доктора не поддерживают подобную моду. В заметке приведены пять аргументов с целью доказать это, а завершается статья

¹ Там же. Ч. 2. С. 44.

² *Нестеренко М.* Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022. С. 49.

³ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 193–209.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 3–22.

⁵ Там же. Ч. 2. С. 149.

⁶ Там же. Ч. 3. С. 12.

⁷ Там же. Ч. 4. С. 93.

⁸ Там же. Ч. 3. С. 69–113.

⁹ Там же. Ч. 2. С. 114–116.

мыслью о потенциальном вреде вскармливания с точки зрения «нынешнего состояния общества и нравов».

Другой отрывок, который косвенно связан с темой материнства, – статья из раздела парижской моды. В этом разделе делался обзор как последних тенденций в одежде, так и нравов и привычек парижанок. Одна из отмеченных в статье особенностей – удивительная схожесть в поведении и манерах матерей и дочерей. Они одинаково одеваются, одинаково легко танцуют на балах, в их общении большая доверительность: они друг к другу обращаются на ты, более того, мать и дочь можно назвать лучшими подругами. В этом контексте не только акцентируется светская роль матерей, но и показывается менее привычная модель взаимоотношений матери и дочери, так как более были распространены отношения, в которых матери играли роль наставниц.

Далее представляется важным более детально рассмотреть женские образы, присутствующие в произведениях русских авторов, одно из них – «Путешествия в Малороссию» П.И. Шаликова. Герой произведения проводил много времени с дочерью помещицы: они музицировали, беседовали о книгах. Шаликов обращает внимание на стремление девушки к чтению, ее «скорость в понятии», при этом герой берет на себя наставническую функцию, сравнивает себя с Пигмалионом, отмечая, как прекрасно наблюдать «развитие способностей моральных» в ожившей статуе. Пример иллюстрирует одну из вариаций модели отношений, где мужчина является наставником для женщины в ее умственном и духовном развитии.

Автор сетует о плачевном состоянии просвещения в посещаемых им краях; юные грации прекрасны, но безмолвны: «для чего они в обществе? что занимает их? ... поминутно переходя из комнаты в комнату, и никто об них не беспокоится! Подойдите поговорить с ними, развеселите их – и найдете, что Природа для них не скупилась»¹. Просто бессердечно учить дочерей только ведению хозяйства, гораздо приятнее, когда прекрасные пленяют слух игрой на арфе или фортепиано.

Конечно, в этих размышлениях усматриваются распространенные сентиментальные тропы, как, например, игра на арфе, тем не менее указание П.И. Шаликова на необходимость образования как для полноценного участия в социальной жизни общества, так и для развития собственного потенциала достаточно прогрессивно.

Стоит отметить, что сентиментальные женские образы, так же как и образы женщин-просветительниц, раскрывались иногда с элементами иронии. Так, в первом номере журнала, после программной статьи, было опубликовано сочинение «Письма из Лондона», написанное П.И. Макаровым. В нем автор, следуя популярной среди сентименталистов традиции, описывает свое путешествие в эпистолярной форме. Однако этот травелог также содержит и элементы пародии, направленные как на некоторые тропы, так и на саму концепцию сентиментального путешествия. Автор указывает, что его цель – дать отчет «в подлинных своих деяниях и мыслях», именно поэтому в повествовании нет, например, вздохов о «прелестной англичанке – белокурой, нежной, томной, чувствительной – с голубыми глазами» – в этой фразе собраны воедино самые распространенные эпитеты, которые использовались при описании женщин.

Подводя итог, можно сказать, что женщины появляются на страницах журнала в различных амплуа: просветительницы, Музы, светской дамы, сентиментальной возлюбленной, добропорядочной супруги. Конечно, границы между этими обра-

¹ Московский Меркурий. Ч. 3. С. 172–173.

зами являются условными и могут переплетаться друг с другом в рамках одной литературной композиции. Журнал – в рамках исследуемого периода – отличается прогрессивным взглядом на роль женщин в обществе. Это в значительной мере связано с образовательными установками сентименталистов, а также увлечением французской модой, где светские женщины играли значимую роль. Все это можно вписать в более широкую мировоззренческую арку издателя, согласно которой «чем народы просвещеннее, тем они сходнее»¹. При анализе идеальных женских образов можно отметить использование европейских героинь в качестве примеров – Клариссу, Элизу Стерна, Элоизу и Лотту.

Просвещенческая функция журнала не носила сугубо морально-дидактического характера; тема женского воспитания затрагивалась, но не в традиционной рамке воспитания идеальной жены или хозяйки с акцентом на христианскую мораль.

Если рассматривать качества, представленные в журнале для идеальной супруги, отмечается необходимость проявления любезности и скромности, верности и терпения, готовности к прощению и одновременно обладания чувствительным сердцем. Образ просветительницы не идет вразрез с этим образом. Роль женщины-просветительницы не ограничивается светскими салонами и общественной ролью, важным здесь является облагораживание сердец. И идеальную супругу можно назвать просветительницей, так как ее усилия направлены на благо своего мужа.

Журнал показывает, как автор формирует образ читательницы. Издатель, публикуя материалы и обращаясь к своей читательской аудитории, предлагает содержание, которое, по его убеждению, может оказаться полезным и приятным для женщин. Особое внимание уделяется разделам, посвященным любовным повестям и литературной критике, причем первые способствуют развитию эмоциональных качеств и сочувствия, в то время как вторая служит развитию литературного языка.

Все это может указывать на серьезность и искренность намерений автора в стремлении к просвещению женщин. Возможно, поэтому постепенно образ просветительницы трансформируется из абстрактной идеи в живой, осязаемый феномен, подтверждение которому можно найти в письме К.Н. Батюшкова: «вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, нежели чтение наших “варваров”»².

ЛИТЕРАТУРА

Батюшков К.Н. Сочинения К.Н. Батюшкова / Изд. П.Н. Батюшковым; со ст. о жизни и соч. К.Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примеч., составленными им же и В.И. Сайтовым. Т. 3. СПб.: Тип. (бывшая) Котомина, 1887. 804 с.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 454 с.

Геннади Г.Н. П.И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» // Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. III. С. 65–94.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма: (Эстет. и худож. искания) / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). СПб.: Наука, 1994. 279 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

¹ Там же. Ч. 4. С. 161.

² <Батюшков К.Н.> Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. 3. СПб., 1887. С. 47.

Лотман Ю.М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 331–403.

Московский Меркурий. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1803.

Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2022. 280 с.

Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3: К–М. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 592 с.

Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 3: Журналы (3–М): с росписью содерж.; сост. А.Р. Румянцев и др. СПб.: Типография «Наука», 2006. 598 с.

REFERENCES

Batyushkov K.N. (1887) Collected Works of K.N. Batyushkov. Vol. 3 / Ed. by P.N. Batyushkov; with a biography and writings of K.N. Batyushkov by L.N. Maykov, and notes compiled by L.N. Maykov and V.I. Saitov. St. Petersburg. Printing House Kotomin. 804 p.

Vinogradov V. V. (1982) Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th centuries: Textbook. 3rd ed. Moscow. Higher School Press. 528 p.

Vinogradov V.V. (1935) Language of Pushkin: Pushkin and the History of Russian Literary Language. Moscow; Leningrad. Academia Publ. 454 p.

Gennadi G.N. (1854) P.I. Makarov and His Magazine “Moskovsky Mercuriy”. *Sovremennik*. Vol. XLVII. No 10, pp. 65–94.

Kochetkova N.D. (1994) Russian Sentimentalism Literature: (Aesthetic and Artistic Quests). St. Petersburg. Nauka Publ. 279 p.

Lotman Yu.M. (1987) The Creation of Karamzin. Moscow. Kniga Publ. 336 p.

Lotman Yu.M. Debates on Language at the Beginning of the 19th Century as a Fact of Russian Culture. In: Uspensky B.A. Selected Works: In 2 Vols. Vol. 2. Moscow. Gnosis Publ. 1994, pp. 331–403.

Moskovsky Mercuriy. Moscow. In the University Printing House, by Lyubov, Gariy, and Popov. 1803.

Nesterenko.M. (2022) Roses without Thorns. Women in the literary process of Russia in the early 19th century. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 598 p.

Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary / Ed.: P.A. Nikolaev. Vol. 3: К–М. Moscow. Bolshaya Rossiyskaya Enciklopedia Publ. 1994. 592 p.

General Catalog of Serial Publications in Russia (1801–1825). Vol. 3: Magazines (3–М): with information about contents; comp.: A.R. Romyantsev et al. St. Petersburg. Printing House “Nauka”. 2006. 598 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Владимировна Гусева,
студентка
факультет гуманитарных наук
образовательная программа «История»
Высшей Школы экономики

Anastasia V. Guseva,
Student
Faculty of Humanities
Educational program “History”
of the National Research University
Higher School of Economics

avguseva_4@edu.hse.ru

М.М. Лоевская (Москва, Россия)

Трансформация русской апокрифической литературы в XIX веке

Аннотация: В статье анализируется ситуация с апокрифической литературой, где по-своему интерпретировались тексты Ветхого и Нового Заветов; ее бытование в Синодальный период (XIX в.), характеризующийся появлением в православных журналах притч, преданий, легенд, в основе которых известные апокрифические сюжеты. Рассматривается сборник «Лилии полевые», куда вошли многие до-революционные переложения апокрифов, неоднократно переиздававшийся в наше время.

Ключевые слова: апокрифы, притчи, предания, Священное Писание, Библия

М.М. Loyevskaya (Moscow, Russia)

Transformation of Russian Apocryphal Literature in the 19th century

Abstract: The article analyzes Russian apocryphal literature, that interprets the texts of the Old and New Testaments in its own way. This literature, having been published in Orthodox magazines during the Synodal period, in the 19th century, characterizes by the appearance of parables, traditions, and legends based on well-known apocryphal plots in it. The collection “Lilii Polevye” is examined, which includes many pre-revolutionary transcriptions of the apocrypha, which has been reprinted several times in our time.

Key words: The Apocrypha, parables, legends, the Holy Scripture, the Bible.

На протяжении многих веков мировая литература обращалась к наиболее волнующим людей темам, сюжетам и образам, поэтому неудивительно, что искусство, литература многократно обращались к Священному Писанию. Самые ранние попытки художественно интерпретировать Библию, как бы дополнить ее беллетристическим образом, являют собой апокрифы.

Апокриф означает книгу «спрятанную», «потаенную», не признанную Церковью священной, Богом вдохновенной, потому апокрифы были запрещены как книги «отреченные», авторы которых пытались дополнить библейское сказание, раскрыть то, что как бы сокрыто и спрятано в Библии.

На Руси апокрифы любили (о чем свидетельствуют многочисленные списки), они пользовались огромной популярностью, так как в них в доходчивой форме объяснялись сложные явления, которые в текстах Священного Писания были из-

ложены недостаточно ясно для простого человека. Главное внимание при этом уделялось тому, чего не было в Священном Писании.

Апокрифы очень рано стали восприниматься как неортодоксальные, гонимые, неугодные тем или иным церковным направлениям, и поэтому их уничтожали, а те, кому они нравились, их прятали и таким образом появилась «потаенная литература». Неугодные церковной цензуре тексты уничтожались, но не все: многие отправлялись в монастырские библиотеки для изучения (самая большая апокрифическая библиотека находилась на «крайнем острове» – Соловецком). Исследованием этих текстов занимался в 1870-х гг. известный ученый, историк литературы И.Я. Порфирьев (1823–1890)¹.

Апокрифы можно было изымать, сжигать, но невозможно было вытравить их из памяти народной. Из поколения в поколение передавались они устно, претерпевая существенные изменения, превращаясь из запрещенной литературы в «безвредные», разрешенные Синодом тексты. Публиковались они в XIX в. в журналах «Странник» (1861, 1867, 1870), «Душеспасительное чтение» (1872), «Кормчий» (1903, 1906), «Русский паломник» (1907, 1912), «Христианское чтение», «Афонские листки». Некоторые апокрифы печатались с подзаголовком «притча», «легенда». В 2000-х гг. часть их была опубликована в трехтомнике московским издательством «Звонница»² (т. 1: Лилии полевые).

История этих трех книг необычна.

Протоиерей Григорий Пономарев (1914–1997) прошел путь трагический, типичный для многих священников советской эпохи: арест в 1937 г., отбывание наказания по 58-й статье на Колыме, 16 лет заключения в сталинских лагерях. После реабилитации он поступил в Духовную академию в Ленинграде, где посещал библиотеки и делал для себя выписки понравившихся духовных произведений из дореволюционной периодики. После учебы он возвращался домой (в г. Невьянск Свердловской области) с чемоданом, набитым рукописями. Позже они будут перепечатаны им самим на пишущей машинке. После смерти Г.А. Пономарева его архив будет опубликован, в 3 тома вошли поучения духовных старцев, труды русских и зарубежных богословов, а также трогательные рассказы, предания, духовные стихи, поэмы. К сожалению, при публикации не будут указаны источники, материал не систематизирован тематически (по жанровому составу он очень неоднороден). И тем не менее многие из этих произведений представляют интерес как для литературоведов, так и для культурологов.

Так, например, хорошо известно апокрифическое евангелие Фомы Израильянина (или Израильского философа). Предполагается, что написано оно было в Египте около сер. II в. Данный апокриф описывает детство Иисуса от 5 до 12 лет (его иногда называют «Евангелием детства»).

В Евангелиях о детстве Христа говорится крайне мало (только один эпизод). «Дописать» детство Христа берется некий Фома, чье воображением было не слишком-то возвышенным. Так, перед нами предстает достаточно жестокий ребенок, который не только превозносится над своими сверстниками, но и наказывает их страшными болезнями, даже смертью. Единственное безобидное чудо он

¹ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. М.: Индрик. 2005. 288 с.

² Лилии полевые: Восточные сказания, легенды, древние предания, притчи, повести, рассказы, путевые заметки, воспоминания. 7-изд., перераб., испр. М.: Горлица; Курган: Звонница, 2012; Лилии полевые: Крестносцы / Авт.-сост. Е. Кибирева. М.: Апостол веры; Курган: Звонница, 2021; Лилии полевые: Покрывало святой Вероники / Авт.-сост. Е. Кибирева. Курган: Звонница, 2014.

совершает в субботний день – день покоя: лепит на берегу ручья из глины птичек. Когда старшие упрекают его за нарушение Закона, он хлопает в ладоши – и глиняные птички разлетаются. Но это, можно сказать, самое «невинное» чудо из совершенных им.

Совсем иным предстает маленький Христос в притче «В Назарете»: он не просто лепит птичек из глины, но раскрашивает их «пурпурными лучами» зарева: «лучи покрывали их с головы до ног бриллиантовым блеском»¹. Недалеко от Иисуса сидел мальчик, которого звали Иуда, он тоже лепил птичек, но они получались у него не такими красивыми, как у Иисуса. Из зависти, в гневе он раздавил всех своих птичек, а потом начал топтать и тех, что слепил Иисус. И вот тогда Иисус «захлопал в ладоши, чтобы спугнуть их, и закричал: “Улетайте!”» Интересно, что в финале произведения Мария посадила Иуду к себе на колени и, приласкав, сказала ему: «Бедный мальчик! Ты не понимаешь, что поступил так, как ни одно живое существо не смеет поступать <...>. Горе тому человеку, который захочет сравняться с Тем, Кто может солнечные лучи превращать в краску и мертвой глине придавать дыхание жизни»².

В «Евангелии детства» (от Фомы) отрок Иисус очень сурово наказывает своих обидчиков (у одного засохла рука, другой упал замертво; родители, которые пришли к Иосифу пожаловаться на Иисуса, ослепли и т. д.). Видимо, автор хотел изобразить Иисуса умеющим постоять за себя. Однако в созданном образе нет ни любви, ни божественного достоинства, в отличие от притчи «В Назарете», в которой маленький Иисус готов помочь Иуде раскрасить птичек солнечным светом и не наказывает своего обидчика, как это изображено в апокрифе.

Кроме ветхозаветных, новозаветных апокрифов и эсхатологического характера, были известные апокрифические жития, с которыми Церковь боролась на протяжении веков, но искоренить их из памяти народной так и не смогла.

Так, в одном древнем патерике рассказывается о бесенке, который мешал вечерней молитве старца, забравшись в рукомойник. Крестным знаменем преподобный «заклял» нечистого, но согласился его выпустить, если тот споет Херувимскую песню, которой славил Бога, когда был пречистым ангелом. Бесенок вначале отказывается, но потом, вспомнив слова песни благодарения Богу, которой когда-то ангелы приветствовали рождение Христа, поет. Эта песнь – символ чистой и безгрешной души. По преданию, после исполнения Херувимской Господь простил раскаявшегося грешника.

В старообрядческой повести «Како един бес прииде к покаянию» (XIX–XX вв.) после пропетой Херувимской бес обретает первозданное пречистое состояние, в котором пребывал до своего падения, и возвращается на небеса с своему Творцу.

Однако найти тексты этих произведений практически невозможно: Церковь, как уже было сказано выше, всячески боролась с апокрифами. Но они пережили века гонений, сохраняясь или видоизменяясь, как в случае с «Евангелием детства». Те, кому они были дороги, держали их в своей памяти, передавая их из рода в род.

Отражение сюжета закланного беса можно найти в притчах «Покаяние искусителя»³ и «Монах»⁴.

¹ Лилии полевые. Восточные сказания, легенды... С. 54.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 157–170

⁴ Лилии полевые. Покрывало святой Вероники. С. 223–225.

В первой притче бес в человеческом облике является искушать старца. Но тот, умудренный духовным опытом, понимает цель врага и ставит ему условие, чтобы тот рассказал ему о Небе и небожителях и спел Херувимскую. В награду старец обещает свою душу. Просьбу эту бес называет безумной, так как человек не может вынести этого пения, но растает как воск: «...от небесной Херувимской Песни колеблется Небо и содрогается земля!»¹ Далее в притче дается пояснение для читателя, что Херувимская, исполняемая в храме на Литургии, была введена в богослужение при императоре Юстиниане II, а Херувимская небесных сил бесплотных, которой прославляется всемогущество Божие, не известна «падшим сынам человеческим»². Бес прекрасно помнит ее. И он запел. Далее в притче говорится о мелодии Песни: «чудная мелодия вся томилась вдохновением и красотой», «дышала беспрестанной грустью и тоской», дикие звери и птицы застыли, слушая ее, затаив дыхание. Все вокруг замолкло в благоговении. Затем следует описание голоса искушителя, который «то звенел, то ослабевал, и нежно как бы замирал, смолкал, и проникал в самое сердце»³. Исполняя Херувимскую, бес преобразился: от гордыни не осталось и следа; как кающийся грешник, он смиренно склонил голову на грудь, опустив руки.

Искушитель хотел петь для прельщения отшельника, зная, что тот не вынесет ангельского пения и умрет от умиления, однако святые слова Песни подействовали на него самого: «в сердце вошла благодатная теплота Божественной любви <...>, падший дух вспомнил Небо и вечное небесное блаженство <...>, он увидел бездну своего падения...»⁴. Он пел, молился, каялся и плакал, и лик его вдруг просветлел. Разверзлись небеса, и два великих Архангела Божия с радостью обняли своего собрата. Старец же от чудесных звуков, умиленного пения и от всего увиденного умер – «растаял как воск»⁵. Архангел Михаил и Архангел Гавриил, взяли под руки покаявшегося брата, «подхватили и душу подвижника, и с восторгом все четверо вознеслись в открытое небо, в глубину небес, с торжеством и веселием встречаемые всеми Небесными силами»⁶.

Вторая притча меньше по объему, написана белым стихом и в общем-то мало отличается от первой: монах от песни «как свеча истаял от сладостной тайны и дух во слезах его вылился вон»; бес после небесной песни «просветлел, смиренно заплакал, как воск растеплился, на небо, как Ангел, тогда же взлетел, и к Богу с монахом он вместе явился»⁷.

Надо сказать, что еще раннехристианский период – II–III вв. – поднимался вопрос о том, примет ли Бог покаяние дьявола. Ориген (185–254) полагал, что, в конечном итоге, все создания, даже падшие ангелы, будут исправлены и восстановлены Божественной благодатью⁸. Многие из известных богословов разделяли эту точку зрения: Григорий Нисский, Григорий Богослов, Василий Великий. Св. отцы говорили, что Христос – Спаситель всей твари.

Однако на Церковном соборе 543 г. Ориген был осужден как еретик, как и его сочинения, подлежащие истреблению.

¹ Лилии полевые. Восточные сказания, легенды... 162.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 169.

⁷ Лилии полевые. Покрывало святой Вероники. С. 225.

⁸ Теологический энциклопедический словарь / Под ред. Уолтерат Элвелла. М.: Ассоциация «Духовное возрождение», 2003. С. 801.

В древнерусской повести XV в. «О бесе Зерефере» выносится окончательный вердикт: древнее зло новым добром стать не может. Церковь своего мнения на этот счет не изменила, но вера народная в милость Божию ко всем тварям нашла отражение в беллетристической литературе XIX в.: в притчах патерикового характера с апокрифическими элементами, в романах Ф.М. Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

Лилии полевые: Восточные сказания, легенды, древние предания, притчи, повести, рассказы, путевые заметки, воспоминания. 7 изд., перераб., испр. М.: Горлица; Курган: Звонница, 2012. 605 с.

Лилии полевые: Крестоносцы / Авт.-сост. Е. Кибирева. М.: Апостол веры; Курган: Звонница, 2021. 496 с.

Лилии полевые: Покрывало святой Вероники / Авт.-сост. Е. Кибирева. Курган: Звонница, 2014. 543 с.

Теологический энциклопедический словарь / Под ред. У. Элвелла. М.: Ассоциация Духовное возрождение ЕХБ, 2003. 1488 с.

Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. М.: Индрик. 2005. 288 с.

Книга апокрифов. Ветхий и Новый Завет. СПб.: Пальмира, 2018. 374 с.

Новозаветные апокрифы / Сост., коммент. С. Ершова. СПб.: Амфора, 2001. 423 с.

REFERENCES

Lilii Polevyue: Oriental Tales, Legends, Ancient Tales, Parables, Tales, Stories, Travel Notes, Memories. 7th ed., revised, corrected. Moscow. Gorlica Publ.; Kurgan. Zvonnica Publ. 2012. 605 p.

Lilii Polevyue: Crusaders / Ed.: E. Kibireva. Moscow. Apostol Very Publ.; Kurgan. Zvonnica Publ. 2021. 496 p.

Lilii Polevyue: Veil of Saint Veronica / Ed.: E. Kibireva. Kurgan. Zvonnica Publ. 2014. 543 p.

Encyclopedic Dictionary of Theology / Ed.: Walter A. Elwell. Moscow. Publication of the Association of Evangelical Baptist Christians Spiritual Revival. 2003. 1488 p.

Porfiryev I.Ya. (2005) Apocryphal Tales about Old Testament Persons and Events according to Manuscripts of the Solovetsky Library. Moscow. Indrik Publ. 288 p.

Book of Apocrypha. Old and New Testament. St.Petersburg. Palmira Publ. 2018. 374 p.

New Testament Apocrypha / Comp., commentary. by S. Ershov. St.Petersburg. Amfora Publ. 2001. 423 p.

Сведения об авторе:

Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков
и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Cultural Studies
Professor
Faculty of Foreign Languages
and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru

В.В. Обморнова, В.Э. Прошина (Москва, Россия)

Переработка Людвигом Тиком сказок Шарля Перро «Красная шапочка» и «Синяя Борода»

Аннотация: В данной статье рассмотрены две пьесы Людвиг Тика («Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» и «Рыцарь Синяя Борода») в контексте новаторства писателя по отношению к сюжетам Шарля Перро. Трагедия «Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» проанализирована с точки зрения изменения характеров и поведения главных героев, большое внимание уделено трансформации сюжета сказки Шарля Перро. В анализе комедии «Рыцарь Синяя Борода» внимание сосредоточено на фигуре главного злодея, на тонком психологизме Тика и романтическом универсуме произведения. Итогом анализа является выделение наиболее значимых нововведений Людвиг Тика, характерных для обеих пьес и для каждой из них по отдельности.

Ключевые слова: Людвиг Тик, Шарль Перро, волшебные сказки, пьесы, трансформации

V.V. Obmornova, V.E. Proshina (Moscow, Russia)

Ludwig Tieck's Overhaul of Charles Perrault's Fairy Tales "Little Red Riding Hood" and "Bluebeard"

Abstract: This paper studies two plays by Ludwig Tieck ("Life and Death of Little Red Riding Hood" and "Knight Bluebeard") in the context of the writer's innovations introduced to Charles Perrault's stories. The tragedy "Life and Death of Little Red Riding Hood" has been analyzed aiming to show the declination in the main characters and their behavior differ from those in the original and much attention is given to the way Charles Perrault's story is transformed. When analysing "Knight Bluebeard" we mostly concentrate upon the main Villain, upon Tieck's subtle psychologism and the play's romantic universum. The result of the study is demonstrating Ludwig Tieck's most important innovations characterising both plays as well as either of them.

Key words: Ludwig Tieck, Charles Perrault, fairy tales, plays, transformations

Мы провели небольшое исследование и на материале сказок Ш. Перро (1628–1703) «Красная Шапочка» и «Синяя Борода» и пьес Л. Тика (1773–1853): трагедии «Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» и комедии «Рыцарь Синяя Борода» – рассмотрели, как Л. Тик переработал сюжеты известного французского

писателя. Результаты нашего исследования мы представили на конференции, посвященной Людвигу Тику и состоявшейся 24 октября 2023 г.

Проанализируем последовательно каждое из произведений.

Первая часть анализа будет посвящена переработке «Красной Шапочки». Л. Тик пишет «Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» в 1800 г., на 100 лет позже, чем Ш. Перро (1697), назвав ее трагедией. Он изменяет множество деталей произведения, что сказывается и на сюжете. По сказке Ш. Перро, Красная Шапочка, отправившись к бабушке с пирожками, разговорилась с голодным Волком, в результате чего тот узнал расположение домика ее Бабушки, которую он впоследствии съел. Притворившись бабушкой, Волк успевает съесть и Красную Шапочку. Этот основной ход событий Л. Тик не меняет, но добавляет к нему множество деталей, далее отмеченных курсивом: *Волк, жестоко обиженный отцом Красной Шапочки (тот убил его возлюбленную и хотел сдать Волка в цирк, о чем читатель узнает из диалога Волка с Псом), решает в отместку съесть Красную Шапочку.* Он без труда попадает в дом Бабушки (не встречаясь предварительно с Красной Шапочкой), съедает ее, пока Красная Шапочка, *не обращая внимания на предостережения окружающих,* добирается до дома бабушки, где Волк ест и Шапочку. *Охотник, пришедший на крики «плачущих» птиц, убивает Волка.* Эти подробности многое меняют в характеристиках персонажей, особенно Волка, но о героях подробней немного позже. Сейчас же обозначим, что Л. Тик «надстраивает» дополнительные факты и события на существующий «каркас» сказки Ш. Перро, непосредственно меняя в сюжете только встречу Волка с Красной Шапочкой (точнее, убирая ее).

Мы видим также изменения и в системе персонажей: у Л. Тика их становится намного больше. Так, к Красной Шапочке, ее маме и бабушке, Волку добавляются отец Красной Шапочки (внесценический, но любопытный персонаж), охотник, Ханна (подруга Красной Шапочки), Петер (крестьянин) и его невеста, старый крестьянин, Пес, Кукушка, Малиновка, Соловей и другие птицы. Встречи с добавленными героями иллюстрируют новые (в сравнении со сказкой Ш. Перро) черты характера Красной Шапочки, о которых будет сказано позднее, а предостережения зверей, старого крестьянина и Ханны отличают тиковскую переработку от варианта Ш. Перро, в котором Красной Шапочке никто не рассказал об опасности.

Сравним теперь характеры Красных Шапочек.

Красная Шапочка Ш. Перро милая («Шла она... рвала цветы и собирала в букеты»), доверчивая и наивная («– Ладно, – говорит Волк, – я тоже хочу проведать твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придет. <...> А Красная Шапочка пошла по самой длинной дороге. Шла она не торопясь...»).

Совсем другая Красная Шапочка у Л. Тика. Она своенравна, умеет колко отвечать любому («Не нужен мне такой жених как Петер. / Когда я подрасту, невестой став, / Уродлив будет он и слишком стар. / Мой суженый и лучше и моложе. / Надеюсь, и умнее будет тоже. / Ведь иногда не трудно быть умней»), что понимает и невеста Петера: «Глаза горят, и язычок остер, / Она умеет людям дать отпор, / Хотя пока что выросла не слишком, / И с виду безобидная малышка».

Также Красная Шапочка недоверчива и самонадеянна:

Красная Шапочка

<...>

Я с подозреньем отношусь приметам

И говорила только что об этом.

Сколько мне жить, мудрейшая Кукушка?

Ханна

Не слышно даже шепота на ушко.
Ах, бедная, прощаюсь я с тобой,
Так велено безжалостной судьбой.

<...>

Уходит.

Красная Шапочка

На редкость бестолковая девица.

Красная Шапочка Л. Тика любит привлекать внимание, почему и дорожит своим головным убором: «Зеленый цвет – простолюдин, / Его везде всегда полно, / А красный – это господин, / Носить его не всем дано, / Цвет юных губ, цвет краски и огня / И шапочки, такой, как у меня». Красный цвет – это «мировоззрение» Красной Шапочки. Это «юношеский максимализм, дерзость, смелость и в то же время цвет тревоги, опасности» [Логвинова 2014: 8].

Как можно заметить, Красная Шапочка Л. Тика перестает быть безобидной, хотя она все еще любима всеми, воспринимается другими героями как добрая, но своенравная девочка.

Мы уже касались темы предостережений в трагедии Л. Тика. Хотелось бы заострить внимание на их многочисленности и на реакции Красной Шапочки. Приведем самые яркие примеры.

Процитируем диалог Красной Шапочки и старого крестьянина:

Крестьянин

В такую пору вы одни в лесу! / Попасться в лапы волку вы боитесь? / Домой бегите, вечер на носу, / Здесь хищник бродит, а не добрый витязь.

Красная Шапочка

Я к бабушке иду, несу ей ужин, / И мне ни волк, ни ваш совет не нужен.

Крестьянин

А если ты как раз ему нужна? / Вот дети – родились вчера на свет, / Не понимают в жизни ни рожна, / А им уже не смей давать совет!

Красная Шапочка не обращает внимания на приметы:

Красная Шапочка

<...>

Дует на одуванчик.

Не верю в эту ложь! / Весь облетел...

Ханна

Как рано ты умрешь!

Красная Шапочка

Да-да, я завещание составлю / И шапочку тебе оставлю... / Мой облетел, а твой – совсем чуть-чуть, / Как видно, у меня сильнее грудь / И легкие. Ты дуешь еле-еле, / Я много здоровей на самом деле, / И дольше проживу. Меня учила мать / Гаданием любимым пренебрегать.

Красную Шапочку предупреждают звери и птицы, например, Кукушка:

Кукушка

<...>

Ку-ку, ку-ку, волк на пути,

Ку-ку, ку-ку, нельзя идти.

Улетает.

Красная Шапочка

Ку-ку, ку-ку, а смысла мало,
В том, что она сейчас сказала.

Похожая ситуация произошла у Красной Шапочки с Псом:

Пес

<...>

Гав-гав, задумал Волк тебя сожрать!

Красная Шапочка

Беги, гав-гав, пора тебе домой.

Как видно, ты не дружишь с головой.

Очевидно, что окружающие многократно пытаются помочь Красной Шапочке, но самоуверенная героиня пренебрегает чужими предостережениями, в отличие от Красной Шапочки Ш. Перро, которая «не знала, что опасно останавливаться и слушать волка».

Не менее значимые изменения внес Л. Тик в характер и судьбу Волка. Если Волк Ш. Перро был только хитрый («– Ладно, – говорит Волк, – я тоже хочу проведать твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придет»), злой и голодный («Бросился Волк на бабушку и разом проглотил ее. Он был очень голоден, потому что три дня ничего не ел»), т. е. обладал исключительно отрицательными качествами, то Волк Л. Тика напоминает романтического героя.

Волк трагедии озлоблен, хотя прежде он таким не был: «Но в сердце места нет надежде, / В ней месть царит, а не покой, / Теперь уж я не тот, что прежде / И ненавижу род людской». Причина, как выясняется, в том, что люди (конкретно – отец Красной Шапочки) несправедливо обидели Волка: «Я вспоминаю со слезами / Как будто было все вчера / Себя с наивными глазами, / С желаньем пользы и добра. / Я все способности, все силы / Стремился людям посвятить, / Хотел служить им до могилы / И на руках у них почить. / <...> / Я слышал: “Волка надо закопать, / Так, чтобы мог с трудом хвостом вилять / И выбить зубы острым долотом, / Чтоб выгодно продать его потом / Бродячим циркачам. Пусть бродит, как урод, / С медведем в паре веселит народ”».

У Волка из-за этого появляется основной мотив для убийства – месть: «Мне эта месть тем будет дорога, / Что девочка – дочь моего врага. / Враг причинил мне тысячи невзгод, / Я знал, что отыграюсь в свой черед», а уже на втором месте голод: «Пойду по следу. Вот ее маршрут. / Вражда и Голод пусть меня ведут».

Как видим, теперь образ Волка не так однозначен. Волк в чем-то даже заслуживает сострадания. Он похож на романтического героя. По выражению Н.Я. Берковского, Волк прошел «через кризисы и эволюцию» и обладает «законченным мировоззрением» [Берковский 2001: 216].

Итак, подытожим важнейшие смещения смысловых акцентов у Л. Тика. Как можно заметить, произведение Л. Тика намного более психологично. Автора интересуют не столько действия (как Волк пробрался к Бабушке, например), сколько характеры героев и предпосылки их поведения. Так, Красная Шапочка оказывается не наивной девочкой, самостоятельно рассказавшей Волку о нахождении бабушки (Ш. Перро), а самоуверенной героиней, не верящей в приметы и любящей привлекать внимание. Волк же съедает Бабушку и Красную Шапочку не только из-за голода, но и из личной мести, так что у него оказывается дополнительный мотив для убийства.

Наконец, хотелось бы несколько охарактеризовать иронию в переработке Л. Тика. Во-первых, традиционно злой Волк становится возвышенным трагическим героем, что проявляется в его диалоге с Псом, а монологи «страдальца» становятся «пародией на романтическую гиперчувствительность» [Логвинова 2014: 9]: «Сочувствую, друг мой. По совести признаться, / Я б не рискнул с тобою поменяться. / У каждого из нас своя судьба, / Ты добровольно выбрал жизнь раба, / Побои и отсутствие свободы, / И так готов прожить не дни, а годы! / Прости, коль скоро я своею речью / Нанес тебе моральное увечье».

Есть у Л. Тика и ирония по отношению к трагедии: герои его произведения – это приземленные люди, а не возвышенные образы. Возвышенным оказывается только Волк, который, как мы уже сказали, сам становится пародией.

Заметна ирония по отношению к сентиментализму: обыгрывается книга Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Волк говорит о том, что для описания Волчицы нужна книга «Элиза, или же Волчица, какой она должна быть».

Таким образом, Л. Тик, иронизируя над всем возвышенным, выступает за простоту слога, считая, что от этого образы не перестают быть романтическими. Как нам кажется, тиковский вариант сказки «самый изящный и по юмору самый утонченный» [Берковский 2001: 216]. Рассматриваемая трагедия Л. Тика «вводит читателя в мир романтической сказки, где поэтическое перемешано с прозаическим, серьезное со смешным, и где нет ничего застывшего, а есть только вечное течение жизни...» [Логвинова 2014: 10].

Теперь перейдем ко второй части – к переработке сюжета «Синей Бороды». Л. Тик перерабатывает сюжет Шарля Перро, созданный в 1697 г., ровно через 100 лет – в 1797. Так, он пишет комедию в пяти действиях под названием «Рыцарь Синяя Борода». Ему удается в корне изменить произведение, расширить и усложнить его структуру и универсум, не меняя основного сюжета-«каркаса» и концовки: братья молодой жены Синей Бороды спасают ее от злодея, вовремя поспев и убив его. Но этой развязке предшествуют многочисленные перипетии, сложные конфликты, философские споры, которых нет в исходном сюжете. Так, мы видим здесь несколько сюжетных линий, которые, в первую очередь, представляют собой любовные истории: Анны и Рейнгольда, Бригитты и Леопольда, Винфрида и Агнессы. Эти сюжетные линии пересекаются и находят логичное завершение в конце комедии, когда «все персонажи собираются в замке Синей Бороды, приехав туда каждый со своей просьбой» [Логвинова 2014: 11].

Л. Тик переносит действие народной французской сказки в средневековую Германию. «События разворачиваются на фоне бытовых сцен в таверне, комического описания сражения и пленения Петером Бернером [Синей Бородой. – прим. автора] шута Клауса и советника» [Логвинова 2014: 11–12]. Также здесь, в отличие от исходного сюжета, где «сестра главной героини появляется как будто из ниоткуда», Л. Тик в самом начале знакомит читателя с семьей Агнессы: это ее сестра, три брата, крестный. И у каждого из этих персонажей своя роль в сюжете, и очень важная.

Мы видим здесь и сложно прописанные характеры, много внутренних монологов, философских рассуждений. Разговоры на экзистенциальные темы, «которые ведут все без исключения персонажи, напоминают средневековые диспуты». Это «ироническое подобие известных “судов любви”, принятых в XII–XIII вв.» [Логвинова 2014: 12]. Так, в Средние века благородные рыцари «любили упражняться в остроумии, обсуждая вопросы любви» [Иванов 1915: 41–44]. В пьесе Л. Тика мы встречаем монологи шута о тщетности человеческого бытия, монолог

Леопольда о мужчинах (что должно и что не должно делать мужчине), монолог старухи Мехтильды о красоте и старости, монологи Симона о даре прорицателя, о сумасшествии, монолог Агнессы о любопытстве.

Особое мастерство Л. Тика мы видим в том, как тонко и искусно он создает образ Синей Бороды и его психологический портрет. Во-первых, он дает герою настоящее имя: Петер Бернер. Персонаж вводится в сюжет через слухи: все говорят о том, что он ведет войны, он отвратителен из-за своей синей бороды, его все боятся. Тайна о том, что Петер сделал со своими предыдущими женами, покрыта мраком. Потом Синяя Борода предстает непосредственно на поле боя: он берет в плен двух представителей семьи Фридрихейм и убивает их, потому что им не удается убедить его своим ораторским искусством.

В сюжете пьесы Л. Тика «Синяя Борода» предстает как пародия на романтического героя. В его уста вложен большой монолог о женском любопытстве, достойный гения Шекспира» [Логвинова 2014: 12]: он высокопарно рассуждает о «проклятом любопытстве», принесшем грехопадение «в еще невинный мир», «напитавшее ядом» всех дочерей «праматери рода человеческого» и «отравляющего своим дыханием обманутого мужчину», которому лгут «предательские» женские ласки. Петер упрекает весь женский род в их «искусстве лжи».

Согласно Логвиновой, «для этого героя нет ничего порочнее любопытства, потому что оно сопряжено с ложью». Она пишет, что Л. Тик представил «сказочного персонажа неоднозначным, оправдывающим свои преступления благородной целью спасти мир от лжи, проистекающей от любопытства». Внося в сказочный сюжет психологические и бытовые подробности из жизни Петера, Л. Тик «намечает на какой-то данный этим рыцарем обет в отношении женской половины рода человеческого с его «позорным любопытством» [Логвинова 2014: 13].

«Одно из объяснений странного поведения Синей Бороды мы находим в диалоге с доктором: оказывается, Петер стесняется цвета своей бороды и едва сдерживает свой гнев на все человечество» за то, что носит ее [Логвинова 2014: 13]. Также здесь важно отметить, что единственным человеком, который понимает Петера, оказывается злая на весь мир дряхлая старуха Мехтильда, его домоправительница. Она так же абсолютно одинока, как и он, о чем говорит ее монолог об утраченной молодости и красоте, где мы видим подлинное и искреннее сожаление об ушедшем и уже далеком прошлом. Она до последнего остается на стороне злодея и, когда его убивают в конце пьесы, трагично выбрасывается из окна.

«Уже в самом начале Петер раскрывает мотивы своих поступков» [Логвинова 2014: 14]. Так, в разговоре с Агнессой о любви рыцарь честно заявляет: он скромный человек, а не искусный оратор, он может сказать лишь честное «я люблю», которому надо верить на слово. И оказывается, что Петер не лжет. Он «любит и безуспешно ищет свой идеал. Но ему мешают недостаток образования (в начале пьесы говорится, что Синяя Борода – мужлан и невежда, получил свои богатства во время набегов на соседние замки) и романтический максимализм. Если бы не таинственное исчезновение шести прежних жен, то ему можно было бы многое простить в его прямом и вспыльчивом характере. По Л. Тику, главный порок этого рыцаря – жестокость» [Логвинова 2014: 15].

Интересен универсум комедии: «персонажи сказки о Синей Бороде делятся на обывателей и мечтателей. Обыватели живут своей обычной жизнью и не замечают ничего особенного вокруг себя. Таковы Петер Бернер, Клаус, Советник, отец Бригитты. Напротив, Симон, брат Агнессы, мучается предвидениями, не может уснуть, предчувствуя несчастье. Этим Л. Тик объясняет то счастливое обстоя-

тельство, что братья Агнессы вовремя примчались в замок Синей Бороды и убили злодея. Открыты волшебству и Анна, Агнесса, Бригитта, а также Винфрид, Рейнгольд и Леопольд» [Логвинова 2014: 15]. Фигура Симона, брата Агнессы, особенно примечательна. В начале произведения он показан как сумасшедший, который бредит тем, что якобы видит будущее, находится, судя по всему, в состоянии психоза и ни при каких обстоятельствах не соглашается принимать пилюли, прописанные уже уставшим от него доктором. В итоге же его фигура становится ключевой: оказывается, что Симон настоящий провидец, и именно благодаря его способности видеть будущее братьям удается спасти Агнессу от Петера Бернера.

Текст пьесы также интересен ярко выраженным историко-литературным контекстом и изобилием песен и литературных аллюзий. Апеллируя к немецкому фольклору, Л. Тика насыщает пьесу песнями: вначале несколько лиричных песен о любви поет Анна, играя на лютне, затем – охотничья залихватская песня после свадьбы Петера и Агнессы, далее – крестьянская песня, песня во время кутежа пьяных слуг и, наконец, песня Леопольда Бригитте, которую он исполняет у ее двери, после чего похищает ее из отцовского дома.

Также текст полон аллюзий на немецкую литературную традицию, как на рыцарей, так и на известных плутов. Упомянуты биографии римских императоров (Светоний «Жизнь двенадцати Цезарей»; «Песнь о Трое» Герборта фон Фрицлара). В сцене, где Ульрих обрушивается на жонглера Винфрида за его развязность, упоминается Гансвурст – комический персонаж немецкого народного театра, Роланд, Рейнальд фон Монтальбан – рыцарь, появившийся в XII в. во французской *chanson de geste* «Четыре сына Аймона», Дикий охотник (в Средние века миф о Дикой Охоте был распространен в Германии). Также в тексте появляются характерные для времени «профессии»: есть жонглер, мейстерзингер (немецкий поэт из цеховых ремесленников), маркитанты, паладин (рыцарь из высшего сословия), фигляр, шпильман (средневековый бродячий артист), юнкер (в первоначальном немецком значении «молодой господин»).

Относительно данной пьесы верна мысль Н.Я. Берковского, который заметил, что комедия Л. Тика – это борьба со сказочным сюжетом, который автор «засыпает песками мещанской бытовой драмы», но «огонь сказки вырывается то здесь, то там, живучий и неугасимый» [Берковский 2001: 216].

Итак, проанализировав два текста Л. Тика, основой для которых послужили сюжеты Шарля Перро, мы увидели, что новаторство Л. Тика заключается в целом ряде изменений и создании новых граней сказочного сюжета, перемешанного с тонкой иронией и иногда даже сатирой, с глубокими конфликтами и сложными связями между персонажами. Также важно отметить, как интересно преломляется в пьесах Л. Тика комическое и трагическое: несмотря на то что «Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки» – трагедия, текст ее изобилует комическими моментами, проявляющимися более всего в иронических высказываниях Красной Шапочки. Так, например, она говорит об отце: «Лекарство у отца на все одно – / Бесцветное прозрачное вино. / Рецепт: перед едой, три раза в день. / Ему лечиться никогда не лень. / Сказал наш пастор, что такое постоянство / Есть не лечение, а хроническое пьянство. / Но папа с пастора пример берет, / Который ведь гораздо больше пьет».

С пьесой «Рыцарь Синяя Борода» все ровно наоборот: несмотря на то что это комедия, она насыщена философскими рассуждениями, размышлениями на экзистенциальные темы, большими, глубокими и подчас по-настоящему мрачными, печальными и трогательными монологами, лиричными песнями. Таким образом, весь текст пьесы пронизан подлинным трагизмом.

И, конечно, стоит сказать, что в обеих пьесах высмеиваются некоторые клише романтизма, а главные мужские персонажи предстают как пародии на романтического героя.

ЛИТЕРАТУРА

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб: Азбука-классика, 2001. 512 с./

Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. Пг.: Книгоиздательство товарищества «Петроградский учебный магазин», 1915. 349 с.

Логвинова И.В. Из истории переводов сказок Шарля Перро и Людвиг Тика на русский язык // Красный Капюшончик = Le Petit Chaperon rouge; Синяя Борода = La Barbe bleue / Шарль Перро; пер. с фр. А. Рапопорта. Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки = Leben und Tod des kleinen Rotkäppchens; Рыцарь Синяя Борода = Ritter Blaubart / Людвиг Тик; пер. с нем. А. Рапопорта. М.: Русский импульс, 2014. С. 6–16.

Красный Капюшончик = Le Petit Chaperon rouge; Синяя Борода = La Barbe bleue / Шарль Перро; пер. с фр. А. Рапопорта. Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки = Leben und Tod des kleinen Rotkäppchens; Рыцарь Синяя Борода = Ritter Blaubart / Людвиг Тик; пер. с нем. А. Рапопорта. М.: Русский импульс, 2014. 191 с., ил.

Charles Perrault, Les Contes de Perrault, édition Féron, Casterman, Tournai, 1902: studfile.net/preview/8750271/page:4/

REFERENCES

Berkovsky N.Ya. (2001) Romanticism in Germany. St. Petersburg. Azbuka-Klassika Publ. 512 p.

Ivanov K.A. (1915) Troubadours, Trouvères and Minnesingers. Petrograd. Book publishing company “Petrograd educational store”. 349 p.

Logvinova I.V. From the History of Translations of Fairy Tales by Charles Perrault and Ludwig Tieck into Russian. In: Red Hood = Le Petit Chaperon rouge; Bluebeard = La Barbe bleue / Charles Perrault; transl. from French by A. Rapoport. The Life and Death of Little Red Riding Hood = Leben und Tod des kleinen Rotkäppchens; Knight Bluebeard = Ritter Blaubart / Ludwig Tieck; transl. from German. by A. Rapoport. Moscow. Russky Impuls Publ. 2014. Moscow. Russky Impuls Publ. 2014, pp. 6–16.

Red Hood = Le Petit Chaperon rouge; Bluebeard = La Barbe bleue / Charles Perrault; transl. from French by A. Rapoport. The Life and Death of Little Red Riding Hood = Leben und Tod des kleinen Rotkäppchens; Knight Bluebeard = Ritter Blaubart / Ludwig Tieck; transl. from German. by A. Rapoport. Moscow. Russky Impuls Publ. 2014. 191 p., ill.

Charles Perrault, Les Contes de Perrault, édition Féron, Casterman, Tournai, 1902: studfile.net/preview/8750271/page:4/

Сведения об авторах:

Виктория Владимировна Обморнова, студентка филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова	Victoria V. Obmornova, Student Philological Faculty Lomonosov Moscow State University
	e-mail
Виктория Эдуардовна Прошина, студентка филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова	Victoria E. Proshina, Student Philological Faculty Lomonosov Moscow State University vicproshina@gmail.com

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем
на русском языке (1836–2022): дополнения**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in
Russian (1836–2022): Supplements**

1836

ЛИТЕРАТУРА

Андросов В.П. Ревизор, комедия, в пяти действиях, соч. Н. Гоголя // Московский Наблюдалатель. 1836. Май. Кн. 1. С. 120–131.

1841

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Гоголь <Н.В.>. Новые сцены к комедии Ревизор // Москвитянин. 1841. Ч. II. № 4. С. 578–593.

1842

ЛИТЕРАТУРА

<Масальский К.П.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 1–30.

1869

ЛИТЕРАТУРА

Церковь Святителя Николая в селении Диканька Полтавской губернии // Полтавские Епархиальные Ведомости. Полтава, 1869. № 6.

[В частности, о Гоголе.]

1887

ЛИТЕРАТУРА

Некрасов И.С. Значение Гоголя в истории русской литературы // <Некрасов И.С.> О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции орд. проф. И.С. Некрасова. Одесса: Тип. «Одесского Вестника», 1887. С. 19–38.

1892

ЛИТЕРАТУРА

Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольник // Исторический Вестник: историко-литературный журнал. 1892. № 12. С. 774–779.

1898

ЛИТЕРАТУРА

Соколов Д.Д. Значение Козельской Введенской Оптиной Пустыни в XIX столетии / Сост. преимущественно по письмам православных иерархов и отзывам других лиц Д.Д. Соколов. Вып. 1: Оптинское старчество и его влияние на монашествующих и мирян. Калуга: Типография Губернского правления, 1898. [2], 34 с.

[В частности, о Гоголе.]

[Переиздано: *Соколов Д.Д.* Оптинское старчество и его влияние на монашествующих и мирян. Козельск. Изд-во Свято-Введенской Оптиной Пустыни. Без г. изд., [2000?] 64 с.: ил. Текст печ. в современной орфографии и пунктуации с исправлениями и дополнениями.]

[О Гоголе: С. 48–50.]

1909

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь и провинция // Слово. 1909. 20 марта.

Жилкин И. На могиле Гоголя // Слово. 1909. 22 марта.

Оссовский А. Женитьба. Опера М. Мусоргского // Слово. 1909. 23 марта.

Чужой [Эфрос Н.Е.] На могиле Гоголя // Речь. 1909. 23 марта.

Юбилейный сборник рисунков известных художников к произведениям Н.В. Гоголя. 1809–1909. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского Общества грамотности, 1909. 72 с.: ил.

Майская ночь. Рис. худож. Н.Н. Герардова.

Сорочинская ярмарка. Рис. худож. Н.Н. Герардова.

Вечер накануне Ивана Купала. Рис. худож. Н.Н. Герардова.

Коляска. Рис. худож. Б.М. Кустодиева.

Шинель. Рис. худож. Б.М. Кустодиева.

Заколдованное место. Рис. худож. А.И. Ромаиова.

Пропавшая грамота. Рис. худож. А.И. Ромаиова.

Ночь перед Рождеством. Рис. худож. Д.М. Гаврильцева.

1910

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. 4-е доп. изд. М., 1910. 267 с.
[Указ. имен.]

1915

ЛИТЕРАТУРА

Сперанский, М.Н. К рисунку Н.В. Гоголя // Беседы: сборник Общества истории литературы в Москве. I. М., 1915. С. 54.
[О рисунке Гоголя обложки к «Мертвым душам».]

1916

ЛИТЕРАТУРА

Лернер Н. Диканька // Столица и усадьба: журнал красивой жизни. СПб., 1916. 15 сентября. № 66.
[В частности, о Гоголе.]

1930

ЛИТЕРАТУРА

Прокофьев П. <Чижевский Дмитрий.> Религиозная утопия Ал.А. Иванова // Путь. Париж, 1930. № 24 (октябрь). С. 41–57.
[В частности, А.А. Иванов и Гоголь.]

Борисов Д.М. Пушкин у Гоголя // Литературный Саратов: альманах. Саратов, 1937. № 3.
[Перепечатано: *Борисов Д.М.* Пушкин у Гоголя / [Вступ. заметка: А.И. Ванюкова] // Волга-XXI век: литературно-художественный журнал. Саратов, 2014. № 7–8. С. 140–149.
Загл. вступ. заметки: Слово и Тайна. С. 139.]

1971

ЛИТЕРАТУРА

Губарев И.М. Трагедия личности в повести Гоголя «Записки сумасшедшего» // Актуальные проблемы литературы. Ростов-на-Дону: Ростовский-на-Дону гос. педагогический ин-т, 1971. С. 138–148.

1978

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Шинель: повесть / Рис. Г. Бедарева. М.: Детская литература, 1978. 32 с.: ил. – (Школьная библиотека).

1979

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Портрет: повесть / Литографии. Е.А. Кибрика. М.: Художественная литература, 1979. 87 с.: ил. 20000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Жук А.А. Сатира натуральной школы / Под ред. Е.И. Покусаева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. 233 с.

[Указ. имен.]

1981

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Женитьба / Худож. М. Майофис Л.: Искусство, 1981. 120 с.: ил.

Ночь перед Рождеством: повесть / Предисл. И.Л. Вишневской; рис. М. Соколова. М.: Детская литература, 1981. 63 с.: ил.

Загл. предисл.: О повести Гоголя. С. 3–10.

1983

ЛИТЕРАТУРА

Воропаев В. Книги для Гоголя // Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 13 / Сост. В.И. Калугин. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 128–142.

[Публ. «Реестр книгам, Отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня». С. 136–141.]

1985

ЛИТЕРАТУРА

Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв.: тезисы научной конференции / Таллинский педагогический ин-т им. Э. Вильде; отв. ред. В. Невердина. Таллин, 1985. 125 с.

Из содерж.:

Белькинд В.С. Горе от ума и счастье от глупости. С. 19–22.

[Грибоедов и Гоголь (комедия «Ревизор»)].

Михед П.В. Гоголь и Сильвио Пеллико. С. 23–25.

Пустыгина Н.Г. Принцип приближения / удаления в творчестве Н.В. Гоголя. С. 91–94.

Белоусов А.Ф. Процесс познания как художественная проблема («петербургские» повести в «Арабесках»). С. 94–98.

Исупов К.Г. Эстетика истории в «Риме» Гоголя. С. 98–100.

Овчинникова С.Т. Пушкин в Москве. М.: Советская Россия, 1985. 256 с.: 8 л. ил.

[Указ. имен.]

1987

ЛИТЕРАТУРА

<Зелинский В.Б.> Посвящение Н.В. Гоголю: Линогравюры и монотипии В.Б. Зелинского: альбом / [Вступ. заметка] Б.Е. Ефимова; вступ. статья Ю.П. Кузнецовой. М.: Изобразительное искусство, 1987. 48 с.: ил.

Вступ. заметка. С. 3.

Вступ. статья. С. 4–8.

Примеч. С. 48.

1988

ЛИТЕРАТУРА

Наследие Н.В. Гоголя и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (Нежин, 24–26 мая 1988 г.) / Черниговский областной филиал Союза писателей Украины, Черниговская областная организация общества «Знание», Нежинский гос. педагогический ин-т им. Н.В. Гоголя; редкол.: Г.В. Самойленко (отв. ред.), Н.Н. Арват, Н.М. Жаркевич, А.Б. Живоглядов, Е.Н. Михальский, П.В. Михед. Нежин: Нежинский гос. педагогический ин-т, 1988. На рус. и укр. яз.

Ч. 1. 107 с.

Из содерж.:

Самойленко Г.В. Н. Гоголь – наш современник. С. 3–5.

Н.В. Гоголь и отечественная культура XVIII – первой половины XIX века:

Жаркевич Н.М. Нежинский период жизни Н.В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов (К постановке проблемы). С. 7–8.

Михальский Е.Н. Н.В. Гоголь и эстетическое сознание первой трети XIX века. С. 8–9.

Тихомиров В.Н. Гоголь и просветительство. С. 9–11.

Михед П.В. О нежинской литературной школе. С. 11–12.

Химчак В.В. К вопросу о синтетическом таланте Н.В. Гоголя. С. 12–13.

Супронюк О.К. Из разысканий о Г.И. Высоцком – адресате нежинских писем Н.В. Гоголя. С. 13–14.

Кошелев В.А. Мотив «странствия» в юношеской поэме Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен». С. 14–15.

Радецкая М.М. Концепция образа Гоголя в историко-биографической прозе 70–80-х годов. С. 16–17.

Дубравин В.В. Путь Н.В. Гоголя к музыке. С. 17–18.

Евсеев Ф.Т. Поэтика «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя в ее отношении к народной сказке. С. 18–19.

Журавлева Н.Н. Гоголь о первых изданиях украинского фольклора (на эпистолярном материале). С. 19–20.

Душечкина Е.В. «Ночь перед Рождеством» и традиция русского святочного рассказа. С. 21–22.

Короленок А.И. Фольклор и некоторые принципы художественного отображения действительности в «Тарасе Бульбе» и «Мертвых душах» Н. Гоголя. С. 22–23.

Шаврыгин С.М. Зеркало духа или зеркало быта? С. 23–24.

[Гоголь и А.А. Шаховской.]

Луцевич Л.Ф. Гоголь и Карамзин. С. 24–25.

Калашишникова О.Л. Традиции русского реально-бытового романа XVIII века в творчестве Гоголя. Гоголь и Чулков. С. 25–26.

Митюрев С.Н. «Мертвые души» Н. Гоголя и традиция русской воспитательной прозы. С. 27–28.

Плосконенко Е.А. Фонвизин и Гоголь. С. 28.

Мусий В.Б. Проблема целостности мира в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и фантастических повестях О.М. Сомова. С. 28–29.

Денисов В.Д. О жанровой природе «Арабесок» Н.В. Гоголя. С. 29–30.

Слюсарь А.А. Преобразование жанра идиллии в прозе А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. С. 30–31.

Смирнов А.А. Романтическая основа лирических отступлений в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 31–32.

Викторович В.А. Гоголь и Лажечников. Пути русской исторической прозы (вопросы типологии). С. 33.

Смаглюк Л.А. К проблеме типологической общности творчества Лермонтова и Гоголя в 30-е годы XIX века. С. 33–34.

Александров А.В. Сюжетные мотивы в «Страшной мести» Н.В. Гоголя и «Вадиме» М.Ю. Лермонтова. С. 34–35.

Гулак А.Н. Традиции Н.В. Гоголя в повестях и рассказах Казака Луганского (В.И. Даля). С. 35–36.

Анненкова Е.И. Гоголь и Герцен в 40-е годы. С. 36–37.

Мацапура В.И. «Вечера на хуторе близ Диканьки» в восприятии И.Я. Посяды. С. 37–38.

Традиции Н.В. Гоголя в русской литературе XIX – начала XX века:

Родионов И.М. Н.В. Гоголь и Ф.И. Тютчев (Об идейных сближениях). С. 40–41.

Козлова М.И. Традиции драматургии Н.В. Гоголя в ранних комедиях А.Н. Островского. С. 41–42.

Литвиненко Л.С., Яценко Н.Ф. Художественное воплощение истории в творчестве Н.В. Гоголя и А.Н. Островского. С. 42–43.

Салтанова И.М. Гоголевская традиция в исторической прозе Г.П. Данилевского. С. 43–44.

Зарва В.А. Гоголевские традиции в «украинской» прозе Н.С. Лескова. С. 44–45.

Зябрева Г.А. К вопросу о функционально-типологической близости произведений Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. С. 45–46.

Ауэр А.П. Н. Гоголь в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина. С. 46.

Амбокадзе Л.С. Н.В. Гоголь и теоретико-литературное наследие М.Е. Салтыкова-Щедрина. С. 47.

Кривонос В.Ш. Н. Гоголь и Л. Толстой (проблема изображения человека). С. 47–48.

Алексеев П.П. Гоголевские «реминисценции» в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». С. 48–49.

Абрамович С.Д. «Мертвая душа» в идейно-эстетической системе А.П. Чехова и гоголевская традиция. С. 49–50.

Нагорная Н.М. Гоголевская традиция в зрелой прозе А.П. Чехова («Мертвые души» и «Степь»). С. 50–51.

Панич А.О. Гоголевская традиция в прозе Чехова (принципы организации художественного хронотопа). С. 51.

Удалов В.Л. Гоголь и Чехов (о преемственности в драматургии). С. 52.

Приходько В.С., Никителова Н.Л. Гоголевские традиции в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. С. 53.

Мазур Р.А. Н.В. Гоголь и В.Г. Короленко. С. 53–54.

Московкина И.И. Развитие гоголевской концепции «маленького человека» в прозе Л. Андреева. С. 54–55.

Краевская Г.М. Традиции Н.В. Гоголя в творчестве А.И. Куприна. С. 55–56.

Евстафьева Е.Н. Оценка Н.В. Гоголя в эпистолярном наследии М. Горького. С. 56.

Бобырь А.В. Особенность брюсовской интерпретации творчества Н.В. Гоголя (статья «Испепеленный»). С. 56–57.

Зверева Л.И., Мафтин Л.В. Н.В. Гоголь в художественном восприятии и творческой практике раннего Алексея Толстого. С. 57–58.

Традиции Н.В. Гоголя в русской советской и многонациональной литературе:

Мекш Э.Б. Н.В. Гоголь в жизни и творчестве С.А. Есенина. С. 60–61.

Бахматова Г.Н. Поэтика Н.В. Гоголя и орнаментальная проза первой четверти XX века. С. 61–62.

Тер-Оганесян И.С. Ю. Тынянов и М. Булгаков – интерпретаторы Гоголя. С. 62–63.

Кобзев Н.А. Категории фантастического у Н. Гоголя и А. Грина. С. 63–64.

Русова С.Н. Петербургские повести Гоголя и раннее творчество Заболоцкого. С. 65–66.

Степанов Н.С. Традиции Н.В. Гоголя-сатирика в творчестве Л. Леонова. С. 67.

Волковинский А.С. Гоголевские традиции в поэтике прозы В.П. Катаева. С. 67–69.

Давшан А.Н. Творчество Н.В. Гоголя в эстетической системе М. Пришвина. С. 69–70.

Колесниченко Т.В., Олейник Н.П. Особенности выражения авторской позиции в произведениях В. Маканина и традиции Гоголя. С. 70–71.

Свербилова Т.Г. Драматургия Гоголя и развитие жанра трагикомедии в русской литературе XX века. С. 71–72.

Лиокумович Т.Б. Гоголь в творческой судьбе Якуба Коласа. С. 72–73.

Ненадовец А.М. Влияние Н.В. Гоголя на становление классика белорусской литературы Якуба Коласа. С. 73–74.

Мельникова Л.В. Гоголевские традиции в белорусской драматургии. С. 74–75.

Дидебулидзе Д.О. Николай Васильевич Гоголь и грузинские классики. С. 75–76.
Тухарели Д.А. Н.В. Гоголь и грузинская общественность XIX века. С. 76–77.
Тригуб А.И. Традиции Н. Гоголя в казахской литературе. С. 77–78.
Бегеева Д.А. Драматургия Н.В. Гоголя и киргизский национальный театр. С. 78–79.
Грачева А.Д. Гоголь и Туркмения. С. 79–80.
Владимиров Е.В. Традиции Н.В. Гоголя в чувашской прозе. С. 89–81.

Н.В. Гоголь и украинская литература:

Волков А.Р. «Тарас Бульба Н.В. Гоголя, «Каневский замок» С. Гощиньского и «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко (типологическое сопоставление). С. 85–86.
Ткачук Н.П. Гоголевская концепция «маленького человека» и новаторство Панаса Мирного в повести «Пьяница». С. 86–87.
Рысак А.А. Н.В. Гоголь в переводах Леси Украинки (на материале «Пропавшей грамоты»). С. 89–90.
Олейник В.М. Н.В. Гоголь и пролетарские украинские поэты конца XIX – начала XX века. С. 90–91.
Турган О.Д. Н.В. Гоголь и Степан Васильченко. С. 93–94.
Малахатко Л.И. Гоголь и Довженко. С. 95–96.
Яковенко Т.В. К проблеме переводческой интерпретации украинского колорита ранних повестей Н.В. Гоголя («Майская ночь, или Утопленница», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») в переводе М. Рыльского. С. 99–100.
Заморий Т.П. Наследие Гоголя и творчество Олеса Гончара. С. 100.
Гаевская Н.М. А. Малышко и Н. Гоголь. С. 101–102.
Ковальчук А.Г. Театрализация как принцип построения мира художественного произведения (развитие гоголевских традиций в украинской лирико-химерической прозе). С. 102–103.
Ч. 2. 103 с.

Из содерж.:

Наследие Н.В. Гоголя в современном прочтении и научном истолковании:

Белоусов А.Ф. Изображение городской молвы в творчестве Гоголя. С. 3.
Козубовская Г.П. Поэтика зеркала в прозе Н.В. Гоголя. С. 4–5.
Громова Т.Н., Хома Т.В. Этические проблемы и спецификация их художественного воплощения в творчестве Н.В. Гоголя. С. 6.
Чумак Т.М. Жанровое своеобразие повести Н.В. Гоголя «Страшная месть». С. 7–8.
Алексеенко С.И., Синицкий В.В. Место и роль фантастики в творчестве Н.В. Гоголя. С. 8–9.
Звиняцковский В.Я. «Тарас Бульба» в современном литературоведении: от полноты информации к точности интерпретации. С. 9–10.
Мкртчян К.Л. Художественный мир петербургских повестей Н.В. Гоголя. С. 10–11.
Агаева Т.И. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя в литературно-критической интерпретации 30–40-х годов XIX века. С. 11–13.
Волошина Л.Б. К вопросу о стиле повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 13.
Куцанова Т.С. Соотношение реального, фантастического символического в повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 14–15.
Волкова Л.П. К вопросу о «положительном герое» в драматургии Гоголя. С. 15–16.
Цилевич Л.М. Сюжето-композиционная система комедии Гоголя «Ревизор». С. 16–17.
Ершов В.О. «Альфред» Н.В. Гоголя как политически аллегорическая драматическая хроника. С. 17–18.
Гольденберг А.Х. Древнерусская дидактическая традиция в системе художественных оценок персонажей поэмы «Мертвые души». С. 18–19.
Губарев И.М. Положительный герой поэмы Гоголя «Мертвые души» (Образ автора). С. 20–21.
Звозников А.А. «Мертвые души»: жизнь во времени (К проблеме историко-функционального изучения). С. 21–22.
Переверзева Н.А. Своеобразие мифопоэтического подтекста в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 22–24.
Ткаченко И.Д. Поэтика пейзажа в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 24–25.
Данилова В.В. Художественный алогизм и его функции в структуре «Мертвых душ». С. 25–26.
Рыбинцев И.В. Природа художественной детали и ее роль в изобразительной системе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 26–27.
Погорельцев В.Ф. Противоречия Гоголя в трактовке «маленького человека». С. 27–28.
Лукичева З.В. Книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» в автооценках. С. 28–30.

Пивкач О.М. К вопросу о степени взаимопроникновения литературно-критических статей Н.В. Гоголя и его художественных произведений. С. 30–31.

Мазуркевич А.Р. Несжатая полоса в наследии Гоголя (Об «Учебной книге словесности»). С. 31–33.

Гайнцева Э.Г. Н.В. Гоголь в литературной критике «Русского вестника» 1870 – начала 80-х годов. С. 33–34.

Смирнов В.Б. Н.В. Гоголь в историко-литературной концепции А.М. Скабичевского. С. 34–35.

Милешин Ю.А. Кафка и Гоголь. С. 35–37.

Живоглядов Л.А. Гоголь в англоязычных переводах. С. 37–38.

Гоголь в школе:

Варинская А.М. «Образ автора» и изучение повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в школе. С. 40–41.

Ступинский В.Я. Использование элементов литературных взаимосвязей по изучении новеллы А. Довженко «Мать» в 6 классе в сопоставлениях с повестью Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 41–42.

Ржевская З.М. Школьный анализ драматического произведения. С. 43–44.

[На материале комедии Гоголя «Ревизор».]

Гречинская В.С. Изучение комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в 7 классе (с учетом жанровой специфики). С. 44–45.

Звагельская И.Б. Опора на родную литературу в процессе изучения комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в украинской школе. С. 45–46.

Бурбак Е.Ф. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в лингвострановедческом аспекте (К методике углубленного познавательного чтения). С. 46–48.

Шевченко З.А. Прием комментированного чтения в процессе анализа поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 49–50.

Пахомова Т.А. Изучение лирических отступлений поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» как методическая проблема. С. 50–51.

Симакова Л.А. Активизация познавательной деятельности учащихся в процессе изучения поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 51–52.

Тюнин А.П. Чтобы классика заговорила (активизация эмоционального восприятия поэмы Н.В. Гоголя школьниками). С. 52–54.

Олифиренко В.В. Обогащение представлений учащихся о личности автора художественного произведения (на материале творчества Н.В. Гоголя и Марко Вовчок в 8 классе). С. 54–55.

Шульженко В.Г. Формирование творческого читателя в процессе внеклассного изучения творчества Н.В. Гоголя. С. 55–56.

Мирошниченко Л.Ф. Активизация творческой деятельности учащихся при изучении произведений Н.В. Гоголя на уроках внеклассного чтения. С. 56–57.

Доманский В.А. Н.В. Гоголь на факультативных занятиях по русской литературе. С. 58–59.

Язык и стиль произведений Н.В. Гоголя:

Дроздовский В.П. Речетворческий спектр в произведениях Н.В. Гоголя. С. 61–62.

Арват Н.Н. Описание как компонент структуры текста (повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть»). С. 62–63.

Колмогорцева Н.М. Роль композиции в структуре текста (на материале повести Н.В. Гоголя «Невский проспект»). С. 64–65.

Сидоренко В.А. Соотношение различных видов информации в художественном тексте (на материале повести Н.В. Гоголя «Портрет»). С. 65–66.

Левкив М.Н. Порождение юмористического начала на композиционно-речевом уровне текста (на материале повести Н.В. Гоголя «Коляска» и рассказов А.П. Чехова «Невидимые миру слезы»). С. 66–67.

Гриценко Р.М. Лексический повтор как средство организации текста в творчестве Н.В. Гоголя. С. 67–68.

Тарасинская И.З. Повторение в произведениях Н.В. Гоголя. С. 68–69.

Шульжук К.Ф. Стилистические функции синтаксических единиц в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». С. 69–70.

Ризван Л.В. Лингвистические сигналы полифонии в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 70–71.

Евдокимова Л.И. О некоторых особенностях эпистолярного языка Н.В. Гоголя. С. 71–72.

Галич В.Н. Лингвостилистика украинских антропонимов в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 72–73.

Радковская Э.В. Особенности антропонимии Н.В. Гоголя в сборниках повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». С. 74–75.

Алексеевко М.А. Гоголевские аллюзивные антропонимы в языке произведений В.И. Ленина. С. 75–76.

Стрелкова Н.М. Имена собственные (фамилии и прозвища), их смысл и роль в произведениях Н.В. Гоголя. С. 76–77.

Зайковский В.Б. К вопросу о происхождении имени Вий. С. 77–78.

Пономаренко Л.А. Поле компаративности в произведении Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». С. 78–80.

Бойко Н.И. Лингвистическая природа сравнений поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 80–81.

Коломиец Л.И., Майборода А.В. Этимологические разыскания к фразеологизмам произведения «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 81–82.

Солтан С.Г. Об особенностях употребления лексических единиц литературного языка в авторском значении. С. 83–84.

[На материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя.]

Гетман Л.И. Ключевые слова в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и проблема интерпретационного словаря. С. 84–85.

Гетман Л.И. Декодирование текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на основе анализа тематических групп. С. 85–86.

Коваленко В.Г., Горбань Л.П. О стилистическом своеобразии повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». С. 86–88.

Белая А.С. Языковые средства создания национального колорита в произведениях Н.В. Гоголя. С. 88–89.

Охомуш Е.А., Сизько А.Т., Гвоздева Е.Л. Украинизмы в языке повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и их стилистические функции. С. 89–90.

Букарева А.Н. Лексические средства создания иронии в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 90–92.

Селиванова Е.А. Особенности функционирования притяжательных местоимений в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. С. 92–93.

Нещерет Е.И. Стилистическая роль суффиксов субъективной оценке в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 93–94.

Подлесная Н.М. Приемы изобразительного синтаксиса в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 94–95.

Евграфова А.А. Глагольная синонимия в повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 95–96.

Зубов Н.И. О характере выразительности имени собственного в творчестве Н.В. Гоголя. С. 97.

Самойленко Г.В. Изучение наследия Н.В. Гоголя в Нежинском институте. С. 98–99.

1989

ЛИТЕРАТУРА

Нежный А. Сияла Оптиная Пустынь: [очерки]. М.: Советская Россия, 1989. 160 с. – (Писатель и время).

Сияла Оптиная Пустынь: знаменитый монастырь возвращен Русской Православной Церкви. С. 3–13.

[Гоголь в Оптиной. С. 4, 11.]

1990

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецов Ю.П. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. 351 с. – (Библиотека поэзии «Россия»).

Из содерж.:

Тайна Гоголя («Ожидая небесного знака...»). С. 185–186.

<Пушкин А.С.> А.С. Пушкин об искусстве: В 2 т. / Сост., предисл. и коммент. А.А. Вишне-
невского. М.: Искусство, 1990. 363 с.: ил.

Т. 1. 363 с.: ил.

Из содерж.:

Гл. VI: Предшественники и современники

22. Гоголь. С. 345–347.

Т. 2. 352 с.

[Указ. имен.]

Северянин И.В. Стихотворения / Сост., вступ. статья и примеч. В. Грекова; ил. А. Строй-
ло. М.: Молодая гвардия, 1990. 239 с.: ил. – (XX век: поэт и время).

Из содерж.:

Гоголь («Мог выйти архитектор из него...»). С. 190.

Троцкий И.М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат,
1990. (Историческая библиотека. Хроника трех столетий: «Петербург– Петроград –
Ленинград»). 318 с.: ил.

[Указ. имен.]

1991

ЛИТЕРАТУРА

Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: В 2 т. Т. 2 / Портреты Ю. Ан-
ненкова. М.: Художественная литература, 1991. 336 с. Репринтное воспроизведение
издания: Нью-Йорк, 1966.

[Указ. имен.]

Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов. Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской фило-
софии / Сост, вступ. статья, примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск:
Изд-во Уральского ун-та, 1991. 592 с.

[Указ. имен.]

Гольденберг А.Х. Образ «земного рая» в «Мертвых душах» // Сюжет и время: сб. на-
учных трудов: К 70-летию Г.В. Краснова / Министерство образования РСФСР; Коло-
менский педагогический ин-т; редкол.: В.А. Викторovich (отв. ред.), В.Н. Абросимова,
А.В. Кулагин. Коломна, 1991. С. 100–103.

Зеньковский В., прот.<опресвитер.> Общие законы экономической жизни // Вестник
Русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк, Москва, 1991. № 1(161). С. 71–101.

[С. 88–89: о Чичикове («Мертвые души» Гоголя).]

Русское общество 40–50-х годов XIX в.: В 2 ч. Ч. 2: Воспоминания Б.Н. Чичерина /
Сост., общ. ред. и предисл. С.Л. Чернова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. 254 с.

[Указ. имен.]

Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 319 с. Тираж 100000 экз.

Из содерж.:

Набоков и другие.

Гоголь. С. 69–71.

[В.В. Набоков о Гоголе.]

[Впервые: Париж: La Presse Libre, 1979.]

1992

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы изучения и преподавания славянских литератур: тезисы докладов научно-практической региональной конференции (Измаил, 23–24 мая 1991 г.) / Министерство народного образования Украины, Измаильский гос. педагогический ин-т; редкол.: В.И. Мельник (отв. ред), Т.А. Савоськина (зам. отв. ред.) [и др.], 1992. 211 с.

Из содерж.:

Чумакова Е.А. Идеальные характеры в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя и в «Обломове» И.А. Гончарова. С. 56–58.

Мусий В.Б. Отображение связи человека с природой в славянской народной поэзии и произведениях Н. Гоголя, Т. Шевченко, А. Мицкевича. С. 106–108.

Осадчий А.Я. Народная смеховая культура в творчестве Н.В. Гоголя. С. 146–148.

Ефимов И. Выбранные места из переписки с персонажами «Театрального разезда» // Грани: журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. М., 1992. № 163. С. 117–141.

[О «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Театральном разезде после представления новой комедии» Гоголя.]

Кузнецов А. Мотив знания в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Студенческие научные доклады. Литературоведение. Ч. 1. / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет; под ред. М.Л. Ремневой, В.И. Фатющенко. М., 1992. С. 36–43.

Морозова Н.П. Об «Учебной книге словесности для русского юношества» Н.В. Гоголя // Традиции в контексте русской культуры: Материалы к научной конференции / Череповецкий гос. педагогический ин-т им. А.В. Луначарского; отв. ред. В.А. Кошелев. Череповец, 1992. С. 52–53.

1993

ЛИТЕРАТУРА

Боткина А.П. П.М. Третьяков. 4-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1993. 376 с: [64] л. ил. [Указ. имен.]

Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси / Издательский отдел Московского Патриархата. Репринтное издание. [М.,] 1993. 230 с.

Краткий обзор последующей эпохи (XVIII–XX вв.)

2. Возрождение в XIX в. и Оптина Пустынь. С. 203–207.

[В частности, о Гоголе.]

Рейтблат А.И. Летописец слухов (Неопубликованные воспоминания В.Н. Бурнашева) / Предисл, публ. и коммент. А.И. Рейтבלата. // Новое литературное обозрение. М., 1993. № 4. С. 162–174.

Из содерж.:

<1> 1829 г. Гоголь и Романович-Любович, угощаемый мещанскою девкою в Варваринской гостинице. С. 166–167.

Русская литература XIX века. 1800–1830-е годы. Источниковедческая хрестоматия / Министерство образования Российской Федерации, Московский педагогический ун-т; под ред. В.Н. Аношкиной, С.А. Джанумова, И.П. Попова, Д.Г. Терентьева. М.: МПУ, 1993. 488 с.

XIII.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) / Сост. В.А. Воропаев.

Н.В. Гоголь в авторской исповеди, письмах и воспоминаниях современников. С. 435–457.

Литературная критика о Н.В. Гоголе. С. 457–483.
Примечания. С. 484–486.

Традиции в контексте русской культуры: сб. статей и материалов / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; Череповецкий гос. педагогический ин-т; под ред. В.А. Кошелева, А.В. Чернова. Ч. 1. Череповец, 1993. 158 с.

Из содерж.:

Фомичев С.А. Повесть «Страшная месть» в контексте творческой эволюции Гоголя. С. 88–92.

Лебедева О.Б. «Приложения» к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» как эстетическая проблема. С. 92–97.

Козлова А.В. Романтическая традиция двойничества в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. С. 97–100.

Кривонос В.Ш. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя: текст и контекст. С. 100–104.

Марченко Т.В. Тема сумасшествия у Воейкова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. С. 104–111.

Павлинов С.А. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» и идея немецкой классической философии. С. 111–116.

Янушкевич А.С. Повесть Н.В. Гоголя «Рим» в контексте его творчества и русской романтической традиции. С. 116–119.

Лужановский А.В. Об одном лирическом отступлении в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 119–121.

[Лирическое отступление в 10-й главе об ошибках и заблуждениях человечества.]

Морозова Н.П. Гоголь и Екатерина II (К вопросу о сюжете повести «Ночь перед Рождеством»). С. 121–125.

Дворецкий А.В. Книга, которую «прокляли все» (последняя книга Гоголя и ее читатели). С. 126–129. [«Выбранные места из переписки с друзьями».]

Анненкова Е.И. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в контексте духовной жизни 1840-х годов. С. 129–133.

Старостина Г.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и «Обломов» И.А. Гончарова. С. 133–136.

Созина Е.К. И.Ф. Анненский и Н.В. Гоголь: к проблеме традиции. С. 136–140.

Каширина И.М. К вопросу о трансформации гоголевских образов в творчестве А.М. Ремизова («Вий» и «Летавица»). С. 140–143.

Храпченко М.Б. Избранные труды: Николай Гоголь. Литературный путь, величие писателя: [монография] / Российская академия наук. Отделение языка и литературы. М.: Наука, 1993. 640 с.

От редакционной коллегии. С. 3–4.

Михаил Борисович Храпченко. С. 5–20.

Степанов Г.В. Академик М.Б. Храпченко – теоретик литературы. С. 21–34.

Николай Гоголь. Литературный путь, величие писателя

Гл. 1: Гоголь и его время. С. 37–103.

Гл. 2: «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 104–146.

Гл. 3: «Миргород». 147–208.

Гл. 4: Петербургские повести. С. 209–257.

Гл. 5: Драматургия. С. 258–341.

Гл. 6: «Мертвые души». С. 342–403.

Гл. 7: «Мертвые души» (Продолжение). С. 404–480.

Гл. 8: Идеальный кризис и его истоки. С. 481–502.

Гл. 9: Творческий метод. С. 503–523.

Гл. 10: Гоголь и русская литература. С. 524–569.

Гл. 11: Судьбы литературного наследия Гоголя в двадцатом веке. Мировое значение его творчества. С. 570–596.

Кондаков И.В. Главная книга академика Храпченко. С. 597–624.

Указ. имен.

1994

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Нежданные гости: русская фантастическая повесть эпохи романтизма / Сост., предисл. и примеч. В.И. Коровина; худож. С. Алимов. М.: Детская литература, 1994. 431 с.: ил.

Загл. предисл.: Увлекательный жанр. С. 5–22.

Примеч. С. 425–428.

Из содерж.:

Страшная месть, Нос, Портрет.

ЛИТЕРАТУРА

Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор: русские о Петре I: опыт аналитической антологии / Институт философии Российской академии наук, Гуманитарный и политологический Центр «Стратегия»; ред. Е.С. Кара-Мурза. [Без м. изд.:] Издательская фирма «Фора», 1994. 320 с.

[Указ. имен.]

Зайцев Б.К. Жуковский; Жизнь Тургенева; Чехов: литературные биографии / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. А.Д. Романенко. М.: Дружба народов, 1994. 543 с. – (Века и судьбы).

Из содерж.:

Жуковский.

Семья. Гоголь. «Одиссея». С. 168–179.

«Его душа возвысилась до строю...». С. 179–182.

[В частности, о Гоголе.]

Иванов-Тринадцатый Герман, протодиакон. Русская Православная Церковь лицом к Западу / Обитель преп. Иова Почаевского; оформление, сост. редакции газеты «Град Китеж» (Москва). Мюнхен, 1994. 365 с.

Русская Церковь лицом к Западу

3. Оптиная Пустынь и русские писатели

а) Николай Гоголь. С. 83–86.

Кантор В. В поисках личности: опыт русской классики / Министерство культуры Российской Федерации. Российская академия наук. Российский институт культурологии. М.: Московский философский фонд, 1994. 241 с. – (Серия «Россия и Запад»).

Из содерж.:

V. Гоголь и становление русской литературы. С. 74–83.

Литература и культура Древней Руси: словарь-справочник / Под ред. В.В. Кускова. М.: Высшая школа, 1994. 336 с.

[Указ. имен.]

Одинцовская земля / Серия «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья». М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. 496 с.: ил.

[Указ. имен.]

Прозоров В.В. Прыжок в окно // Литературная учеба. М., 1994. № 5. С. 71–86.

[О «Женитьбе» Гоголя.]

1995

ЛИТЕРАТУРА

Кишкин Л.С. Честный, добрый, простодушный...: Труды и дни Александра Филипповича Смирдина. М.: Изд-во «Наследие», 1995. 142 с.

[Указ. имен.]

Прозоров В. Природа драматического конфликта в «Ревизоре» и «Женитьбе» Гоголя // Волга. Саратов, 1995. № 2–3. С. 152–163.

[Переиздано в его кн.: До востребования...: избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 52–74.]

Русская литература от «Слова о полку Игореве» до наших дней: [учебное пособие для слушателей подготовительных отделений (курсов) и поступающих в вузы] / Казанский ун-т; науч. ред. В.Н. Азбукин. Казань, 1995. 351 с.

Из содерж.:

Коновалов В.Н. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 67–74.

Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: «Радикс», 1995. 159 с.

Из содерж.:

Гоголь – преподаватель истории и автор «Тараса Бульбы». С. 62–84.

[Реф.: *Ревякина А.А.* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. М., 1997. № 2. С. 37–44.]

1996

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Повести. Мертвые души / Ред.-сост. Л.Д. Страхова; [вступ. статья Ю. Айхенвальда, коммент. В. Воропаева]. М.: АСТ; Олимп: 1996. 688 с. – (Школа классики).

Загл. вступ. статьи: Гоголь. С. 5–16.

Коммент. С. 533–588.

Повести: Ночь перед Рождеством, Старосветские помещики, Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Записки сумасшедшего.

В помощь учителю и ученику

Краткая летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 589–592.

Материалы к биографии Н.В. Гоголя (Из воспоминаний современников). С. 593–598.

Критика о творчестве Н.В. Гоголя. С. 599–642.

Образы, созданные Н.В. Гоголем, в искусстве. С. 643–644.

Темы сочинений и рефератов по творчеству Н.В. Гоголя. С. 645–650.

Задания для самостоятельной работы. С. 651–652.

Для досуга и школьного вечера

Вопросы викторины С. 653–660.

Готовясь к уроку. С. 661–680.

Список рекомендуемой литературы. С. 681–682.

ЛИТЕРАТУРА

Ковалева Ю.Н. Традиции учительной литературы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Литература и культура в контексте христианства: тезисы докладов всероссийской научной конференции (Ульяновск, 18–20 октября 1996 г.) / Ульяновский гос. технический ун-т, Ульяновская епархия; отв. ред. В.И. Мельник. Ульяновск, 1996. С. 18–19.

1997

ЛИТЕРАТУРА

Жигач Л.В. Проблема народности и фольклоризма в истории русской литературы: поиск русской идеи. От Пушкина до Есенина: учебное пособие по спецкурсу / Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации; Тверской гос. ун-т. Тверь, 1997. 199 с.

Гл. II: Пушкинская идея народности – Русская идея. Проспект лекций спецкурса

Тема 3. Проблема народного рассказчика в раннем творчестве Н.В. Гоголя (цикл «устных» повествований – «Вечера на хуторе близ Диканьки»). С. 116–126.

Кондратьев И.К. Седая старина Москвы / Коммент. и указ. Б.Ю. Иванова. М.: Цитадель, 1997. 703 с.: ил.

С. 374–375: О могиле Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря:

«На могиле его два памятника. Один из них представляет высокую плиту черного мрамора, сделанную в форме гробницы. На этой плите следующие надписи. Сверху: “Здесь погребено тело Н.В. Гоголя, род. 19 марта 1809 года, сконч. 21 февраля 1852 года”. Спереди: “Горьким словом моим посмеюся. Иеремя, гл. 20, ст. 8”. Слева: “Муж разумивий престол чувства. Притчей, гл. 12, ст. 23”. “Правда возвышает язык. Притчей, гл. 14, ст. 34”. Справа: “Истинным же уста исполнит смеха, устне же их исповедания. Иова, гл. 8, ст. 21”. С западной стороны этого памятника другой: брошена гранитная глыба и на ней водружен высокий крест из / 375 толстых спаянных медных пластинок. На глыбе надпись: “Ей, гряди, Господи Иисусе. Апок. гл. 22, ст. 20”».

[Указ. имен.]

Молева Н.М. Литературные тропы Москвы. М.: АО «Московские учебники и Картоли-тография», 1997. 256 с.

Из содерж.:

В тиши талызинского сада (Н.В. Гоголь). С. 151–174.

[Указ. имен.]

Оптина пустынь. Русская православная духовность / Сост. и послесл. А. Горелова. М.: Канон+, 1997. 416 с. – (История христианской мысли в памятниках).

Загл. послесл. «Мистический союз любви». С. 391–414.

Оптина Пустынь и светская культура

[О Гоголе: С. 407–409.]

Ч. 2: «Монастырь ваш – Россия»

Гоголь Н.В. Письма. С. 247–249.

[Письма иеромонаху Филарету, графу А.П. Толстому, монаху Порфирию (Григорову).]

<Самарин Ю.Ф.> 1840–1876. Ю.Ф. Самарин: статьи, воспоминания, письма / Сост. вступ. статья и коммент. М.А. Медовичевой. М.: ТЕРРА, 1997. 280 с.: ил.

[Указ. имен.]

1998

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести / Вступ. статья И.А. Виноградова; коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова; ил. Ю.П. Фролова. М.: Международный издательский дом «Синергия», 1998. 288 с.: ил. – (Серия «Новая Школьная библиотека»).

Загл. вступ. статьи: Сказки Николая Гоголя. С. 5–48.

Коммент. С. 257–283.

Список рекомендуемой литературы. С. 284.

ЛИТЕРАТУРА

«В краю родном...»: Зарубежная Россия и Пушкин / Сост, вступ. статья и коммент. М. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 495 с.

[Указ. имен.]

1999

ЛИТЕРАТУРА

Дунаев М.М. Православные основы русской литературы XIX века: дис. в форме научного доклада ... д-ра филол. наук / Московский пед. ун-т. М., 1999. 49 с.

Глава 6: Н.В. Гоголь: С. 13–15.

Загорюлько В.И. А.С. Пушкин в судьбе его потомков и близких людей. СПб.: Наука, 1999. 156 с.

Из содерж.:

Приближение к Н.В. Гоголю. С. 129–135.

Люттов В.В. Русские писатели в жизни. Без м. изд.: Изд-во Урал LTD, 1999. 824 с. Тираж 8000 экз.

Гоголь. С. 218–247.

Палиевский П.В. Шолохов и Булгаков / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Изд. 2-е, доп. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1999. 143 с.

[Указ. имен.]

Современный словарь-справочник по литературе / Сост. и научн. ред. С.И. Кормилов. М.: Олимп: ООО «Фирма Издательство АСТ», 1999. 704 с.

О. Ш<апошинова>, С. К<ормилов>. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). С. 107–112.

Щербаков А.Б. «Апокалипсис» сегодня // Гоголь и русская литературная культура. Саратов, 1999.

2000

ЛИТЕРАТУРА

Нилус С.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. М.: Паломник, 2000. 734 с.

Болезнь и кончина о. Порфирия Григорова, духовного друга Н. Гоголя. С. 125–128.

Приезд Н.В. Гоголя. Мысли о Гоголе. С. 143–144.

Приезд матери Н.В. Гоголя. Мысли о писательстве и о душевной драме Гоголя. С. 273–276.

[Дневниковые записи и размышления оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова), летописца обители.]

Приложение:

Оптинские письма святителя Игнатия Брянчанинова к разным лицам

О книге Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 627–629.

Прозоров В.В. Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Филология. Саратов, 2000. Вып. 5: Пушкинский. С. 149–154.

[Переиздано в его кн.: До востребования...: избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 44–51.]

Соколов Д.Д. Значение Козельской Введенской Оптиной Пустыни в XIX столетии / Сост. преимущественно по письмам православных иерархов и отзывам других лиц Д.Д. Соколов. Вып. 1: Оптинское старчество и его влияние на монашествующих и мирян. Калуга: Типография Губернского правления, 1898. [2], 34 с.

[В частности, о Гоголе.]

[Переиздано: *Соколов Д.Д.* Оптинокое старчество и его влияние на монашествующих и мирян. Козельск. Изд-во Свято-Введенской Оптиной Пустыни. Без г. изд., [2000?] 64 с.: ил. Текст печ. в современной орфографии и пунктуации с исправлениями и дополнениями.]

[О Гоголе: С. 48–50.]

Филологические этюды. сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. Вып. 3 / Редкол.: В.В. Прозоров, Е.Е. Захаров (отв. ред.), С.Ю. Павлова (зам. отв. ред.), Ю.В. Рыбникова (отв. секретарь) [и др.]. 260 с.

Из содерж.:

Седов Н.К. «Русский Гамлет»: Образ Подколесина в культурно-исторической и историко-литературной перспективе. С. 25–28.

[Травестия шекспировских мотивов в комедии «Женитьба».]

Музалевский М.Е. К вопросу о цикличности пространства-времени в «Мертвых душах». С. 105–108.

Болкунова Н.С. Мотивы Дома и Дороги в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (на примере повести «Ночь накануне Ивана Купала»). С. 108–110.

Захаров К.М. К сюжету комедии Н.В. Гоголя «Владимир третьей степени». О поэтике ненаписанного произведения. С. 111–114.

Зорин А.Н. Кто держит паузу в сцене взятка в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 114–117.

2001

ЛИТЕРАТУРА

Белов С.В. Вокруг Достоевского: статьи, находки и встречи за тридцать пять лет / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 448 с.

Из содерж.:

Встречался ли Достоевский с Гоголем? С. 406–408.

2002

ЛИТЕРАТУРА

Библиотека С.П. Шевырева. Русский фонд: библиографическое описание / Нежинский гос. педагогический ун-т им. Николая Гоголя. Гоголевский научно-методический центр; сост. О.В. Банзерук, Л.В. Гранатович, Л.М. Остапенко, А.В. Чоботько; ред.-библиограф Л.В. Гранатович; вступ. статья П.В. Михеда. Нежин: НГПУ, 2002. 266 с.

Загл. вступ. статья: О Степане Шевыреве и его книжном собрании. С. 3–15.

[Указ. имен.]

Вопросы русской литературы: межвузовский научный сб. Вып. 8(65) / Крымский центр гуманитарных исследований. Таврический национальный ун-т им. В.И. Вернадского; гл. ред. В.П. Казарин; отв. секретарь Г.А. Зябрева. Симферополь: «Крымский Архив», 2002. 256 с.

[К 50-летию проф. В.П. Казарина.]

Из содерж.:

Гоголеведение:

Денисов В.Д. Тарас-бунтовщик. К вопросу об истоках гоголевской эпопеи. С. 74–85.

Воропаев В.А. Гоголевские штудии

1. Гражданин земли Русской. С. 86–93.

2. У Богозданных пещер. С. 93–99.

3. Нужно любить Россию. С. 99–104.

Михед П.В. Возвращаясь к Гоголю и «русско-украинскому вопросу». С. 105–126.

[По поводу статьи: *Воропаев В.А.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал: История Государства Российского. М., 2002. № 1. С. 12–15.]

<Даль В.И.> В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: сб. / Отв. ред. В.П. Нерознак; сост. Р.Н. Коейменова. СПб.: Златоуст, 2002. 312 с.

[Указ. имен.]

Книга Русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918–1991: Библиографический указатель: В 3 ч. Ч. 3. У–Я. Вспомогательные указатели / Российская гос. библиотека; сост. Е.А. Акимова и др.; науч. ред. Е.И. Харламов, библиогр. ред. Н.Ю. Бутина, К.К. Тарасов. М.: Пашков дом, 2002. 527 с.

[Указ. имен.]

2003

ЛИТЕРАТУРА

<Достоевский Ф.М.> Собрание мыслей Достоевского / Сост. и предисл. М.А. Фырнина, ил. И.С. Глазунова. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. 640 с.: ил.

[Указ. имен.]

И.С. Тургенев и Ф.И. Тютчев в контексте мировой культуры (К 200-летию Ф.И. Тютчева и 185-летию И.С. Тургенева): Материалы международной конференции (Орел, 23–26 сентября 2003 г.) / Орловский гос. ун-т, Гос. литературный музей И.С. Тургенева, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; редкол.: М.В. Антонова, Г.Б. Курляндская (науч. ред.) [и др.] Орел, 2003. 128 с.

Из содерж.:

Ушакова С.В. Степь в хронотопе русской литературы (Пушкин, Гоголь, Аксаков, Тургенев, Чехов). С. 36–40.

Минералов Ю.И. История русской литературы XIX века (40–60-е годы): учебное пособие. М.: Высшая школа, 2003. 301 с.

«Гоголевское направление» в русской литературе (Натуральная школа). С. 35–52.

[В частности, о Гоголе.]

2004

ЛИТЕРАТУРА

Крымский Пушкинский научный сб. Вып. 4(13): Литература и религия / Крымский центр гуманитарных исследований, Таврический национальный ун-т им. В.И. Вернадского, Крымское общество русской культуры; редкол.: В.П. Казарин (гл. ред.), Г.А. Зябрева (отв. секретарь), В.В. Лавров (зам. гл. ред.) П.В. Михед [и др.] Симферополь: Крымский Архив, 2004. 236 с.

Из содерж.:

Казарин В.П. «Нечто совершеннейшее в человечестве...» (Украина и Россия – Гоголь и Пушкин). С. 5–14.

Викулова В.П. Храм Николая Угодника в Диканьке. С. 179–188.

[В частности, о Гоголе.]

Отчий Дом: журнал для семейного чтения. № 5: специальный выпуск. Н.В. Гоголь. [М.,] 2004. 113 с.: ил.

Черная Т.К. Русская литература XIX века (ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе / Министерство образования и науки Российской Федерации, Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 624 с.

Гл. IV: Н.В. Гоголь. Синтетизм самодвижущейся художественной системы и дидактической авторской позиции

1. Метафизика и онтология повестей (конфликт религиозного мировоззрения и художественного творчества). Принципы художественного строения антимира

- 1.1. Из истории вопроса. С. 417–426.
- 1.2. Мотивирующие условия гоголевской художественной системы. С. 426–439.
- 1.3. Лики и природа зла в раннем художественном творчестве Гоголя. С. 439–445.
- 1.4. Статус персонажа в гоголевской художественной системе антимира. С. 445–460.
- 1.5. Карнавализация в системе художественной индивидуальности Гоголя (повести). С. 460–475.
2. «Записки сумасшедшего»: через время и пространство
  - 2.1. Хронотопическая организация повести – выражение трагизма земного человеческого существования. С. 475–488.
  - 2.2. Диалогизм субъектно-объектной сферы повести. С. 488–495.
3. Повесть Гоголя «Шинель»: национальная форма библейского архетипа (ритмические аспекты художественного воплощения). С. 495–514.
4. «Мертвые души»: духовный сюжет эпической поэмы
  - 4.1. Внутренние законы художественного моделирования жизни в поэме. С. 514–524.
  - 4.2. Мотивные контексты «Мертвых душ». С. 524–530.
  - 4.3. Философски-историческая концепция произведения (национальная душа). С. 530–338.
  - 4.4. Нарратологические аспекты «Мертвых душ» (в сопоставлении с «Евгением Онегиным» Пушкина). С. 538–546.
  - 4.5. Специфика жанровой конструкции «Мертвых душ». С. 546–555.
  - 4.6. «Повесть о капитане Копейкине» в художественной системе «Мертвых душ». С. 555–581.

2005

ЛИТЕРАТУРА

Пантелеев И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Портрет» в свете православного вероучения // Святоотеческие традиции в русской литературе: Материалы научно-практической конференции (Омск, 25–26 апреля 2005 г.): В 2 ч. Ч. 2 / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Кафедра русской и зарубежной литературы; редкол.: В.В. Соломонова (отв. ред.) и др. Омск: Вариант-Омск, 2005. С. 89–91.

2006

ЛИТЕРАТУРА

От «Игроков» до «Dostoevsky-trip»: интертекстуальность в русской драматургии XIX–XX веков: сб. / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет; отв. ред. В.Б. Катаев, Э. Вахтел. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. 224 с.

Из содерж.:

Евдокимов А. «Как это все было чертовски разыграно!» Интертекстуальный анализ комедии Н.В. Гоголя «Игроки» С. 7–28.

[Указ. имен.]

2007

АВТОРЕФЕРАТЫ

Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной Пустыни: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М., 2007. 45 с.

[В частности, Гоголь и Оптина Пустынь, духовное эпистолярное наследие писателя. С. 3, 8, 13, 16, 20–21, 29, 31.]

ЛИТЕРАТУРА

Молева Н.М. Литературные легенды Бульварного кольца. М.: Алгоритм, 2007. 352 с. – (Московский путеводитель).

«Литературные мостки» (Никитский бульвар)

Белый город. С. 181–189.

[Гоголь в доме графа А.П. Толстого в Москве на Никитском бульваре. С. 185–187.]

«Безумное гонение имени». С. 204–214.

[Дом графа А.П. Толстого в Москве на Никитском бульваре, где жил и скончался Гоголь.]

Нахимова Е.А. Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В. Гоголя, в современной коммуникации // Политическая лингвистика / Уральский гос. педагогический ун-т. Екатеринбург, 2007. Вып. 3(23). С. 143–148.

[Метафоры, основанные на образах и именах героев произведений Гоголя (Чичиков, Ноздрев, Хлестаков, Манилов и др.), в современной российской прессе.]

Понько А.Д. Пушкиниана Н.В. Гоголя (К 210-летию А.С. Пушкина и 200-летию Н.В. Гоголя) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: Материалы XIV Голицынских чтений / Министерство культуры Московской области, Гос. историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина; под общей ред. А.М. Рязанова. М.: Мелихово, 2007. С. 550–568.

Рубцов Н.М. В горнице моей светло...: стихотворения / Сост. С.С. Лесневский и Б.Н. Романов. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 496 с.: ил.

Слово о поэте:

Астафьев В. Пройдут годы... С. 278.

Кожин В. Николай Рубцов: заметки о жизни и творчестве поэта. С. 279–380.

[Печ. по изд.: *Кожин В.* Николай Рубцов: заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Советская Россия, 1976.]

В кругу московских поэтов. С. 381–398.

[Печ. по изд.: Воспоминания о Рубцове. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1983.]
О Николае Рубцове. С. 399–425.

[Печ. по изд.: *Рубцов Н.* Стихи. М.: Художественная литература, 1986.]

О рукописи книги Николая Рубцова «Подорожники». С. 426–441.

Бараков В. В.В. Кожин и современное рубцововедение. С. 441–450.

Зайцев В. Путь поэта. С. 451–476.

[Печ. с сокращениями по изд.: *Зайцев В.А.* Николай Рубцов. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002.]

Из содерж.:

Однажды («Однажды Гоголь вышел из кареты...»). С. 32.

Чижевский Д.И. Неизвестный Гоголь // Чижевский Д.И. Избранное: В 3 т. Т. 3. М.: Русское зарубежье: Русский путь, 2007. С. 734–765.

Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифо-поэтики и истории идей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 608 с. – (Серия Российские Пропилеи).

[Указ. имен.]

Ямпольский М. Ткач и визионер: очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.: ил.

Ч. 2: Рим и Петербург

21. Гоголь и Петербург. С. 276–320.

Ч. 3: Портрет и икона

23. «Невский проспект» Гоголя и «Форнарина» Рафаэля: идеальность и материальность. С. 334–347.

24. Арабески. С. 347–355.

[Указ. имен.]

2008

ЛИТЕРАТУРА

Астахов Н.С., Белевич Т.Г. Незримые ступени христианства / Ред. и худож. Н.Н. Визжилин. М.: Русский духовный театр «Глас», 2008. 208 с.: ил.

Гл. 20: Гоголь. С. 160–163.

Молева Н. Московские загадки: Литературные ростки: Пушкин. Грибоедов. Гоголь. Тургенев. Царевна Софья и другие. М.: АСТ: Олимп, 2008. 379, [45] с.: ил.

Из содерж.:

В тиши талызинского сада. С. 306–319.

[Гоголь в Москве.]

Тандит И.В. Гоголевские парадоксы // Литература: научно-методическая газета для учителей словесности [Приложение к газете «Первое сентября»]. М., 2008. 16–31 июля. № 14. С. 9–10.

[О героях поэмы Гоголя «Мертвые души».]

2009

ЛИТЕРАТУРА

Вопросы литературы: журнал критики и литературоведения. М., 2009. Вып. 3. Май – Июнь. 513 с.

Из содерж.:

К 200-летию Гоголя:

Завьялова Е. «...Мелочь, которая ускользает от глаз». С. 252–268.

[Откл.: *Дмитренко С.* Стенд: «Вопросы литературы» // Литература [Приложение к газете «Первое сентября»]. М., 2009. № 16.]

Монахова И. Страхи и ужасы. О повести Н. Гоголя «Вий». С. 269–303.

Карпи Гвидо. Гоголь – экономист. Второй том «Мертвых душ». С. 304–318.

Классика отечественной словесности в литературной критике Русской эмиграции 1920–1930-х годов: хрестоматия / Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева; сост. А.И. Горбунова; науч. ред. О.Е. Осовский. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 2009. 228 с.

Из содерж.:

Бицилли П.М. Зоценко и Гоголь. С. 16–40.

Бицилли П.М. Гоголь и Чехов (Проблема классического искусства). С. 40–48.

Зайцев Б.К. Жизнь с Гоголем. С. 78–89.

Нечипоренко Ю. Ярмарочный мальчик: жизнь и творчество Николая Гоголя / Картинки Е. Подколзина. М.: Изд-во «Жук», 2009. 84 с.: ил. – (Литературно-художественное издание). Тираж 5000 экз.

[Рец.: Сказка про Гоголя // Литературная газета. М., 2009. 1–7 апреля. № 14. С. 8; *Местергази Е.* Тайны жизни души // Тверская, 13. М., 2010. 17 апреля. № 47.]

Никишов Ю.М. Образ читателя в «Мертвых душах Гоголя // Встречи в библиотеке: авторы и читатели: сб. статей / Тверской областной Центр детского и семейного чтения им. А.С. Пушкина. Тверской гос. ун-т, кафедра истории русской литературы; ред. С.А. Васильева, М.В. Строганов. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 41–47.

Подмосковный летописец: историко-краеведческий альманах / Гл. ред. С.Ю. Шокарев, отв. ред. Н.В. Рыбалко, худож. ред. М.С. Волохов. М., 2009. № 3 (21). 97 с.: цв. ил.

Из содерж.:

Кузнецова А. Николай Васильевич Гоголь в усадьбе Абрамцево. С. 2–7.

Долгополова С. Н.В. Гоголь в Муранове. С. 8–19.

Сулов А. Усадьба Спасское и ее владельцы. С. 20–37.

[В частности, Смирновы и Гоголь.]

Гоголь в Спасском. С. 28–32.

Шокарев С., Ястржембский Д. Тайна головы Гоголя. С. 38–45.

Полётова М.А. Душа хранит... Николай Рубцов: малоизвестные страницы биографии / Послесл. О.И. Анашкиной. М.: Молодая гвардия, 2008. 285, [3] с.: ил.

Автографы Николая Рубцова

[С. 208–209: Рубцов и Гоголь.]

Рыбаков С. Николай Гоголь между Украиной и Россией // Урал. Екатеринбург, 2009. № 12. С. 234–245.

Споров Б. Приход на всю Россию. О духовной прозе Гоголя // Родная Ладога: культурно-просветительский и литературно-художественный журнал. СПб., 2009. № 4(10). С. 262–266.

Толкачева Е. «За всякое слово, сказанное здесь, дам ответ там...» // Культура. М., 2009. 16–22 апреля. № 15. С. 4.

[Рец. на кн.: Воронаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М.: Православный Памятник-М, 2008. 318 с.]

Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сб. научных статей, посвященных 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Вып. 1 / Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.] Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 246 с. На рус. и белорус. яз.

Из содерж.:

Селицкий В.С. Слово о Гоголе. С. 6.

1. Наследие Н.В. Гоголя в контексте современной исследовательской традиции

Литературоведение

Воронаев В.А. Когда родился Гоголь? С. 7–9.

Небольсин С.А. По следам Гоголя. С. 9–18.

Афанасьев И.Н. Гоголь и проблема сакрализации литературы. С. 18–21.

Гетман Л.И. Рыцари веры или филистерские мещане? С. 21–23.

[О «Старосветских помещиках» Гоголя.]

Нещерет Е.И. Психологические особенности проявления экспрессии страха в повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 24–26.

Кучерявец В.Г. К изучению творчества Гоголя в школах Украины. С. 26–31.

Сидоренко В.А. Художественное время в повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 31–32.

Сулова Н.В. Вышел зайчик погулять, или Вечера на хуторе у монитора. С. 33–35.

Усольцева Т.Н. Особенности композиции цикла Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 35–37.

Целехович Т.П. Уроки Гоголя. С. 37–39.

Березко А.Ф. Жанр исповеди в творчестве Н.В. Гоголя. С. 39–42.

Дробышевская Н.А. Н.В. Гоголь в творчестве Федора Сологуба. С. 42–45.

Галаганова Л.А. Стиль Н.В. Гоголя в интерпретации А.В. Чичерина. С. 46–49.

Борисова К.Н. Особенности реализации мифологемы ада в повести Н.В. Гоголя «Портрет». С. 49–51.

Ярыго Н.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» и роман С. Минаева «ДУХLESS. Повесть о ненастоящем человеке»: специфика диалогических отношений. С. 52–54.

Языкознание

Бондарь Н.А. Особенности перевода сравнений на украинский язык (на материале повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница»). С. 56–59.

Лапицкая Н.И. Ономастическая коннотация в повестях Н.В. Гоголя. С. 60–62.

Осипова Т.А. Вербализация концептов, выражающих чувства, в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 62–64.

Серикова И.В. Актуализация крылатых выражений и цитат из произведений Н.В. Гоголя в газетных текстах. С. 68–70.

2. Судьбы гуманистической традиции в классической и современной культуре
Богословие. Философия. Культурология
Одиноченко В.А. Программа религиозного преобразования жизни у Н.В. Гоголя. С. 193–196.

2010

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души. Ревизор. Женитьба / Предисл. и коммент. В.А. Воропаева. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. 668, [4] с. – (Золотая классика).

Загл. предисл.: «Дело, взятое из души...». О Гоголе и его главной книге. С. 5–39.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине. Первоначальная редакция. С. 569–575.

<Заметки> К 1-й части. С. 575–576.

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 577–582.

Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 582–589. Коммент. С. 591–669.

Петербургские повести. М.: АСТ; Владимир: Астрель, 2010. 127 с.: ил. – (Библиотека школьника: все произведения школьной программы для обязательного чтения и изучения).

Содерж.: Шинель, Невский проспект, Нос.

ЛИТЕРАТУРА

Молева Н.М. Моя прекрасная графиня, или Любимая женщина Гоголя и Дюма. М.: Олимп: Астрель, 2010. 285, [3] с. – (Кумиры. Истории Великой Любви).

[Графиня Евдокия Ростопчина и Гоголь.]

Пономаренко Д., диакон. Епископ Стефан (Никитин): жизнеописание, документы, воспоминания / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т; редкол.: протоиерей Владимир Воробьев (гл. ред.) и др. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 960 с. – (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

[Указ. имен.]

2012

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Размышления о Божественной Литургии. М.: Книга по Требованию, 2012. 42 с.

ЛИТЕРАТУРА

Вайскопф М. Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма, М.: Новое литературное обозрение, 2012. 696 с.

[Указ. имен.]

Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XX века). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.: ил.; 24 с. вклейки.

[Указ. имен.]

2013

ЛИТЕРАТУРА

Духовно-нравственные основы российской культуры и образования: Материалы новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений (2007–2013) / Министерство образования и науки Российской Федерации. Новосибирский гос. педагогический ун-т. Новосибирская Митрополия Русской Православной Церкви; редкол.: М.И. Стрельцова (отв. ред.), Д.И. Долгушин, Б.И. Пивоваров, К.И. Ватутин (отв. секретарь) [и др.]. Новосибирск: Изд-во НППГУ, 2013. 212 с.

Из содерж.:

Воропаев В.А. «Творить без любви нельзя...». Н.В. Гоголь за чтением Библии. С. 81–93.

Воропаев В.А. Почему царю понравился «Ревизор». С. 94–99.

Долгушин Д., священник. В.А. Жуковский: самый добрый человек в русской литературе. С. 100–108.

[В частности, о Гоголе.]

Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А.И. Журавлевой / Сост. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. М.: Совпадение, 2013. 440 с.

Из содерж.:

Журавлева А.И., Некрасов В.Н. «Женитьба» Н.В. Гоголя (постановщик Ю. Резниченко, художник Ю. Виноградов). С. 69–87.

[Внутренняя рецензия на постановку комедии Гоголя в Кинешмском драматическом театре им. А.Н. Островского (1985 г.).]

Пенская Е.Н. К вопросу о контекстном окружении драматической трилогии Сухово-Кобылина. С. 277–334.

[А.В. Сухово-Кобылин и Гоголь: С. 310–319.]

[Указ. имен.]

Троицкий В.Ю. Слово и образование: Двадцать статей о русской словесности, образовании и проблемах современной информационной среды / Отв. ред. А.В. Шмелева. Свято-Алексиевская пустынь, 2013. 510 с.

[Указ. имен.]

2014

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: [поэма.] Повести / Вступ. статья В.В. Розанова; ил. П. Боклевского, А. Агина. М.: Эксмо, 2014. 768 с.: ил. – (Библиотека всемирной литературы). 2000 экз. Загл. вступ. статьи: Гоголь. С. 7–13.

Примеч. С. 749–767.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; повести: Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Записки сумасшедшего, Рим (отрывок); Мертвые души: поэма.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов Д.М. Пушкин у Гоголя / [Вступ. заметка А.И. Ванюкова] // Волга – XXI век: литературно-художественный журнал. Саратов, 2014. № 7–8. С. 140–149.

Загл. вступ. заметки: Слово и Тайна. С. 139.

[Впервые: Литературный Саратов: альманах. Саратов, 1937. № 3.]

В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники»: переписка, неопубликованные тексты, статьи о К.Н. Леонтьеве, комментарии / Сост. Е.В. Ивановой, изд. подгот. А.П. Дмитриев, В.Н. Дядичев, Е.В. Иванова, Г.Б. Кремнев, П.В. Палиевский. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.: ил.

[Указ. имен.]

Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.

[Указ. имен.]

Русская философия смерти: антология / Сост., вступ. статья, коммент. К.Г. Исупова; науч. ред. Е.В. Михайлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 663 с. – (Письмена времени).

[Указ. имен.]

Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. 368 с.

[Указ. имен.]

2015

ЛИТЕРАТУРА

Велимир Хлебников и русский авангард: Материалы научной конференции (Великий Новгород, 17–19 октября 2013 г.) / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; сост. И.В. Игошева. М.: Азбуковник, 2015. 336 с.

Из содерж.:

Николаев А.О. Проблемы «нового зрения» и семантического строя в кинопоэтике Юрия Николаевича Тынянова. С. 256–261.

[Работа Ю.Н. Тынянова над киносценарием по повести Гоголя «Шинель».]

Мамаев А.А. Каким был Хлебников? (Поэт глазами современников). С. 9–20.

[В частности, В. Хлебников и Гоголь.]

Воропаев В. Монах Лазарь (Афанасьев): [некролог] // Журнал Московской Патриархии. М., 2015. Апрель. № 4. С. 84–85.

Гашева Н.Н. Две киноверсии гоголевской повести «Вий»: культурфилософский аспект // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. Киров, 2015. № 4. С. 28–32.

Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.

[Указ. имен.]

Либан Н.И. Русская литература: лекции о русской литературе. Работы разных лет. Из архива / Сост., подгот. текста В.Л. Харламовой-Либан; коммент. Б.Н. Романова. М.: Водолей, 2015. 696 с.

[Указ. имен.]

2016

ЛИТЕРАТУРА

<Белый Андрей> Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; научн. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

[Указ. имен.]

АВТОРЕФЕРАТЫ

Таврина А.М. Типология героев в русской романтической повести 20–40-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вологодский гос. ун-т. Вологда, 2016. 22 с.

[В частности, о Гоголе.]

2018

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Размышления о Божественной Литургии. Минск: Изд-во Сибирская Благовонница, 2018. 124 с. 5000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Покрасова А.Н. Библиотека в культурном и общественном диалоге. 2007–2017: статьи, выступления, эссе. Балашиха, 2018. 288 с.: ил.

Из содерж.:

2009 г. – Год молодежи, Год Н.В. Гоголя.

Библиотеки помогут открыть для себя нового Н.В. Гоголя. С. 236–239.

2019

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: [поэма. Т. 1]. М.: Изд-во АСТ, 2019. 352 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Миргород / Сост. А.Ю. Астахов; примеч. [в тексте] В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Белый город, 2019. 368 с.: ил. – (Русская классическая библиотека).

Приложение:

<Историко-литературная справка>. С. 337–338.

Шевырев С.П. О «Миргороде» Гоголя. С. 338–346.

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя. С. 347–366.

Ревизор: сб. М.: Изд-во АСТ, 2019. 224 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Содерж.: Ревизор; Женитьба.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь глазами русских живописцев: арт-экскурс / Самарская областная юношеская библиотека; сост. Е.Е. Цупрова; отв. за вып. Е.А. Иванова. Самара, 2019. 18 с.

Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 660 с. – (Серия Русская литература и философия: пути взаимодействия. Вып. 3).

И. В.Ф. Одоевский: художественная философия и эпоха

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь и князь В.Ф. Одоевский: программные статьи в пушкинском «Современнике». С. 52–57.

Виноградов И.А. Князь В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь и «Журнал Министерства Внутренних Дел»: К постановке проблемы. С. 58–70.

Гуминский В.М. К проблеме самобытного развития русской литературы: Гоголь и другие. С. 71–80.

Международная научная конференция «Духовное и культурное наследие монастырей Русской Православной Церкви. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря» (Москва, 9–11 октября 2011 г.): тезисы докладов / ИМЛИ РАН; [отв. ред. М.И. Щербакова.] М.: ИМЛИ РАН, 2019. 100, [1] с.

Из содерж.:

Дерюгина Л.В. Тема «уединенной обители» в двух редакциях повести Н.В. Гоголя «Портрет». С. 29–32.

Сидорова Т.П. Н.Д. Городецкая о Н.В. Гоголе: к идее кенозиса // Веснік Брэсцкага ун-та. Серія 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія / Брестский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. Брест, 2019. № 1. С. 5–9.

[В основу исследования положена глава «Идеал святости в русской художественной литературе» из книги богослова Русского зарубежья Н.Д. Городецкой «The humiliated Christ in modern Russian thought» («Уничиженный Христос в современной русской мысли») (Лондон, 1938), где писателю отводится особое место духовного учителя и непризнанного праведника России XIX в.]

2020

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова; худож. А.М. Герасимов. СПб.; М.: Изд-во «Речь», 2020. 216 с.: ил. – (Серия «Образ речи»).

Загл. вступ. статьи: Узы небесного братства. С. 5–9.

Коммент. С. 181–211.

ЛИТЕРАТУРА

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Хронотоп первой сцены «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Язык и текст / Московский гос. психолого-педагогический ун-т. М., 2020. Т. 7. № 4. С. 16–29. DOI: 10.17759/langt.20200700402

«Театр – это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра...»: Материалы городской междисциплинарной научно-практической конференции «Русский театр: от райка до модерна» / Московский городской дом учителя; сост. Л.А. Черниченко; отв. ред. Н.Г. Минько. М., 2020. 168 с.: ил.

Из содерж.:

Виноградов И.А. «Вам знакомы высшие тайны...» Светское и духовное в комедии Н.В. Гоголя «Игроки». С. 5–28.

Шохина Е. Из истории постановки комедии Гоголя «Ревизор». С. 29–35.

Федь Т.Н. «Женитьба» Н.В. Гоголя в Болгарии в свете межкультурной коммуникации // Осенние коммуникативные чтения – 2018: сб. статей международной научно-практической конференции (Москва, 20–30 ноября 2018 г.) / Сост. О.Ю. Ивановой. М., 2020. С. 165–171.

[Комедия Гоголя «Женитьба» на сцене театра «София» на болгарском языке (2017 г.)]

Щербаков А.Б. Контексты текста Гоголя «К читателю от сочинителя». Статья первая // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сб. статей международной научно-практической конференции (Таганрог, 17 декабря 2020 г.): В 2 ч. Ч. 2. Уфа: OMEGA SCIENCE, 2020. С. 155–157.

2021

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести / Худож. Олег Коминарец. М.: Изд-во Махаон; Азбука-Аттикус, 2021. 136 с.: ил. 4000 экз.

[К 200-летию Гоголя.]

Содерж.: Вечер накануне Ивана Купала; Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Вступ. статья и коммент. И. Виноградова; худож. В. Бритвин. М.: Детская литература, 2021. 383 с.: ил. – (Школьная библиотека). 5000 экз.

Загл. вступ. статьи: И по ту, и по эту сторону Диканьки. С. 5–52.

Коммент. С. 356–382.

Размышления о Божественной Литургии: современная редакция / Подгот. текста, примеч. протоиерея Николая Булгакова. 2-е изд. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2021. 192 с.

Примеч. С. 153–191.

ЛИТЕРАТУРА

Андрущенко Е.А. Почему Д.С. Мережковский изменил название книги «Гоголь и черт»? // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. М., 2021. № 3. С. 114–120. DOI:10.20339/PhS.3-21.114

Боярская Т.Ю. Очерк П. Мериме «Николай Гоголь»: интерпретация как самовыражение // Научный диалог. Екатеринбург, 2021. № 5. С. 183–201. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-183-201

Булавина М.О. Гоголь и кино: исторический аспект // Libri Magistri. Филология и ее проблемное поле. Магнитогорск, 2021. № 3(17). С. 69–80.

Булавина М.О. Гоголь и фольклор: на материале экранизаций // Между арт-хаусом и массовым кино: о стилевых и жанровых границах в киноискусстве: Материалы международной молодежной научно-практической конференции (Москва, 22–24 апреля 2021 г.) / Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова. М.: ВГИК, 2021. С. 57–63.

Булавина М.О. Драматургия Гоголя в кино // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 2021. № 8. С. 132–140.

Булавина М.О. Ужасное в произведениях Гоголя и в их кинематографических версиях // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. М., 2021. № 2(41). С. 113–121.

Булавина М.О. Фольклор и кино: Гоголь на экране // Вестник Вологодского гос. ун-та. Серия Исторические и филологические науки. Вологда, 2021. № 3(22). С. 48–52.

Буравова М.А. История переводов произведений Н.В. Гоголя на узбекский язык // Культура и цивилизация. Ногинск, 2021. Т. 11. № 3–1. С. 60–67. DOI: 10.34670/AR.2021.71.70.008

Варава В.В., Иванов Д.И. Николай Гоголь и Константин Кинчев: общность духовно-нравственных установок в контексте словесной культуры // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. М., 2021. № 3(101). С. 89–102. DOI: 10.24412/1997-0803-2021-3101-89-102

Варфаламеева Т.В. Гоголевские аллюзии и реминисценции в творчестве И.Л. Щеглова-Леонтьева // Актуальные проблемы филологии / Уральский гос. педагогический ун-т. Екатеринбург, 2021. № 22. С. 66–73.

Виноградов И.А. Цензура и произведения Н.В. Гоголя // Литературный факт: научный журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, 2021. № 2(20). С. 238–256. DOI: 10.22455/2541-8297-2021-20-238-256

Воропаев В.А. Зачем Гоголь ездил к юридивому: К 155-летию со дня кончины московского блаженного Ивана Яковлевича Корейши // Православное книжное обозрение. М., 2021. Июль. № 7(117). С. 50–55.

Джафарова К.К. История и теория литературы в поздней публицистике Гоголя // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. Махачкала, 2021. Т. 36. № 2. С. 93–96. DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-93-96

[На материале «Учебной книге словесности для русского юношества» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Особый интерес Гоголя в 1840-е гг. к русской литературе XVIII в.]

Евфимий (Моисеев), игумен, ректор Тульской духовной семинарии. Верность призванию. К 70-летию В.А. Воропаева // Stephanos. М., 2021. № 1(45). С. 53–55 (www.stephanos.ru) (эл. изд.). DOI 10.24249/2309-9917-2021-45-1-53-55

Илюшин Е.А. Имена и образы классиков литературы в современном юморе // Слово. Грамматика. Речь: сб. научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2021. С. 89–104.

[В частности, на материале произведений Гоголя.]

Канова А.А. Образ Н.В. Гоголя в литературном портрете В.Г. Короленко «Трагедия великого юмориста. Несколько мыслей о Гоголе» // Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0» (Томск, 19–24 апреля 2021 г.): Материалы форума и конференции: В 2 т. Т. 1: Филология. История / Томский гос. педагогический ун-т; науч. ред. А.В. Болотнов, Н.С. Болотнова и др. Томск, 2021. С. 143–148.

Колмакова О.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в художественной интерпретации М.А. Булгакова // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2021. № 467. С. 28–33. DOI: 10.17223/15617793/467/3

[На материале двух произведений М.А. Булгакова – фельетона «Похождения Чичикова» и пьесы «Мертвые души».]

Кондратьев А.С., Меринов К.А. Иван Хлестаков, Иван Карамазов и Иван Бездомный: духовный опыт и христианская аксиология // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики / Воронежский гос. технический ун-т. Воронеж, 2021. № 3(42). С. 133–139.

[Духовное становление героев Гоголя, Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова в свете христианской аксиологии.]

Литвин В.В. Культурный миф Н.В. Гоголя // Ростовский научный вестник. Ростов-на-Дону, 2021. № 4. С. 18–20.

Сытина Ю.Н. О неожиданных гранях образов чиновников у Н.В. Гоголя и В.Ф. Одоевского // Научный диалог. Екатеринбург, 2021. № 2. С. 231–243. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243

[Поприщин в «Записках сумасшедшего» Гоголя и приказный Севастьяныч в «Сказке о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» кн. В.Ф. Одоевского.]

Studia Litterarum: научный журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М., 2021. Т. 6. №1.

Из содерж.:

Гуминский В.М. История с географией (Гоголь на пути к Святой земле). С. 170–191. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-170-191

Кузьмина М.Д. (Авто)биографический дискурс в эпистолярии А.С. Хомякова. С. 192–205. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-192-205

[В частности, А.С. Хомяков о Гоголе.]

Сорокина С.П. Шарманка и шарманщики в русской литературе 1840-х гг. С. 206–227. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-206-227

[В частности, на материале поэмы Гоголя «Мертвые души».]

2022

ЛИТЕРАТУРА

Булавина М.О. Творчество Гоголя в постмодернистских киноинтерпретациях // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология, Журналистика. Воронеж, 2022. № 1. С. 21–24.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

М.М. Громова (Москва, Россия)

**Радуле Стийенский (1901–1966).
Библиография публикаций на русском языке. Часть 2**

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

**Radule Stijenski (1901–1966).
Bibliography of Russian-language Publications. Part 2**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1945

Стийенский Р. Зеленый меч, или Правдивая история Томаша Старшего, с малыми – малюго, с великими – великого, прославленного правителя Черногории / Пер. с сербск. в стихах А. Тарковского; худож. И. Шабанов. Л.: Детгиз, 1945. 111 с. (Для ср. возраста.)

Содержание: Сказка первая – о происхождении Томаша-Старшего. Сказка вторая – о том, как Томаш-Старший увидел Войславку. Сказка третья – о том, как Томаш-Старший посетил Золотобородика в Заграде. Сказка четвертая – о том, как Томаш-Старший пировал в Медунском лесу. Сказка пятая – о том, как Томаш-Старший стал Цетинским владыкой. Сказка шестая – о том, как Томаш-Старший победил Огненного Змея. Сказка седьмая – о том, как Томаш-Старший отыскал Войславку. Сказка восьмая – о том, как Томаш-Старший возвратился в Цетинье.

Рец.: [Автор не указан.] «Зеленый меч». Р. Стийенский. Детгиз, 1945 год // Костер. 1946. № 1. 3 с. обл.

Стийенский Р. Из поэмы о маршале Тито / Пер. с сербск. В. Левика // Огонек. 1945. № 1. С. 6.

Стийенский Р. Колыбель юнаков [Стихи и поэмы]. М.: Гослитиздат, 1945. 239 с. (Славянская библиотека.)

Содержание: Отчизне / Пер. В. Державина. Черногория – вечная слава / Пер. А. Штейнберга. Черногорские часовые / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Черногорцу / Пер. А. Тарковского. Сады Черногории / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Морача / Пер. А. Голодного. Соперницы / Пер. В. Лабода. Наше богатство / Пер. А. Тарковского. Князь-озеро / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Колыбель юнаков / Пер. М. Замаховской. Стародавняя песня. Там возникли эти песни / Пер. А. Штейнберга. Сказание о Дюро Рашовиче / Пер. М. Алигер. Песня о битвах Дундича. Смерть партизана Вука Стойовича / Пер. А. Тарковского. Петер Дабшевич / Пер. В. Левика. Мои гусли / Пер. А. Штейнберга. Колыбельная песня / Пер. А. Тарковского. Могила партизана / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Черный камень / Пер. В. Лабода. Убежище. На смерть Милована / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Винтовка партизана / Пер. А. Штейнберга. Раненый. Черногорка. Девушка поэт / Пер. А. Тарковского. Я созову друзей / Пер. В. Левика. Моя песня / Пер. А. Штейнберга. Спи, сыночек / Пер. К. Арсеновой и С. Мар. Песня зари. Мое царство. Мой дворец. Песня / Пер. М. Замаховской. Песня о народном герое. Он был со мной / Пер. А. Тарковского. «Кто ни в цепях» / Пер.

В. Левика. Хор славян / Пер. А. Тарковского. Русский. Украина / Пер. В. Левика. Белоруссия / Пер. М. Замаховской. Полякам / Пер. А. Тарковского. Песня чеха / Пер. В. Левика. Сербским партизанам / Пер. А. Тарковского. Югославским партизанам / Пер. М. Замаховской. Боснийским партизанам / Пер. П. Радимого. Черногорец / Пер. М. Замаховской. Богатырь Тито / Пер. Л. Пеньковского. Клятва / Пер. В. Левика. Спужская крепость. Зеленый меч / Пер. А. Тарковского.

Рец.: Радуге Стийенский. Колыбель юнаков. Гослитиздат. 1945 г., стр. 240. Ц. 6 руб. // Известия. 1945. № 125 (8735). 30 мая. С. 3.

Стийенский Р. Мой город / Пер. с сербск. А. Тарковского // Детям. Эстрадный сборник для детской художественной самодеятельности / Сост. К. Чуковский. М.; Л.: Искусство, 1945. 219 с. С. 19–20.

Рец. на сб.: *Гуревич Ф.* Подарок детям // Литературная газета. 1945. № 38(1149). 8 сент. С. 4.

1946

Стийенский Р. Бой с морскими разбойниками (стихотворение) / Пер. с сербск. М. Тарловского. Худож. Б. Семенов // Костер. 1946. № 1. С. 8–9.

1947

Шафранников В. Слава. Для смешанного хора а capella или в сопровожд. ф.-п. / Слова Радуги Стийенского; пер. с сербск. Н. Белинович. М.: Союз советских композиторов, 1947. 13 с.

1950

Стийенский Р. Отчизне / Авториз. пер. с сербск. В. Луговского // Знамя. 1950. № 5. С. 136.

1953

Стийенский Р. Клятва югославских патриотов великому Сталину. Стийенская пещера. Стихи / Пер. с сербск. В. Державина // Звезда. 1953. № 4. С. 118–121.

1955

Стийенский Р. Очаг свободы. Исторический роман. Кн. 1. Марко Милянов / [Худож. Е.Н. Голяховский]. М.: Советский писатель, 1955. 606 с.

1957

Стийенский Р. Волшебные гусли. Сказки / Авториз. пер. с сербск. А. Тарковского; оформ. Т. Цинберг. Л.: Детгиз, 1957. 272 с. (Для ср. возраста).

Содержание: От редакции. Рассказ о том, как произошли Волшебные гусли. Ночь первая. Книга Томаша-Старшего, с малыми – малого, с великими – великого. Сказка первая – о происхождении Томаша-Старшего. Сказка вторая – о том, как Томаш-Старший увидел Войславку. Сказка третья – о том, как Томаш-Старший посетил Золотобородика в Заграде. Сказка четвертая – о том, как Томаш-Старший пировал в Медунском лесу. Сказка пятая – о том, как Томаш-Старший стал Цетинским владыкой. Сказка шестая – о том, как Томаш-Старший победил Огненного Змея. Сказка седьмая – о том, как Томаш-Старший отыскал Войславку. Сказка восьмая – о том, как Томаш-Старший возвратился в Цетинье. Ночь вторая. Книга Томаша-Среднего, лунного ковача. Сказка первая – о том, как Томаш-Средний покинул Цетинье. Сказка вторая – о том, как Томаш-Средний учился у горных вил. Сказка третья – о том, как Томаш-Средний посетил Цетинского владыку. Сказка четвертая – о том, как Томаш-Средний спасался от арбы владыки. Сказка пятая – о том, как Томаш-Средний блуждал за границей. Сказка шестая – о том, как Томаш-Средний женился на горной виле. Сказка седьмая – о том, как Томаш-Средний покинул Триглав. Сказка восьмая – о том, как Томаш-Средний стал жителем Луны. Ночь третья. Книга Томаша-младшего, черногорского юнака. Сказка первая – о том, как Томаш-Младший покинул Гору Триглав. Сказка вторая – о том, как Томаш-Младший добыл Зеленый меч своего деда. Сказка третья – о том, как Томаш-Младший

выдержал бой с морскими разбойниками. Сказка четвертая – о том, как Томаш-Младший победил турок у Царева лаза. Сказка пятая – о том, как Томаш-Младший победил заморских врагов на горе Требине. Сказка шестая – о том, как Томаш-Младший летал на самодельных крыльях. Сказка седьмая – о том, как Томаш-Младший сражался на горе Стийене со злыми насекомыми. Сказка восьмая – о том, как Томаш-Младший отправился на луну. Заключение. Сказка о сказке. Словарь.

1959

Стийенский Р. Очаг свободы. Исторический роман. Кн. 1. Марко Милянов / [Худож. Е.Н. Голяховский]. М.: Советский писатель, 1959. 614 с.

Стийенский Р. Песни. Стихотворения. Поэмы / Авториз. пер. с сербск. М.: Гослитиздат, 1959. 407 с.

Содержание: Под красным знаменем крылатым. Ленин / Пер. А. Тарковского. Северная баллада о Ленине / Пер. И. Строганова. Живи, моя отчизна древняя / Пер. А. Штейнберга. Живем сражаясь, умираем стоя. Стражары на Дурмиторе / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Гора Жива / Пер. А. Штейнберга. На смерть Дьюро Дьяковича. Мать Милована / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Милун Божович. Могила Милана Вукашиновича / Пер. А. Штейнберга. Песня партизана Мирко. Первые шаги / Пер. А. Тарковского. Винтовка / Пер. А. Штейнберга. Облава / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Раненый / Пер. А. Тарковского. Могила юнака. Переключка волков. Лешкопольская битва. Убежище / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Черногория – вечная слава. Черногория – вечная слава. Явор-Планина / Пер. А. Штейнберга. Чабан. Сады Черногории. Князь-озеро. Хоровод в горах / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Из драматической поэмы «Разгром Кадичей» / Пер. А. Штейнберга. Девушка прощается с милым. Которская бухта 6 апреля 1941 года / Пер. А. Тарковского. Лишь борьба переживает годы / Пер. автора. Лавр. Долина Зеты. Вешний сон / Пер. А. Штейнберга. Песни сирого юнака. Расцвели гранаты и черешни... Юнак ищет ночлега / Пер. А. Штейнберга. Песня безутешного горя / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Сын рыбака. Среди соловьиных долин... Двадцать лет спустя / Пер. А. Штейнберга. Мать ждет / Пер. А. Тарковского. Снова поют песни сирого юнака. Поет юнак под вековой чинарой. «Виля песен, подай хоть какой-нибудь знак...» Благодарственная песня сирого юнака. Вечная песня. Песня возврата. Осенняя песня сирого юнака. Песня о волшебной ладье. Олива сирого юнака. Песня весеннего утра. Левада юности моей / Пер. А. Штейнберга. Свободу народам. Абиссинскому народу. Испанскому народу / Пер. А. Штейнберга. Хочу песню. Хочу песню / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Песня о девичьей слезе / Пер. А. Штейнберга. Албанской девушке Люмтури / Пер. Вл. Державина. Песня. Колыбельная песня / Пер. А. Тарковского. Хандра. Самаркандская долина / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Дряхлый дуб. Моя рука / Пер. А. Штейнберга. Кубок / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Другу / Пер. автора. Ветер в горах / Пер. А. Штейнберга. Сказки и притчи. Записка. Стародавняя песня. Сказание о Черном Озере у подножия Дурмитора. Девичий Бор. Повествование о волшебном хлебе св. Саввы. Сказание о последнем заряде Периши Вукова, знаменитого охотника и ловца. Обрен Самораный. Сказание о последнем вихревике. Сказание о Комовской Котловине. Сказка о Тоше. Сказка о Тошином сыне / Пер. А. Штейнберга.

1961

Стийенский Р. Еще с детства я слышал об Украине... // Радуга. 1961. № 1. С. 7.

Стийенский Р. Очаг свободы. Исторический роман. Кн. 2. Семья Любобратичей / [Худож. Е.Н. Голяховский]. М.: Советский писатель, 1961. 754 с.

1963

Стийенский Р. Наша дружба – наше богатство [Поэма] / Авториз. пер. с сербск. Л. Вышеславского // Радуга. 1963. № 5. С. 3–7.

1965

Стийенский Р. Полночь. Нет конца. Пришла моя осень. Стихи / Пер. с сербскохорв. А. Штейнберга // Звезда. 1965. № 3. С. 99–101.

1966

Стийенский Р. Очаг свободы. Исторический роман. Кн. 3. Янко Любобратич / [Худож. Е.Н. Голяховский]. М.: Советский писатель, 1966. 334 с.

Стийенский Р. Следы на песке. Книга стихов / Авториз. пер. с сербо-хорват. А. Штейнберга. М.: Советский писатель, 1966. 140 с.

Содержание: Ветер в горах. Вечная песня. «Пока я скитался...» Бессонница в Цхалтубо. Нет конца. Пришла моя осень. «От юности до зрелости...» Сон. Воспоминание. Поле Радовче. Олива сирого юнака. Ночной квартет. «Заоблачный Ловчен...» Притча о материнском молоке. Старые косари. Балтийский рыбак. Ночной хор. Полночь. Голос на заре. Строителям памятника. Следы на песке.

1968

Стийенский Р. Последний ветер. Избранные стихотворения / Пер. с сербско-хорват. и предисл. А. Штейнберга; худож. Ю. Соостер. М.: Художественная литература, 1968. 183 с.

Содержание: Черногория – вечная слава. Черногория – вечная слава. Ночной квартет. Другу. Гора жива. Два послания. Абиссинскому народу. Испанскому народу. Ветер в горах. Ветер в горах. Пока я скитался. Бессонница в Цхалтубо. Пришла моя осень. Следы на песке. Песни сирого юнака. Расцвели гранаты и черешни... Поле Радовче. Снова поют песни сирого юнака. Виля песен. Благодарственная песня сирого юнака. Вечная песня. Осенняя песня сирого юнака. Песня о волшебной ладье. Песня весеннего утра. Олива сирого юнака. Левада юности моей. Строителям памятника. Заоблачный ловчен. «Заоблачный ловчен...» Казачья оратория. 1. Разговор по душам. 2. Полночь. 3. Станичное кладбище. 4. Старый казак и соловьи. 5. Песня Безрученко. 6. Хор молодежи. 7. Полдень. 8. Песня пастухов. 9. Старые косари. 10. Обед. 11. Перекурка. 12. Голоса и песня Иванова, председателя сельсовета. 13. Сумерки. 14. Песня Человека. 15. Ночная переключка. 16. Песня неизвестного. 17. Отдаленный хор. 18. Последний взгляд. 19. Колыбельная. 20. Моя заключительная песня.

1976

Стийенский Р. Гора жива [Фрагмент] / Пер. А. Штейнберга // Дунаевский А.М. Жанна Лябурб – знакомая и незнакомая. М.: Изд-во политической литературы, 1976. С. 44–45.

1982

Стийенский Р. Гора жива [Фрагмент] / Пер. А. Штейнберга // Дунаевский А.М. Жанна Лябурб – знакомая и незнакомая. 2-е изд., доп. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 79.

Стийенский Р. Строителям памятника [В сокр.] // Литературная газета. 1982. № 10 (4868). 10 марта. С. 2.

[Б. Г.]

Грачев М. Соколиное племя. Смешанный хор. Ч. 1–3 / Слова Стиенского. Муз. Грачева. [б. г.] 3 тетр. (12 парт.).

ЛИТЕРАТУРА

1935

[Автор не указан.] Читателю, знакомому с сербским фольклором... // Стийенский Р. Партизаны на Дурмиторе. Стихи / Авториз. пер. с сербск. А. Тарковского, А. Штейнберга. М.: Гослитиздат, 1935. С. 3–4.

1936

Зелинский К. Радуле Стийенский // Красная новь. 1936. Кн. 6. С. 202–208.

Зелинский К. О Радуле Стийенском // Стийенский Р. Колхозная оратория. М.: Советский писатель, 1936. С. 5–24.

Мирский Д. [Без названия] // Известия. 1936. № 24. 28 янв.

Мирский Д. Владимир Яхонтов // Литературная газета. 1936. № 1(564). 5 янв. С. 5.

От издательства // Стийенский Р. Партизаны на Дурмиторе. Стихи. Кн. 2 / Авториз. пер. с сербск. А. Штейнберга. М.: Художественная литература, 1936. С. 3–5.

Штейнберг А. Пояснения к переводу // Стийенский Р. Колхозная оратория. М.: Советский писатель, 1936. С. 25–44.

1937

Вячеславов П. [Без названия] // Что читать. 1937. № 5. С. 60–61.

Дейч А. «Черногорские сказки» (Р. Стийенский, «Черногорские сказки») // Детская литература. 1937. № 16. С. 11–13.

Иноземцев И., Литвинов В. Школа любознательности (Обзор журнала «Пионер» за 1936 год) // Наши достижения. 1937. № 3. С. 132–137.

Саргиджан Амир (Бородин С.). Черногорец Радуле Стийенский среди нас – дома... // Литературное обозрение. 1937. № 6. 25 марта. С. 30–32.

1939

С. И. В секции поэтов // Литературная газета. 1939. № 18(797). 30 марта. С. 6.

1940

Азаров В. Стийенский, Р.М. Черногорские сказки. – Детиздат. 1939 г. // Звезда. 1940. № 7. С. 213–214.

Гершензон М. Радуле Стийенский // Детская литература. 1940. № 6. С. 38–43.

Дукор И. Сборник «Сталин». Гослитиздат. 1939 г., 386 стр. Цена 13 рублей // Красная новь. 1940. № 5. С. 308–310.

Тренин В. Стихотворения Радуле Стийенского. [О книгах «Стражиште» и «Черногорские сказки»] // Литературное обозрение. 1940. № 18. С. 15–19.

1941

[Автор не указан.] Новый репертуар... // Вечерняя Москва. 1941. № 194(5325). 18 авг. С. 4.

Бабушкина А. «Костер» Радуле Стийенского // Детская литература. 1941. № 5. С. 36–38.

Макаров И. Песни партизан // Новый мир. 1941. № 9. С. 182–183.

Ярославский Е. Борьба славянских народов против германского фашизма. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. С. 16–17.

Ярославский Е. Борьба славянских народов против германского фашизма. [Йошкар-Ола]: Марийское гос. изд., 1941. С. 16–17.

Ярославский Е. Борьба славянских народов против германского фашизма. [М.]: Военмориздат, 1941. С. 16–17. (Библиотека краснофлотца.)

Ярославский Е. Борьба славянских народов против германского фашизма. Уфа: Башгосиздат, 1941. С. 16–17.

1942

От издательства. Этот сборник стихотворений... // Стийенский Р. Моя песня [Стихи] / Пер. с серб. А. Тарковского, А. Штейнберга и И. Строганова. [М.]: Молодая гвардия, 1942. С. 3–4.

Шагинян М. Дневник москвича. М.: Профиздат, 1942. С. 12–13.

1944

[Автор не указан.] На очередном «четверге» «Комсомольской правды» // Комсомольская правда. 1944. № 124(5835). 26 мая. С. 4.

Евгеньев Б. Певец народной мести // Новый мир. 1944. № 8–9. С. 143–144.

Надеждина М. Сказ о черногорском вожде // Огонек. 1944. № 1. С. 13.

1945

[Автор не указан.] Радуле Стийенский. Колыбель юнаков. Гослитиздат. 1945 г., стр. 240. Ц. 6 руб // Известия. 1945. № 125 (8735). 30 мая. С. 3.

[Автор не указан.] Радуле Стийенский... // Стийенский Р. Колыбель юнаков [Стихи и поэмы]. М.: Гослитиздат, 1945. С. 2.

[Автор не указан.] Стийенский Радуле. Колыбель юнаков. М. Гослитиздат. 240 стр. 1945 // Октябрь. 1945. № 8. С. 202.

Благинин Л. Славянская библиотека // Новый мир. 1945. № 8. С. 121–125.

Яковлев Н.В. Поэт-певец // Звезда. 1945. № 10–11. С. 199–200.

1946

[Автор не указан.] «Зеленый меч». Р. Стийенский. Детгиз, 1945 год // Костер. 1946. № 1. 3 с. обл.

[Автор не указан.] Что читать. «Зеленый меч» Р. Стийенского // Костер. 1946. № 1. 3 с. обл.

1951

[Автор не указан.] Памяти Петра Негоша // Славяне. 1951. № 11. С. 60.

1959

[Автор не указан.] Радуге Стийенский (Биографическая справка) // Стийенский Р. Песни. Стихотворения. Поэмы / Авториз. пер. с сербск. М.: Гослитиздат, 1959. С. 400.

1960

Болгарин И. Тропою Арсеньева // Болгарин И. Тропою Арсеньева. Путевые очерки. Сквозь тайгу. Киносценарий. М.: Советская Россия, 1960. С. 3–294.

1965

Брандис Е.П. От Эзопа до Джанни Родари: Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М.: Просвещение, 1965. 312 с.

1966

[Автор не указан.] Радуге Стийенский [Биографическая справка] // Стийенский Р. Следы на песке. Книга стихов / Авториз. пер. с сербо-хорват. А. Штейнберга. М.: Советский писатель, 1966. С. 1.

1968

Штейнберг А. Разделенное сердце // Стийенский Р. Последний ветер. Избранные стихотворения. М.: Художественная литература, 1968. С. 5–14.

1970

Регистан Г. Из лирического дневника. Довидженья! // Огонек. 1970. № 32. С. 18–19.

Регистан Г. Довидженья! // Регистан Г. Стать березой. Стихи и поэмы. М.: Советский писатель, 1970.

1972

Регистан Г. Довидженья! // Регистан Г. Голос долга: стихи, песни, поэмы. М.: Воениздат, 1972. С. 25–38.

1973

Шагинян М.С. Оборона Москвы // Шагинян М.С. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 4. Очерки 1941–1969. М.: Художественная литература, 1973. С. 9–34.

1976

Дунаевский А.М. Жанна Лябурб – знакомая и незнакомая. М.: Изд-во политической литературы, 1976. С. 44–47.

1977

Русско-турецкая война 1877–1878 / [В.И. Ачкасов, А.П. Барбасов, В.И. Виноградов и др.; под ред. И.И. Ростунова]. М.: Воениздат, 1977. С. 237.

Шагинян М.С. Оборона Москвы // Шагинян М.С. Очерки разных лет: 1941–1976. М.: Советская Россия, 1977. С. 7–26.

1978

Регистан Г. Довидженья! // Регистан Г. Синий лён. Поэмы. М.: Современник, 1978. С. 68–81.

1979

Семенов Б. [Без названия] // К.И. Рудаков. Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1979. С. 37–56.

1980

Брандис Е.П. От Эзопа до Джанни Родари: Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М.: Детская литература, 1980. 446 с.

1981

Брыль Я. Ахали-Гагра / Пер. Д. Ковалева // Брыль Я. Стежки, дороги, простор [рассказы. Пер. с белорус.]. М.: Известия, 1981. С. 114–116. (Б-ка «Дружбы народов»).

Станишич Йоле. К проблеме двуязычия и многоязычия в литературе южных славян (из истории литератур Сербии, Хорватии, Черногории) // Многоязычие и литературное творчество: [Сборник статей] / [Отв. ред. М.П. Алексеев]. Л.: Наука, 1981. С. 149–239.

Регистан Г. Довидженья! // Регистан Г. Миг и вечность: книга лирики. М.: Советская Россия, 1981. С. 54–68.

1982

Дунаевский А.М. Жанна Лябурб – знакомая и незнакомая. 2-е изд., доп. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 70–74.

Черота И. Поэт Радуле Стийенский // Неман. 1982. № 1. С. 186–189.

Штейнберг А. «Необъятна моя великанская сила». Памяти черногорского поэта-коммуниста // Литературная газета. 1982. № 10(4868). 10 марта. С. 2.

1984

Регистан Г. Довидженья! // Регистан Г. Избранное: стихотворения, поэмы, песни, переводы М.: Современник, 1984. С. 62–72.

Трубачев О. Книга в моей жизни // Альманах библиофила. Вып. 16. М.: Книга, 1984. С. 11–24.

1986

Паустовский К. Т.Л. Паустовской. 6 февраля 1955 г. // Паустовский К. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Письма 1915–1968. М.: Художественная литература, 1986. С. 303–304.

Регистан Г. Довидженья! // Регистан Г. Ветер времени. Стихи, поэмы. М.: Советский писатель, 1986. С. 69–81.

1987

Мирский Д.С. О советской поэзии // Мирский Д.С. Статьи о литературе / Вступ. ст. Н. Анастасьева; сост. и коммент. М. Андропова. М.: Художественная литература, 1987. С. 287.

Шагинян М.С. Оборона Москвы (очерк) // Венок славы. Т.2. Битва за Москву / Сост. В.И. Кочетков. М.: Современник, 1987. С. 70–87.

Шагинян М.С. Оборона Москвы (очерк) // Шагинян М.С. Собр. соч.: В 9 т. Т.4. Кик. Роман-комплекс. Очерки 1941–1979. М.: Художественная литература, 1987. С. 127–150.

1993

Станишич Йоле. Легенды о П.П. Негоше и А.С. Пушкине // Русская литература. 1993. №4. С. 117–136.

Тарковская М. Осколки зеркала (фрагмент) // Согласие. 1993. №1(17). С. 89–113.

Козловский Я. Две встречи (очерк) // Юность. 1993. №4. С. 74–77.

1995

Липкин С. Вторая дорога. Зарисовки и соображения. М: Олимп, 1995. С. 113–114.

1997

Мирский Д.С. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Comp. and ed. by G.K. Perkins and G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997. 298 с.

Нерлер П. Следственное дело №4788 (1937–1939) // Штейнберг А. К верховьям. Собрание стихов. О Штейнберге. Материалы к биографии. Мемуары. Заметки. Стихи / Сост. В. Перельмутер. М.: Совпадение, 1997. С. 326–349.

1999

Нейман Ю. Особая примета // «Я жил и пел когда-то...»: воспоминания о поэте Арсении Тарковском / Сост. М.А. Тарковская. Томск: Водолей, 1999. С. 9–18.

Тарковская М.А. Осколки зеркала. М.: Дедалус, 1999. С. 135–137.

2001

Иванов В.В. Дневники 1941 июнь – 1945 // Иванов В.В. Дневники / Сост. М.В. Иванов и Е.А. Папкова; предисл. и комм. Е.А. Папкова, М.А. Черняк. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 206.

2003

Хвостенко Т.В. Вечера на Масловке близ «Динамо». Воспоминания. Т. 1: Забытые имена. М.: Олимпия Press, 2003. С. 336.

2004

Трубачев О. Книга в моей жизни // Трубачев О. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В 2 т. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Opera etymologica. Звук и смысл). С. 534–547.

2005

Левинский Д. Мы из сорок первого... Воспоминания. М.: Новое изд-во, 2005. (Другая война.) С. 60, 66.

Полян П. Иностранцы в ГУЛАГЕ: советские репрессии против иностранноподданных // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграция / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 617–630. (Нация и культура).

2006

Тарковская М.А. Осколки зеркала. 2-е изд., доп. М.: Вагриус, 2006. С. 265–268.

2008

Бугаевский В. Библия Акимыча // «Он между нами жил...»: Воспоминания об Аркадии Штейнберге / Сост. В.Г. Перельмутер. М.: Русский импульс, 2008. С. 50–66.

Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / [Ин-т рос. истории РАН]. М., 2008. С. 17–69.

Липкин С. Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. Беседа с Л.Н. Кривомазовым // Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине. М.: РГГУ, 2008. С. 248–258.

Липкин С. Вторая дорога // «Он между нами жил...»: Воспоминания об Аркадии Штейнберге / Сост. В.Г. Перельмутер. М.: Русский импульс, 2008. С. 14–15.

2009

Тарковский А.А. Цветет и вращается в эфир // Тарковский А.А. Судьба моя сгорела между строк. М.: Эксмо, 2009. С. 128–141.

2011

Тренина Е. «С той стороны зеркального стекла...» Из воспоминаний // Знамя. 2011. № 11. С. 73–99.

2012

Раевский Г.В. Дневники и письма // Летописи войны. Воспоминания, дневники, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 156–241.

2014

Мирский Д.С. Владимир Яхонтов // Мирский Д.С. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., материалы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 327–330.

2017

Бабиков А.А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 812, [3] с.

Бабиков А.А. Сочетание стали и патоки. Владимир Набоков о советской литературе. Новые материалы // Литературный факт. Научный журнал. 2017. №3. С. 8–66 (см. стр. 51).

Бычков С. Упертый арестант: Аркадий Штейнберг // Альманах Чайка. 2017. №6. С. 78–86.

2018

Тарковская М.А. Тарковские: осколки зеркала. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 312–315.

2020

Нерлер П. Переводчик? Соавтор? Автор?.. – Аркадий Штейнберг и Радуле Стийенский // Нерлер П. Путем потерь и компенсаций: этюды о переводах и переводчиках. М.: Рудомино, 2020. С. 285–300.

2022

Земскова Е. «Как болит от вас голова»: поэтические переводы в биографии Арсения Тарковского // Новое литературное обозрение. 2022. №4(176). С. 178–195.

Недошивин В. Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8000 адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII–XXI вв.). Т. 2. [Электронное издание.] М.: АСТ, 2022. 1230 с.

Тарковская М.А. «Дрилкин дневник», «вафли» из снега, хутор Горчакова и довоенная Москва / Ведущая Е.А. Голицына (21.10.2022): oralhistory.ru/talks/orh-2101/text (дата обращения: 12.04.2023).

2023

Громова М.М. Радуле Стийенский (12.04.2023): youtu.be/Lr-lrtI5RDY (дата обращения: 08.09.2023).

Недошивин В. Тарковские. Дома и годы. Двух больших художников связывали лишь почтовые адреса // Родина. Исторический научно-популярный журнал. 2023. №1. С. 78–85 (см. стр. 81).

Тарковская М.А. Солдатики из книг Веры Инбер, смородина на даче Фадеева и учеба в «монастыре святой Ксении» / Ведущая Е.А. Голицына (09.02.2023): oralhistory.ru/talks/orh-2103/text (дата обращения: 12.04.2023).

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
мл. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

Научная жизнь

Academic Life

О.Ю. Дементьева (Москва, Россия)

Круглый стол «Магистр-2024: шаг в профессию»: традиция продолжается

О.Ю. Dementieva (Moscow, Russia)

Round Table “Masters Students 2024: Step into the Profession”: The Tradition Continues

1 марта 2024 г. кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного был организован и проведен круглый стол «**Магистр-2024: шаг в профессию**». Такие круглые столы уже стали традиционными; они проводятся один раз в два года. Их цель – предоставить магистрантам, обучающимся по программам, разработанным кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, возможность выступить с научными докладами и обсудить вопросы, связанные с разработкой лингводидактических основ и методики преподавания русского языка как иностранного, а также принять участие в обсуждении профессиональных проблем со специалистами, работающими в этой области. В работе круглых столов принимают участие студенты магистратуры, их научные руководители, преподаватели практического русского языка в иноязычной аудитории.

С приветствием к участникам Круглого стола обратилась зав. кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного профессор Е.Л. Бархударова. В ходе работы Круглого стола было заслушано десять докладов студентов интегрированной и традиционной магистратуры, обучающихся на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. Наряду с докладчиками из России среди выступавших были докладчики из КНР.

В тематике докладов нашли свое отражение многообразные аспекты преподавания русского языка как иностранного. Характеристике арабского и таджикского акцентов и путям их преодоления были посвящены доклады Н.Н. Байбаковой и М.Т. Муминовой; закономерности переноса ударения на предлог в сочетаниях с существительными были рассмотрены в докладе В.Н. Симбиркиной. Русская безэквивалентная лексика в лингвострановедческом аспекте стала темой выступления А.О. Файзухановой. Во многих выступлениях обсуждались фрагменты русской грамматической системы в аспекте их лингводидактического описания: презентация одушевленных и неодушевленных существительных (М.Д. Емельянова); местоименное сочетание *тот же* в диктумных и модусных употреблениях (П.А. Поветьева); наречия, совмещающие значения локативности, темпорально-

сти и обусловленности (О.П. Протасевич); русские существительные общего рода и их восприятие носителями китайского языка (Ю.С. Гурьянова). Докладчиков из КНР интересовали проблемы лингвокультуры: в докладе Чжао Хао было рассмотрено понятие *смех* в языке и культуре; в докладе Ли Даюна – дендрарийный код культуры в практике преподавания РКИ.

Все доклады вызвали живой интерес аудитории и сопровождались большим количеством вопросов.

Организаторам было очень приятно получить отзывы магистрантов о Круглом столе. Так, своими впечатлениями поделилась В.Н. Симбиркина: «Это был очень интересный опыт для каждого из нас. Мне очень понравилось, что доклады каждого из выступавших освещали разные аспекты РКИ. Таким образом, мы не только попробовали себя в роли докладчика, но и получили новый опыт в нашей сфере деятельности, расширили свой кругозор, посмотрели на некоторые темы совсем с другого ракурса. Данное мероприятие мотивирует продолжать исследования, а также позволяет найти “свежие” идеи для научной работы». А.О. Файзуханова, для которой ее доклад был первым выступлением на научной конференции, отметила атмосферу дружелюбия и профессиональной заинтересованности и выразила благодарность всем выступившим за интересные доклады, а «дорогим педагогам за их участие в жизни магистрантов, за их мудрое наставничество и за их пример любви к своему делу, к которому хочется стремиться».

Сведения об авторе:

Ольга Юрьевна Дементьева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Yu. Dementieva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olgadem18@mail.ru

In Memoriam

In Memoriam

Сергей Николаевич Мещеряков
(8 мая 1954 – 23 февраля 2024)

Sergey Nikolaevich Meshcheryakov
(May 8, 1954 – February 23, 2024)

23 февраля 2024 г. после тяжелой болезни ушел из жизни доцент кафедры славянской филологии Сергей Николаевич Мещеряков. Вся его жизнь была связана с факультетом и кафедрой славянской филологии, куда он поступил в 1971 г. и начал изучать словенский язык. Его интерес к учебе, активность и способности были замечены, и спустя год он был командирован на полный курс обучения в Белградский университет для изучения сербохорватского языка и литератур народов Югославии. Во время обучения на филологическом факультете Белградского университета Сергей Николаевич продолжил учебу и на заочном отделении филологического факультета МГУ, успешно закончил оба факультета (1977) и поступил в аспирантуру при кафедре славянской филологии. Его научными руководителями были выдающиеся ученые Н.И. Кравцов (1906–1980), а после его смерти – Е.З. Цыбенко (1923–2011). Диссертацию на тему «Жанровое своеобразие сербского реалистического романа 70-х годов XX века» он защитил в 1986 г. Работа над диссертацией велась параллельно с началом преподавательской деятельности (1978) и активной общественной и организаторской работой (в 1981–1983 гг. он был секретарем комитета комсомола факультета).

Сергей Николаевич обладал чрезвычайно широкими познаниями в области югославянских литератур. Он читал лекции по истории сербской и хорватской культуры, истории литературы от эпохи Средневековья до новейшего времени, спецкурсы, посвященные сербскому и хорватскому роману XX в., сербскому историческому роману, сербскому романтизму и русско-сербским литературным связям XIX–XX вв., по сербской литературе 1990–2010-х гг. и постмодернизму; вел спецсеминары, руководил написанием курсовых и дипломных работ. Студентам запомнился глубокий и тонкий анализ художественных произведений, стремление объяснить специфику литературного процесса в тесной связи с историей народа и философскими течениями эпохи. Сергей Николаевич всегда был заинтересован в конечном результате, для него было важно, чтобы студент обладал стройной системой знаний. Ряд лет Сергей Николаевич участвовал в преподавании межфакультетских курсов для бакалавров и магистрантов («Михаил Булгаков и славянские литературы» и др.). В последние годы он расширил преподавательскую активность: читал лекции для курса «Русский язык и культура речи», лекции по истории югославянских литератур на историческом факультете.

Активно занимался С.Н. Мещеряков исследовательской деятельностью, его статьи опубликованы в отечественных и зарубежных научных журналах, энциклопедиях, словарях, «Лексиконе южнославянских литератур». Он был постоянным участником многочисленных научных конференций, в том числе междуна-

родных. Выступал с докладами на нашем факультете, в Институте славяноведения РАН, Санкт-Петербургском университете, в Белграде, Бордо. Его любимыми темами были творчество П.П. Негоша, Иво Андрича (Нобелевского лауреата) и поэзия и проза одного из самых интересных сербских писателей XX в. Милоша Црнянского, а также Добрицы Чосича и Горана Петровича. Сергей Николаевич постоянно обращался к исследованию в сопоставительном плане классиков русской и сербской литератур: Н.В. Гоголя и Б. Нушича, Ф.М. Достоевского и М. Булатовича и др.

Он пользовался авторитетом и признанием сербских коллег. Филологический факультет Белградского университета наградил его Почетной грамотой за вклад в изучение, преподавание и популяризацию сербской литературы. Результатом научных изысканий и многолетней преподавательской деятельности стала публикация трудов: «Краткий очерк истории сербской литературы 2-й половины XII–XIX вв.» (2004), «Сербский исторический роман» (2008), учебного пособия «Литература Дубровника и Далмации эпохи Ренессанса XV–XVI веков» (2022). Немалая часть замыслов осталась, к сожалению, незавершенной.

Сергей Николаевич проработал на филологическом факультете без малого срок пять лет. Светлая память о нем останется в сердцах его коллег и студентов!

Коллектив кафедры славянской филологии

* * *

В адрес кафедры славянской филологии поступили соболезнования от филологического факультета Белградского университета и Международного центра славистики при филологическом факультете.

С большой скорбью мы получили известие о смерти проф. Мещерякова, выдающегося слависта и большого знатока славянских литератур. Профессор Мещеряков был выдающимся исследователем сербской литературы и большим другом Международного центра славистики. Друзья и коллеги Международного центра славистики всегда будут его помнить как замечательного человека.

*Руководитель Международного центра славистики
проф. др. Бошко Сувайджич
28 февраля 2024 г.*

Sa žaljenjem smo čuli za vest o smrti prof. Meščerjakova, izuzetnog slaviste i poznavaoца slovenskih književnosti. Prof. Meščerjakov je bio izuzetan tumač srpske književnosti i veliki prijatelj Međunarodnog slavističkog centra.

Prijatelji MSC-a uvek će ga pamtiti kao divnog čoveka.

*Upravnik Međunarodnog slavističkog centra
prof. dr Boško Suvajdžić*

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2023-64-2-1-186

STEPHANOS
2024
№ 2 (64)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2024
Март — March